

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Annotation

Сегодня совершенно ясно, что в истории и культуре России жизненны и очевидны только две сквозные идеи — о Церкви и о Царстве. Если их так или иначе нет, налицо черты вторичности, подражания, печать чужого. Но еще хуже то, что и эти две сокровенные идеи русской истории сегодня почти полностью превращены в пародию (хотя мы и знаем, что Церковь врата адавы не одолеют). Более того, современный мир весь и есть пародия. Монархию невозможно восстановить. Всякая попытка

восстановления — все равно чего — «монархии», «советской власти» или «истинной демократии» — с неизбежностью оборачивается и обернется гнусной и жуткой пародией. Но Царство бывает явлено. Как и в каких внешних формах — Бог весть. Оно может быть явлено вдруг — во исполнение обетований, данных века назад, святым и старцам, явлено не благодаря, а вопреки нам нынешним. Это область чуда — когда невозможно ничего, возможно все.

- [В.И. Карпец](#)

-

- [ВМЕСТО ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ
- ИСЧЕЗНУВШИЕ
СВЯТЫНИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
НОВГОРОДА
- НО ЕСЛИ НЕ
РЕЛИГИОЗНЫЕ, ТО
КАКИЕ?
- ИТАК, РЮРИК...
- ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ:
- НА РУССКОМ:
- НОВГОРОД
ПРАВОСЛАВНЫЙ И
МОНАРХИЧЕСКИЙ
- КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ
ВЕЧНЫЙ ОЛЕГ...
- «СВЯЩЕННАЯ ЗАГАДКА»
ИЛИ СВЯЩЕННАЯ

ТАЙНА?

- БЛАГОСЛОВЕНИЕ И
ПРОКЛЯТИЕ (К
МЕТАИСТОРИИ РОДА
РОМАНОВЫХ)
- ДИНАСТИЧЕСКАЯ
ТРАГЕДИЯ ИОАННА IV
- ОТ АНДРЕЯ КОБЫЛЫ К
ВЕЙДЕВУТУ:
РОДОСЛОВИЕ И
БАСНОСЛОВИЕ
- ИМЯ И ЖРЕБИЙ. НЕТИ И
ТЕНИ
- * * *
- * * *
- КЛЮЧ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ
- ЦЕНА КРОВИ
- РОДОСЛОВИЕ КОЩЕЯ

БЕССМЕРТНОГО

- «ПОДСТУПАЛ Я ВНОВЬ К
МОСКВЕ СО СЛАВОЙ»
-

В.И. Карпец

**Русь Міровеева
(опыт «исправления
имен»)**

Материалы, представленные сегодня читателю, складывались — да и сложились окончательно — в единую книгу постепенно. Наряду с новыми, представлены некоторые отрывки, написанные еще в 80-е годы прошлого (!) столетия. Теперь уже ясно, что эти тексты действительно разделяет граница эпох.

Сегодня совершенно очевидно, что в истории и культуре России жизненны и очевидны только две сквозные идеи — о Церкви и о Царстве. Если их так или иначе нет, налицо черты вторичности, подражания, печать чужого. Но еще хуже то, что и эти две сокровенные идеи русской истории сегодня почти полностью превращены в пародию (хотя мы и знаем, что Церковь врата адавы не одолеют). Более того, современный мир весь и есть пародия.

Тогда, в 80-е годы века XX-го, когда связь времен, которую многие (и автор этих строк тоже) тщетно пытались скрепить, распалась, и

распалась окончательно, померещилось, что можно взять и восстановить монархию. Так или иначе — через приглашение оставшихся Романовых или учреждение «новой династии», путем Земского Собора или некоего переворота... Вскоре, однако, стало ясно, что власть денег и только денег, причем денег преступных — это надолго и всерьез, гораздо более всерьез, чем, как сегодня очевидно, коммунизм, который и коммунизмом-то никогда не был.

Монархию невозможно восстановить. Всякая попытка восстановления — все равно чего — «монархии», «советской власти» или

«истинной демократии» — с неизбежностью оборачивается и обернется гнусной и жуткой пародией. Но Царство бывает явлено. Как и в каких внешних формах — Бог весть. Оно может быть явлено вдруг — во исполнение обетований, данных века назад, святым и старцам, явлено не благодаря, а вопреки нам нынешним. Это область чуда — когда невозможно ничего, возможно все.

Важно понять следующее: то, из чего, собственно, и родилась эта книга, стержень которой составляет работа, давшая ей название. Вопрос о Царстве это вопрос прежде всего — собственно, и только — о истинно

Царском Роде. А корнями он уходит не в 1613 год (призвание Романовых) и даже не в 862 (предполагаемое призвание Рюрика). Царский Род един, и это всячески подчеркивали старые русские живописцы, изображая Древо Иессеево, в частности, в Московском Кремле. Никакой монархической (или антимонархической) политикой, никакой, даже безупречной, формальной легитимностью подменить его невозможно. Более того, он не имеет отношения даже к тому, о чем часто рассуждают — достоин или не достоин, готов или не готов русский народ к монархии. Эта книга — попытка сказать другое

и о другом. Только через политическую апофатику, «отсечение помыслов» проступают никогда не должны быть словесно обозначенными очертания этого другого.

Данная работа является исправленным и дополненным вариантом одноименной работы, впервые опубликованной в сборнике «Россия перед Вторым Пришествием», сост. Сергеем и Тамарой Фомиными (Москва, об-во св. Василия Великого, изд. «Паломник», 1998).

ВМЕСТО ПРИМЕЧАНИЯ

Большинство библейских и евангельских именований предлагаются в древлеправославной орфографии. [Греческие буквы для удобства читателя и форматирования на Pocket PC заменены латинскими. Также удалены многочисленные академические ссылки на архивные документы, не представляющие интереса для массового читателя. — **Rumata.**]

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

«Кто верно объяснит название Руси, найдет ключ к выяснению ее первоначальной истории», — писал польский историк А.Брюкнер. Более того, не только к первоначальной — к истории вообще, к ее «семенному логосу», смыслу, к русскому будущему. Ибо, как писал инок Андроник (А.Ф.Лосев), «само греческое выражение (EIS ONOMA или EN ONOMAK) доказывает, что имя является определенным местопребыванием божественных энергий и что погружение в него и пребывание в нем всякого тварного

бытия приводит к просветлению и спасению последнего».

Словосочетание «древняя Русь» искусственно. Оно возникло из стремления официальной историографии XIX и особенно XX века отождествить русскую историю с историей иных народов и государств, доказать, что мы «не хуже других». Само стремление к такому доказательству выдает, однако, плохо скрываемое сомнение в его предмете. Так или иначе следует признать, что Русское государство VIII-X веков, от которого историки тянут эпоху «древней Руси», не более не менее, как до Петра Великого, к древнему, то есть

античному міру, никакого отношения не имеет. Перед нами типичное средневековое государство. Что же до собственно русской древности, то, руководствуясь методами позитивной науки, то есть документами, датировка которых всегда сомнительна, нам трудно что-либо здесь и сейчас о ней говорить развернуто. Приходится обрисовывать лишь наиболее общие очертания.

Чрезвычайно ценными представляются нам некоторые указания, не случайно, видимо, появившиеся в самом начале второй мировой войны в журнале «Вестник древней истории», хотя автор статьи

«К вопросу о происхождении слова ROS, ROSIA, Россия» М. Сюзюмов собственно только обобщил ветхозаветные и в особенности византийские свидетельства о древнем сакральном имени, ставшем впоследствии общепризнанным этнонимом. «Можно утверждать с полной уверенностью, — пишет М. Сюзюмов, — что древние русские никогда себя „россами“ не называли: в древних памятниках русского языка подобного слова нет. Мало того, можно считать, что даже сами византийские греки в разговорной речи вряд ли называли русских „россами“ (ROS)... Лиутпранд, епископ Кремонтский, посетивший

Константинополь в середине X века, в своем труде „Antapodosis“ упоминает о русских. При этом он сообщает, что русские получили свое наименование от греческого слова „ROYSIOS“ (что значит „красный“) и что это название русским дали за особый оттенок цвета их тела (*de qualitate corporis*)... В греческом переводе пророка Иезекииля встречается название ROS: „И бысть слово Господне ко мне, глаголя, сыне человекъ, утверди лице свое на Гога и на землю Магога, князя Рос (ROS)“ (Иез. 38, 2)... „Однако, если внимательно проследить эпитеты Патр. Фотия, прилагаемые им к русским, то оказывается, что Фотий

впадает в очевидное противоречие. С одной стороны, он называет русских народом всем известным, с другой стороны — об этих же ROS в своей второй беседе Фотий говорит как о народе совершенно не известном: ETNOS AFANES AL NASION, т. е. таинственный, неизвестный, ETNOS ASEOMOS (неясный) MEZE MEKHRI TES KAT EMON EPEL YSEOS GIGNOSOMENON (до похода на нас непонятный, нераспознанный). Как можно сочетать ТО TRYLLOYMENON (то, о чем все болтают, общеизвестное, пресловутое) с AGNOSION (неизвестным), AFANES (темным)? Если иметь в виду конкретную

народность, русских, напавших на Константинополь, — получается противоречие, действительно непримиримое“.

К этому «непримиримому противоречию» мы еще вернемся, и не раз. Пока что, в качестве некоего «введения в проблему», вспомним о варново-сословном делении арийского общества, сохранявшегося (разумеется, в вырожденно-рудиментарном виде) вплоть до французской революции XVIII века с ее восстанием «третьего сословия» против первого (аристократии) и второго (духовенства). Здесь же речь пойдет не о том. В древних арийских (яфетических) языках *sur, rus, ros, kyr,*

суг, sar означало не только красный цвет, но и солнце, золото, кровь, (металлическую) руду, род и порождение (все понятия по сути синонимичны) и, разумеется, царскую власть и царско-воинское, кшатрийское сословие. Иными словами, Золотой Род или Царскую Кровь (Sang Royal). Кроме того, как отмечали еще в XIX в. А.А.Куник и В.Р.Розен, «Русь — от готского hrodh — слава (отсюда определение черноморских готов как хредготов. Это слово входило в состав имени Рюрик (Hrodhrekr) и первоначально обозначало династию, а потом перенесено на страну, где эта династия правила. Интересно, что в

древнееврейском (симиитическом) языке буква R (resh) это и голова (в том числе усекновенная) и князь, т. е. царь. „Загадочность“ „рода русого“ (он упоминается и как будущий род освободителей Цареграда в „Повести о взятии Константинополя“ XV века, приписываемой Нестору Искандеру, оказывается вполне объяснимой при том, что Византия не выработала династических начал — Императором мог стать и становился кто угодно. У русских же на момент падения Константинополя твердая царско-княжеская династичность была налицо. В этом смысле вызывающее недоумение у некоторых современных авторов имя

прилагательное „русский“ оказывается вполне естественным обозначением царского подданного, государева человека, в принципе вне зависимости от его этнической принадлежности. Более того, оказывается, что для России этноним и государственное название совпадают с именем изначального для нее Царского рода. Смысла этого как для русской историософии, так и просто для русского самосознания переоценить невозможно.

Столь же многосмысленен и многозначен этноним славянин или словенин. Собственно известные нам из так называемой «академической истории» названия «славянских

племен» — древлян, вятичей, полян, радимичей и т. д. не носили собственно имени словене или славяне и, несмотря на близость языков, даже далеко не всегда понимали речь друг друга.

«В начале бе Слово, и Слово бе у Бога, и Слово бе Бог» — все знают это зачатие Четвертого Евангелия (Ин. 1. 1). Слово Божие, или предвечная Жертва, закланная прежде начала времен есть (ибо мы здесь не можем говорить о временном, но лишь о эоническом измерении), собственно, про— и пра— образ сотворенного из красной (ROS) земли человека (словека) «гласоимнаго» (MEROIS или MERORIS) — первожреца и

первожертвы единоименно. Предвечная жертва Сына Божия и Бога Второго Лица Пресвятой Троицы нетварно предваряет сотворение тварного человека и в известном смысле является для него *materia prima*. Христос с небес есть предвечный Адам (Красная Глина) и единоименно и новый Адам в Его Воскресшей Плоти. Сам Непадший Адам единоименно царь, нарекающий имена твари, и священник-жрец, вершитель жертвы мистерии Рая («плодитесь и множитесь»). Однако с падения первочеловека райская мистерия оплотнилась и превратилась в языческую кровавую жертву

(дионисийские и собственно все языческие культы): для восстановления Райского измерения и новой безкровной Евхаристической жертвы необходимо было явление и жертва Самого Богочеловека в истории. Жрецы, однако, сохраняли в своем варновом, сословном предании искаженную память о служении Богу Слову, разумеется, как «сени, а не истине», по слову митрополита Илариона. «Сень» эта была, однако, столь глубока, до бездны преисподней, что «требовала» человеческого жертвоприношения, неизбежного во всяком ДО— и ВНЕ-Христовом мире. Эти посвященные жрецы

первоначально, по-видимому, и были собственно славяне или словене. Собственно, от них, вероятно, и получил свое название древний город Словенск, располагавшийся, как считают некоторые авторы, точно на месте нынешнего Новгорода (иные «поднимают» его чуть севернее и ближе к современному городу на Неве). «Ильменские державцы, основавшие Словенск и Русу, были обладателями всего Поморья даже и до Ледовитого моря, и по великим рекам Печоре и Выме и по высоким непроходимым горам в стране зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодных реки».

Одним из «богов» славянского

дохристианского пантеона был Велес или Волос. Волосы — атрибут солнечного цвета, царя-жреца (вспомним, что Слово Божие есть Царь и Первосвященник). На анаграмму Волос-Слово впервые обратил внимание современный философ Владимир Микушевич. Помимо прямого указания на сохранение адамического, райского ведения даже в «язычестве» перед нами столь же прямое указание на то, что «славянин» или «словенин» или «гласоимный» (MEROIS) суть прежде всего жертва и жрец — разумеется, до времени, пока сама жертва Бога Слова не отменила «жертву кровавую, человеческую». В

применении к «социальной структуре» древнего общества словенин есть жрец, служитель (разумеется, в кроваво-ветхом аспекте) Предвечного Слова, тождественный друиду или волхву. Таким образом, славянорусский язык — это царско-жреческая речь, подобно тому, как в Европе, например, франко-кельтское соединение есть соединение свободных (francs) воинов, то есть тех же русов и друидов-кельтов (klt — kchld — халдей — колдун), то есть тех же волхвов — «словен». С принятием христианства варново-сословное деление арийского общества, разумеется, очищается от

«языческой мерзости» и «тайны беззакония», то есть конкретно от кровавой жертвы, и чудесным образом преобразуется в симфонию Православного Царства и приносящего Безкровную Жертву Православного священства. Понятия же «русский» и «славянин», «франк» или «галл» (hl-kl-klt), «гот» или «кельт» постепенно превращается в этнонимы. Осознать это можно, только встав «по ту сторону» не только знаменитого спора «норманистов» и «антинорманистов.

Дело в том, что и славяне, и русы (равно как и франки и кельты) принадлежали (с точки зрения этнологии) к одному

североарийскому этносу, сегодня именуемому венедами. В прежние времена более бытовало имя, упоминавшееся у Страбона, — Винделики или Венделики, а Балтийское море — Sinus Venedicus, при этом одно из их названий было франки (т.е. свободные), другим — славяне. По выражению Экхарда, «Франки некогда обитали у Балтийского моря, где ныне Вагрия» (Franci olim ad mare Balthicum, ubi nunc est Vagria). При этом следует четко иметь в виду, что все эти этнонимы — позднего времени. «Франконские Славяне, — писал русский ученый XIX в. Ю.И.Венелин (Гуца), — сами себя Винделиками не

называли, так как не называли себя и
Словенцами, как именем,
существующим только в книгах
этнографических (выделено нами —
В.К.). Да и само слово франки —
современный этноним,
происходящий от одного из
наименований королей, правивших
древней Вагрией, именовавшихся
Reges Francorum, которые, по
Фредегару и позднейшим хронистам,
были потомками троянских Царей
(Приамова линия). О троянских
переселенцах-венетах, составивших
царско-княжеское сословие, писал
Полибий. Они, по его словам, „мало
отличаются от кельтов, но языком
говорят особым (выделено нами —

В.К.). Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес“. Все оказывается очень просто: на Западе они назывались Франками, на Востоке — Русами. Тогда понятен и процесс превращения варн (сословий) в этносы (а никак не наоборот, вопреки марксистской и либеральной науке), который легче всего проследить по эволюции памятников старожильного права.

«Русь окончательно могла слиться со славянами не ранее XII века, — пишет современный исследователь истории права М.А.Исаев. — Русская Правда знает очень хорошо русина,

противопоставляя его варягу-колбягу (иностранцу) и славянину. Это очень характерная черта в русской традиции. Обычно источники права варваров закрепляли правовое положение не только разных слоев населения, но и этносов, по-разному. Варварские правды знают подобную дифференциацию между народами-завоевателями и, например, римлянами, продолжающими жить по праву квиритов. Но что выделяет русскую правовую, равно как и культурно-государственную цивилизацию, из общего ряда варварских и античных образцов западноевропейской культуры, так это отказ от этнической

обособленности как принципа государственной жизни...» Это последнее, впрочем, вполне естественно, исходя из Божественного, Теофанического, а не этнического происхождения царской (то есть русской) власти. Там же, где более укорененные в традиции авторы не буквально, то есть как «иностранцев», понимают, например, «варягов» (что означает это слово у древних ариев, мы увидим ниже), картина проясняется еще больше, приобретая черты внятности.

«Начало русской монархической традиции было положено, как известно, — пишет А. Г. Дугин, —

призванием Рюрика из варягов на царство группой славянских и финно-угорских племен. В позднейшие эпохи происхождение от первого Князя — Рюрика — было духовно-генеалогическим основанием справедливости царской власти, ее оправданности и священной законности. Эта традиция была настолько стойкой и глубокой, настолько самоочевидной и безусловной в представлении русских (т. е. подданных Руси — В. К.), что она не могла не соответствовать архетипам древних форм сознания, которые, хотя и могли перейти в сферу бессознательного, но, тем не менее,

нисколько не потеряли своей
эффективности и действенности. На
наш взгляд, призвание Рюрика из
варягов виделось как великая
общенародная мистерия,
воплощавшая в себе всю логику
сверхъестественного происхождения
царской власти, а именно эта логика
была характерна для всех древних
традиционных династий».

Итак, Славянорусский это
просто Богоцарский. ROS и MEROIS.
MEROIS — «гласоимный», то есть
словесный, словенский — одно из
имен Первого Адама.

ИСЧЕЗНУВШИЕ СВЯТЫНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

У современного мира на редкость короткая память. Превознося «европейскую цивилизацию» как царство демократии, то есть лаодикии (а именно так звучит греческий синоним этого слова, «народоправство»), забывают о том, что история последней — это история всего лишь приблизительно

трех столетий. Тем более российские либералы прошлого века, грезившие о «Новгородской республике», не помнили, не знали, не хотели ничего знать о древнейшем сакральном центре нашей древнейшей родины, не имевшем ничего общего с их представлениями, порожденными отраженными в их головах «принципами» французской и американской революций.

Надо сказать, что существеннейшим опровержением либерального безпамятства стала историко-археологическая наука последних лет, парадоксальным образом подтвердившая как Церковное Предание (летописную

повесть «О Словене и Русе», Христианскую Космографию св. Космы Индикоплова и др.), так и практически весь былинно-архаический, древнеяфетический и полубаснословный корпус. Современный исследователь Роман Багдасаров, сопоставивший данные историко-археологической науки с Преданием, так говорит о месте, приблизительно охватывающего пространство между нынешним Новгородом и городом на Неве.

«Великий Словенск. Древняя северная столица Яфетидов, основанная в 2409 г. до Р.Х. и вымершая после непринятия Благовестия Ап. Андрея и начала

военных действий Князей Лалоха (Халоха) и Лахерна против „скипетра Греческого царства“. В IX веке (т. е. как раз при воцарении Рюрика — В.К.) северная столица была перенесена ниже по течению р. Волхова и названа Новым Градом. Сочинения восточных географов, содержащие данные, относящиеся к 50-80-м гг. IX в., говорят о трех группах руссов, главную из которых Ас-Славийю с центром в городе Слава... обычно отождествляют с ильменскими словенами, а ее центр — с предшественником Новгорода, имя которого сохранили восточные авторы» (см. работы А. П. Новосельцева и В. Я. Петрухина).

Древнейшая часть Новгорода носит название «Славно», что созвучно наименованию арабских источников. Исходя из этого, понятно, что размеры Словенска должны были если не превосходить, то, по крайней мере, достигать площади древней части Новгорода. Однако, вопреки здравому смыслу, большинство советских археологов отождествляли огромный мегаполис, каким Словенск представлен в источниках, с небольшим княжеским «Рюриковым городищем». Подлинный Великий Словенск, километровые валы которого покрыты лесом, остается неизученным и не нанесенным на

археологическую карту по сей день».

Если же говорить об истории уже собственно Новгорода (с VIII-IX вв.), то многое позволяет предположить, что он сразу же зачинался еще до официального Крещения Киева, как город православно-христианский, причем ранненовгородское Православие с его особым почитанием Софии Премудрости Божией хранит в себе еще и генеалогическую загадку (как, впрочем, и разгадку) самого Дома Рюриковичей.

Общепринятая историография изображает крещение Новгородской земли как деяние знаменитого Добрыни Малховича, «уя» (дяди)

святого Владимира, совершенное «огнем и мечом», а сам Новгород и вообще русский север как своего рода «языческую Вандею». Однако даже простое внимательное прочтение собственно новгородских книжных источников выявляет картину значительно более сложную. Вспомним, что Северная Русь в древние времена была органической частью Северной Европы в целом, в которой противостояние Христианства и «язычества» не приобретало такой трагической остроты, как, скажем, в Римской империи (уничтожение христиан язычниками) или, скажем, в Египте (уничтожение Александрийской

библиотеки уже христианами).
Вспомним, что за «круглым столом»
короля Артура друид Мерлин
соседствует с архиепископом
Кентерберийским, а в Эддах
соседствуют дохристианская
космогония и христианская
историософия. И только при
Каролингах начинается уничтожение
целых этносов — например, саксов,
бретонцев, — по вероисповедному
признаку...

И все же «языческим» или
христианским был Русский Север в
преддверии официального Крещения
Руси?

В «Повести древних лет, яже
съдеашася в Великом Новгороде»

рассказывается: «В лета
благочестивых великих князей наших
русских живущим новгородцем в
своей слободе и со всеми землями в
мере и совокуплении, прислаша
немцы от всех седмидесяти городов
посла своего. Биша челом
архиепископу новгородскому, и
посадником, и тысяцким, и всему
Великому Новугороду глаголюще:
„Милыи наши соседы! Дайте нам
место у себе, посреде Великого
Новагорода, где поставити божница
по нашей вере и обычаю“. И
новгородцы отмолвивша им,
рекуще: „Милостию Божиєю и Его
Пречистыя Богоматери и отца
нашего, господина архиепископа,

благословением и молитвою у нас, в
вотчине господы нашей великих
князей русских, в Великом
Новгороде, стоят все церкви
православныя, нашей веры
христианския. Ино кое причастие
свету ко тме? Так же и вашей
божницы быти как в нашем граде?
[...] Посадник же Добрыня,
ослеплен мздою и научен диаволом,
повелел церковь святаго Предтечи
снести на ино место, а то место
отвел немцом [...] И яко же
соврешиша немцы ропату свою, и
наняша иконников новгородских и
повелеша им написати образ Спасов
на ропатнем углу, на полуденной
стране в верху, на прелесть

христианом и на соблазн. И яко же написаша иконописцы образ Спасов на ропате, а архиепископа не доложи, и открывша покров, и абие вскоре том часе прииде туча з дождем и з градом и выбило градом и место то, иде же был написан образ Спасов, и левкас смыло дождем, яко же не явится ни знамению писанна“.

На первый взгляд, Повесть составлена и записана ревнителями благочестия, хотя и «не по разуму», ибо для какого православного христианина «Спасов образ» будет «на соблазн»... Однако даже чтение комментария к ней, написанного Л. А. Дмитриевым, заставляет несколько иначе задуматься как о ее

истоках, так и — сугубо! — о причинах появления и распространения. Комментатор пишет:

«Повесть эта входит в число тех памятников новгородской литературы, в основе которых лежат устные предания местного происхождения (здесь и далее выделено нами — В. К.) [...] В. Л. Янин считает, что „существуют заметные признаки достоверности этой легенды“ (В. Л. Янин. Новгородские посадники. М. 1962. С. 88. Прим. 173). Сама легенда, по-видимому, возникла очень рано, не позже XII века, но повесть была написана значительно позже. Е. А.

Рыбина („Повесть о Новгородском посаднике Добрыне“ // Археографический ежегодник за 1977 год. М. 1978. С. 79-65) отметила, что хутынский игумен Закхей назван в грамоте, датируемой 1477/78 гг. Следовательно, „Повесть“ не могла быть написана ранее второй половины 70-х гг. XV в. Ярко выраженная антибоярская направленность „Повести“, слова в начале ее о новгородской независимости, явно ощущаемое в „Повести“ осуждение новгородских обычаев — все это говорит о том, что она была написана уже после утраты Новгородом самостоятельности, т. е. опять-таки не ранее конца 70-х гг.

XV в. Мы не можем сказать, какова была направленность первоначальной легенды о Добрыне, но характер „Повести“ свидетельствует, что произведение это было создано в демократической среде и в „Повести“ на первый план выступают уже не религиозные мотивы...»

НО ЕСЛИ НЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ, ТО КАКИЕ?

В книге новгородского краеведа и археолога прошлого столетия Василия Передольского, на которую нам придется неоднократно ссылаться (книга была издана только в самом Новгороде в 1898 году и ни разу не переиздавалась ни до, ни после 1917 года) действительно рассказывается о нескольких загадочных храмовых (и не только храмовых) сооружениях, почему-то действительно последовательно

разрушавшихся примерно в течение XIII-XVI вв. Прежде всего дотошнейший краевед — он также был автором исследований о доисторических надгробиях ильменцев — указывает на существование в Новгороде по крайней мере до XIII века Православной церкви во имя святого апостола Петра, служба в которой шла, однако, на латинском языке. Эта церковь упоминается и в знаменитом Кириковом вопрошании. Во время войны с меченосцами, то есть католиками, этот храм не трогали, более того, все новгородцы обращались в нее за требами. «Не была ли она Фрязьскою, то есть не

принадлежала ли она вообще христианам Римского Православия (здесь и далее выделено нами — В. К.), Фрязинам, и не относится ли первоначальное ее возникновение к векам до разделения Церкви на Восточную и Западную?». По данным В. С. Передольского церковь эта, стоявшая на углу улиц Мало-Михайловской и Нутной, была уничтожена. Также заморские купцы установили в 1156 году православную Пятницкую церковь. Первым же новгородским храмом вообще, по свидетельству Передольского, была православная церковь Праведного Лазаря, установленная в предлетописные времена и

полностью разрушенная. После разрушения храма на его месте сохранился Лазаревский холм на Волхове, на котором в XIX веке было возобновлено строительство храма в честь того же святого Четверодневного. Новгородский краевед рассказывает и о том, что тогда же, то есть еще до строительства храмов Св. Пророка Илии и Св. Софии, следовательно, и до знаменитого Добрынина похода, несущего «язычникам» «огнь и меч», в Новгороде стояла православная церковь Св. Марии Магдалы Св. Марии Магдалины (по Евангелию от Иоанна и более подробному истолкованию древних западных

экзегетов, сестры св. Лазаря). О том, где стояла эта церковь и что с нею произошло впоследствии, Передольский не говорит, однако его же анализ истории будто бы иного храма может указать на некие своеобразные моменты. В официальном летописном своде сказано: «В 1194 году поставлена бысть в Великом Новеграде церковь деревяная святыя Троицы на Софийской стороне, на Редятине улице Щетищи Югорши, а что ныне слово́т на Новинке. В пергаментном же сборнике под 6673 г. от С. М. записано: „поставиша Церковь святыя цр҃сця Щетициницы“. Вскоре, однако, наименование этой церкви

изменили на Церковь Святые Троицы на Щетиницы. Но в честь какой царицы была поставлена церковь и почему именование храма изменилось? Официально утверждалось, что поставили ее немецкие купцы города Штетина. Однако, в 1194 году они православный храм поставить уже не могли. В таком случае речь шла явно не о городе Штетине (Щецине), а о некоей святой царице, покрытой „щетиной“. В названии храма дохристианская символика, очевидно, слилась с христианской. Можно, разумеется, вспомнить о древнейшем гиперборейском тотеме Белого вепря, восходящем к так

называемой „примордиальной традиции“.

Если же мы вспомним о сугубо северном расположении Новгородской земли — Земли Святой Софии, как ее называли сами новгородцы, то получают неожиданное подтверждение догадки некоторых современных авторов. «Но эта страна, — писал в частности уже цитированный нами А. Г. Дугин, — как мы уже говорили, называлась также „Варахи“ — „земля Дикого Кабана“, что точно соответствует греческому корню „bor“, т. е. север, или стране Гиперборее („Лежащей на крайнем Севере“) [...] и не случайно, что согласно

древнегреческим источникам, гиперборейцы посылали в Дельфы символические дары пшеницы через скифские и более северные русские земли. Любопытно, что слово „Варахи“ напоминает также „варяги“, т. е. легендарный народ, давший русским священного монарха». В то же время щетиной называли в древности женский гребешок для расчесывания длинных волос и даже сами длинные волосы. Древнейшие христианские предания о святой Марии Магдаleine, описывающие ее (вместе с праведным Лазарем, св. Марфой св. Иосифом Аримафейским и св. Максимином) плавание в Рим и

Галлию, особо отмечают ее подвижническую жизнь в Сен-Мари де ла Мер (Sainte-Marie-de-la-Mer) в южной Франции, где святая появлялась с длинными, до пят, рыжевато-русыми волосами. Но не несочетаемо ли такое упоминание Земли Дикого Кабана и Равноапостольной жены-муриносицы? Напомним о древнем искусстве «сочетовати несочетаемое», пронизывающем все средневековое мировосприятие и всю науку — от апофатического богословия Восточных Отцов до западных алхимических изысканий. А пока что заметим, что в народных преданиях образ «длинноволосой

жены» или даже «царицы» зачастую несет в себе и очевидно хтоническо-инфернальный оттенок. Нас не должно это удивлять. Традиционно-сакральная символика всегда «двоится»: так «умный свет» для святого оказывается адским пламенем для грешника, Рождество святого Иоанна Предотечи — день строгого поста — это и день цветения папортника и «русальных игрищ» (на это неоднократно указывал в лекциях Вл. Микушевич) и т. п. Что уж тут говорить о загадочной «Щетицинице»? Это славянские Марена, Марина, Мара, мора, кикимора, французская Cauchemar (женского рода). У

карпатских русинов это лисова панна, няука, пэрэлэстница, вітреїца, майка — молодая женщина с длинными волосами, но без спины и с открытыми внутренностями. Это divje devojka, хозяйка оленей, питающая их молоком. К ней входят молодыми, а выходят глубокими стариками... Но по «Золотой легенде» Мария Магдалыня — яфетического царского рода (ее родители — Сир, т. е. Кир, и Евхария), бежавшая из свиты Иродиады, а в канонических Евангелиях Спаситель изгоняет из нее семь бесов (Лк. 8. 2), то есть именно яфетических «божеств», которым она, как царевна, могла

служить. Столь изобилующее канонически неподтвержденными (но и нигде не отвергнутыми) двойственными подробностями житие и могло в числе прочего сказаться на судьбе древнейшего, построенного в ее честь еще во времена церковного единства храма, в дальнейшем разрушенного и по мере постепенной «морализации» и институционализации церковного сознания обретавшего новые имена — «святой царицы Щетициницы», а затем и Святой Троицы.

Не меньше загадок скрывает и упоминание В. С. Передольским двух разрушенных монастырей. Первый из них разрушен еще примерно в X веке.

Он носил название Зверинский монастырь. Второй — в XVI — XVII вв. — монастырь святого Аркадия или Аркадский, на месте которого после существовала тоже разрушенная деревня Аркажа. Впрочем, и местность вокруг бывшего Зверинского монастыря также вплоть до XIX века носила название Зверинец. Из дальнейшего изложения загадки этих имен (да и причин гибели монастырей) приоткроются, здесь же достаточно сделать лишь несколько наиболее общих замечаний. Еще Гомер упоминал об участии аркадийцев в осаде Трои, в дальнейшем через Аркадию на север двигалась

Приамова линия троянских царей. Сами же Аркадийцы утверждали, что ведут свой род от некоего баснословного божества земли Аркаса, что в переводе означало «медведь». Аркас, согласно мифологии, был сыном нимфы Каллипсо, главной звезды Большой Медведицы (звезда Аркас «возглавляет» Малую Медведицу). Artaios, «медвежий» — эпитет кельтского Меркурия (при галльском arto, медведь; греч. ARKTOS — имя Кентавра (Кутувра или Китовраса). Имя кентавра у Гесиода — ARKTOYROS — обозначение Арктура, стража Большой Медведицы в созвездии Волопаса.

Медведь — первопредок и
первоцарь: отсюда кельтский король
Артур, но отсюда и «секретные»,
«непроизносимые» имена этого
зверя — urs, rus, sur, цр = царь. В
тоже время в христианской сиволике,
медведь, как и лев, символ царской
власти. ArtoV — благословенный
пасхальный хлеб, раздаваемый в
Православной Церкви в субботу
Светлой Седмицы в память о
Воскресшем Царе царей и Господе
господей. Север, Арктика —
полярный рай — это и земля медведя
(bear, ber, bjorn) и белого вепря (bor),
единение Царя и Первосвященника,
воинского и духовного сословий.
Символика такого единства,

понимаемого в метаисторической и эсхатологической перспективе, уже православной, была реально явлена, а затем нашла выражение в знаменитом изображении Преподобного Серафима Саровского, кормящего медведя в лесах Русского Рая — Дивеева.

Что же до Зверинского монастыря, то на местном новгородском наречии зверем называли только медведя — имя Рус (Урс) было табуировано для произношения даже в христианские времена. Не ускользает от внимания и определенная смысловая связь двух «медвежьих» монастырей с церковью полуфольклорной «святой царицы

Щетициницы»: щетина ведь еще и атрибут вепря! Во всяком случае, как мы полагаем, между разрушением церквей святого Лазаря, святой Марии Магдалыни (возможно «царицы Щетициницы»), Аркадского и Зверинского монастырей, по-видимому, существует связь. Она тем более очевидна, что можно считать доказанным существование христианских храмов эпохи неразделенной (т. е. Православной) Церкви во времена, которые предшествовали повсюду описанному знаменитому «огненно-мечному» крещальному походу Добрыни Малховича, вызвавшему широкое сопротивление новгородцев

(в дальнейшем это сопротивление часто представляли как сопротивление «русского народа» якобы «инородному» Православию. Более того, правомерен вопрос: с каким «язычеством» боролся «сын Малха Любечанина»? Мы стоим перед фактом: во времена призвания Рюрика на царство Русский Северо-Запад (земля Руса и Словена) были если не полностью, то в значительной степени христианизированы, православными. Существовало там и почитание не известных нам сегодня святых.

В качестве примера, который может послужить дальнейшим путеводителем и ключом ко «вратам

отверстым царска дворца затверста», приведем сведения о так называемом Старорусском кладе, найденном в 1892 году в д. Сельцы Старорусского уезда. Среди изображений на монетах этого клада В. С. Передольский, датировавший их XII-XIII вв., обнаружил неизвестного мученика в шапке, как у Бориса и Глеба с Крестом и двумя лилиями по обе стороны от изображения. Кто этот явно царственный мученик с не известными позднейшей русской истории лилиями?

Мы еще вернемся к этому. А пока лишь напомним, что в 679 году в не столь уж далеких от Новгорода Арденнах «per dolum ducum et

consensuum episcoporum» был убит на охоте, под старым дубом, у ручья, Дагоберт II, последний реально царствовавший представитель династии Меровингов. Убит по указанию Пипина Геристальского, собственного мажордома, деда будущего узурпатора Пипина Короткого, основателя «второй», каролингской «расы» франкский король. Однако вскоре останки короля оказались чудотворными, и даже защищали город Стене от нападений викингов, и через сто лет король-мученик был канонизирован собором франкских епископов без согласия Папы. Родник святого Дагоберта существует в Веврском

лесу в Арденнах, до сих пор и почитается как святыня. Однако в официальный список французских королей он был внесен только в XVII веке, а в некоторых французских (!) учебниках истории отсутствует до сих пор.

Култ «неизвестных святых» как раз во времена, прямо предшествующие истории древнего Новгорода, мы встречаем и в Европе (частью которой была в те века северная Русь, между прочим, именуемая в некоторых хрониках Вретанией). Г. П. Федотов, до своего увлечения «христианским социализмом» написавший ряд талантливых работ по медиевистике,

обобщил свои наблюдения над этими явлениями следующим образом: «Вопрос можно поставить о том своеобразном явлении, которое является связующим эти две области: о почитании безымянных святых, приуроченном к древним гробницам. Это переходный момент от народного культа к церковной канонизации; переходный момент в создаваемой биографии святого. Когда церковь закрыла доступ к алтарям этим неведомым избранникам народной веры? [...] По крайней мере, каролингский ренессанс застает этот культ еще живым, чтобы нанести ему смертельный удар [...] Век

каролингского „просвещения“, по-видимому, положил конец если не народному почитанию, то церковной рецепции безымянных культов [...] Еще в XVII столетии Мабильон рассказывает об имевшем место в современной ему Франции возникновении культа неизвестных святых. Но подавленный каролингской церковью культ никогда уже не мог воскреснуть». Впрочем, так могли думать сами Каролинги и рожденная ими римо-«католическая» церковь, а на самом деле, духовенство Римской епархии. Но пройдут века и -

*Червь и чернь узнают Господина
По цветку, растущему из рук.*

ИТАК, РЮРИК...

В «Книге Степенной Царского родословия», составленной в XVI веке митрополитом Афанасием по прямому «заказу» Грозного Царя, о происхождении Рюрика и его Дома рассказывается так:

«Жезлом же прообрази в Руси Самодержавие Царское скифетроправление, иже начася от Рюрика, его же выше рекохом, иже прииде из Варяг в Великий Нов Град с двема братом своима и с роды своима, иже бе от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется. Прус же брат был

единоначальствующего на земли Римского Кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли Рождество Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, предвечнаго Сына Божия от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодевы Марии».

Для Иоанна IV было чрезвычайно важным утвердить преемственность его царства с одной стороны от Рима, с другой — от Вавилона, и этому был посвящен огромный литературный корпус, включающий «Степенную книгу» на вершине, «Повесть о Борме Ярыжке» — в народно-лубочном основании. В нашу задачу в данном случае не входит подробный анализ

государственно-политической книжности XVI века, лежащей в основе знаменитой идеи о Третьем Риме. Стремление доказать происхождение московского царя (вспомним, что в конце XVI в. впервые введен на Руси чин муропомазания на царство, в то время, как еще Иван III в беседе с папскими послами утверждал, что владеет царством по праву своих предков, то есть по праву крови) от римского кесаря Августа понятно. Не последнюю роль играло и стремление противопоставить Москву Литве, чьи тогдашние князья-Гедиминовичи, хотя и происходили от знаменитого лишь своей

«конской» силой конюха —
полюбовника русской княгини
Рюрикова дома Гедиминки, да и
утвердились через уничтожение и
вытеснение старших литовско-
русских и прусских родов, но
выводили себя из Рима (если же
учесть версию о происхождении
Грозного царя от Ивана Телепнева-
Овчины-Оболенского-Гедиминовича,
то нельзя не признать
присутствующую при тогдашнем
московском дворе известную
«болезненность» по этому поводу).
Мы и не собираемся оспаривать
родословие от «кесаря Августа», хотя
сам по себе вопрос, о каком «кесаре
Августе» могла идти речь,

заслуживает особого рассмотрения. Казалось бы, «Степенная книга» утверждает все однозначно. Однако читаем: «Сей Кесарь Август раздели вселенную братии своей и сродником, ему же бяше брат именем Прус, и сему Прусу тогда поручено бысть властодержавство в березех Висли реки град Маброк и Туры и Хвойница, и преславный Гданеск и иные многие града по реку глаголемую Неман, впадшую в море, иже и доныне зовется Пруская земля. От сего же Пруса семени бяше вышереченный Рюрик и братия его; и егда еще живяху за морем, и тогда Варяги именовавхуся, и из-за моря имаху дань на Чуди, и на Словенех, и

на Кривичех». Но ведь все эти земли (и это известно даже из любого сугубо официального курса истории) не входили в состав империи Августа, более того, отстояли от ее границ довольно далеко! В чем же дело? Или митрополиты Киприан и Афанасий и руководивший их трудами святитель Московский Макарий — человек не только праведной жизни (он причислен к лику святых Русской Православной Церкви), но и умнейший муж своего времени — допустили совершенно невозможную ошибку или же писали откровенную, ни для кого не секретную ложь? Мы увидим, что ни то, ни другое. Более того, сведения

Степенной Книги, изложенные именно в такой форме, содержат ценнейшую сакрально-генеалогическую информацию, причем не столько для современников, сколько для нас!

Об этом чуть позже. Пока что речь идет несколько об ином. Формулу Третьего Рима обычно произносят как «Москва — Третий Рим», обычно делая ударение на первом слове (это также более, чем понятно). Не менее значимы по существу, однако, вторые два (собственно Третий Рим), относящиеся к Русской Земле в ее целом. Именно на таком прочтении настаивает не менее знаменитая,

нежели «Степенная Книга», «Повесть о Новгородском белом клобуке», также, впрочем, датируемая XVI веком и относящаяся к тому же церковно-государственному корпусу, хотя и стоящая в нем некоторым особняком. «Повесть», в отличие от московской «Повести о Вавилонском царстве» (в которой царские бармы московских государей оказываются инсигниями Навуходоносора), обращена не на Восток, а в Европу и рассказывает о каролингско-папской узурпации как источнике «порухения» Православия на Западе и одновременно источнике «римского наследия» Руси:

«Богопротивник же и

человеческому роду супостат и враг
диавол сотвори рать велию на святую
Церковь. Воздвиже некоего царя
Карула имянем и папу Фармуса и
научи их прелстити христианский
род своими ложными учении и
отступити повелеша от православныя
Христовы веры и раздрати
благочестие святыя Апостольския
Церкви [...] И святую Апостольскую
Церковь оскверниша неправыми
учении и служении. И святаго белаго
клобука не любяху и чести ему не
воздаяху, якоже заповедано бе
исперва, но взявше его и положиша
на том же блюде в приделе некоем
церковныя стены заключиша и на
дверцах написанием написавше

латинскою речию сице: „Зде сокровен есть белый клобук папы Селивестра“. Пребысть же лета многа тамо Богом храним».

Более того, в новгородско-псковском варианте сочинения «Об обидах Церкви» обозначен путь движения апокалиптической жены, имеющей младенца мужеского пола (Откр., 12, 1-6). «В Третий Рим,... иже есть в новую Русию (выделено нами — В.К.) в великий Новград», в других редакциях — «в Третий Рим, иже есть в новую Русию великую». Характерно, что как «Повесть о белом клобуке», так и Слово «Об обидах Церкви» предшествуют филофеевым посланиям.

Важнейшей чертой данного корпуса является предельно широкое понимание Третьего Рима как Русской земли в ее целом, т. е. земли, подвластной Руси или Русским царям. «Ветхий бо Рим отпаде от веры Христовы гордостью и своею волею, в новом же Риме, еже есть в Константинограде, насилием агарянским тако же христианьская вера погибнет. На Третьем же Риме, иже есть на Руской земли (здесь и далее выделено нами — В. К.), благодать Святаго Духа восия. И да веси, Филофие, яко вся христианская царства приидут в конец и снидутся во едино Руское Православия ради. В древняя убо лета изволением земнаго

царя Константина от царствующаго града сего царский венец дан бысть рускому царю. Белый же сей клобук изволением небеснаго царя Христа ныне дан будет архиепископу Великаго Новагорода. И кольми сии честнее онаго, понеже архангельскаго чина есть царский венец и духовнаго суть. Ты же не умедли святаго сего клобука послати в Рускую землю в Великий Новград по первому тебе явлению святаго ангела [...] Яко же бо от Рима благодать и слава и честь отъята бысть, тако же и от царствующаго града благодать Святаго Духа отымется в пленение агарянское, и вся святая предана будут от Бога

велицей Русстей земли. И Царя рускаго возвеличит Господь над всеми языки и под властию их мнози царие будут от иноязычных».

Итак, выводы из «Повести» могут быть сделаны такие.

Во— первых, в качестве Третьего Рима называется не Москва, а вся Русская земля, то есть Царская земля.

Во— вторых, в качестве сакрального центра Русской земли именуется Великий Новгород, т. е. все тот же древний Словенск.

В— третьих, если Великий Новгород действительно является сакральным центром Русской, то есть Царской земли, то речь явно

идет не о вырождающейся новгородской «республике» XVI века, а о Новгороде в далеком (по крайней мере, долетописном) прошлом (или далеком, неведомом, будущем?). Более того, если в «Повести об обидах Церкви» говорится о Новой Руси, то стало быть, существовала и Старая Русия, преемницей которой является «новая». В таком случае где она находилась?

И, наконец, в-четвертых, какому Русскому царю, а, следовательно, основателю Династии, был дан Константинов венец «в древняя убо лета», то есть задолго до восприятия идеи Третьего Рима Московскими государями? И, наконец, может ли

быть этот Царь отождествлен с младенцем мужеского пола, имеющим «пасти языки жезлом железным» (Откр., 12, 1-6), имея в виду, разумеется, что монархическое сознание не индивидуализирует царя, а акцентирует внимание на династии, являющейся, по сути, одним царем, поскольку каждый царь есть непосредственное продолжение предыдущего? В конечном счете этот вопрос едва ли не самый главный.

Чрезвычайно умный, но именно поэтому и чрезвычайно осторожный Николай Михайлович Карамзин, дабы не быть заподозренным в том, что «вознесся выше он главою

непокорной Александрийского столпа» (чего стоило такое вознесение он, как, впрочем, и Пушкин, знал прекрасно), и в то же время стремившийся «сказать, не говоря», писал: «Нельзя, конечно, верить Датскому Исторiku Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с Королями Скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников (sic! — В. К.) для описания сей глубокой древности, и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным

Исландским повестям, сочиненным, как мы уже упоминали, в новейшие времена, и не редко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею; но (sic! — В. К.) рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века (обратим внимание на это свидетельство в связи с разрушенными новгородскими святынями „долетописной“ эпохи — В. К.), доказывают своими надписями (в коих имеются Girkia, Grikia или Россия), что Норманны давно имели с нею сообщение».

Карамзин мог не знать (а мог и знать) о христианских святынях в Новгороде до святого Владимира: во всяком случае В. С. Передольский проводил свои исследования много позже. И если знаменитый поэт и историограф, хотя и из соображений осторожности делает вид, что отрицает подлинность сведений Саксона Грамматика и Исландских королевских саг, то при всем том остается так называемым «норманистом» (в привычном, то есть германофильском понимании — такова была официальная точка зрения Петербургского двора). Но то, что говорит Карамзин о самих «норманнах», дает основание

утверждать, что он, как, впрочем, и «премудрый» Макарий, пытается указать читателю на реальное наличие неких гораздо более существенных и важных сведений о прошлом Европы в ее целом:

«I. Имена трех Князей Варяжских — Рюрика, Синеуса и Трувора — призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: Так в летописях Франкских около 850 года — что достойно замечания (обратим внимание на эту реплику — В. К.) — упоминается о трех Рюриках: один назван Вождем Датчан, другой Королем (Rex) Норманским, третий просто Норманом, они воевали

берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в Исландских повестях, между именами Князей и Витязей Скандинавских находим имена Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снио, Синия.

II. Русские Славяне, будучи под влиянием Князей Варяжских, назывались в Европе Норманнами: что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонтского епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. «Руссов, — говорит он, — именуем и Норманнами».

И в то же время Карамзин совершенно справедливо вопрошает:

«Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами...» Но скажем прямо: воинствующий «антигерманизм» здесь столь же неплодотворен, сколь неплодотворно германофильство петровских и послепетровских официозных

историографов. «Славянофильство» в данном вопросе точно так же ни при чем. Абсолютно обречены в конечном счете какие-либо поиски «славянского» Рюрика, «славянской» Руси — от Погодина до наших дней. Не мудрено — ищут этноним, причем в сугубо современном понимании и толковании. Напомним — нация (не путать с расой) и национализм суть плоды нового времени, конкретно — буржуазного развития со всеми присущими ему чертами (напомним хотя бы Конст. Леонтьева с его «Национальной политикой как орудием всемирного разрушения»). Мы же пытаемся подойти с другой стороны,

обратившись к свидетельству
чрезвычайно богатой сакрально-
генеалогическими сведениями
Младшей Эдде, ни в чем, впрочем, не
противоречащей Библейскому
Откровению. Цитировать придется
достаточно подробно, ибо это даст
нам возможность многое понять
далее.

«Всемогущий Господь вначале
создал небо и землю и все, что к ним
относится, а последними Он создал
двух человек, Адама и Еву, от
которых пошли все народы. И
умножилось их потомство и
расселилось по всему свету. Но с
течением времени возникло в людях
несходство. Некоторые среди них

были хорошие и праведные, но гораздо больше было таких, которые склонились к мірским страстям и презрели Слово Бога. И потому Бог затопил в разлившемся море весь мір и все живое, что было в міре, кроме тех, кто спасся с Ноем в ковчеге. После Ноева потопа остались в живых восемь человек, и от них происходят все народы. И случилось так же, как и прежде: стоило лишь умножиться роду людскому и заселить весь мір, как многие люди с жадностью устремились к богатству и почестям и позабыли чтить Бога. И дошло до того, что люди эти не захотели произносить Божьего Имени [...] Но ничуть не меньше,

чем прежде, наделял их Бог земными дарами, богатством и счастьем, в которых нуждались они на земле. Наделил он их и разумом, дабы они могли распознать все, что есть на земле и все зримые части земли и воздуха [...] И чтобы рассказать обо всем этом и сохранить в памяти, они сами придумали всему имена. И эта вера претерпела немало изменений, ибо народы делились и расходились их языки. Но они разумели все земным разумением, ибо им не была дана духовная мудрость. Поэтому они думали, что все сделано из некоего вещества [...] Вблизи середины земли был построен град, снискавший величайшую славу. Он

назывался тогда Троя, а теперь Страна Турков. Этот град был много больше, чем другие, и построен со всем искусством и пышностью, которые были тогда доступны. Было там двенадцать государств, и был один верховный правитель [...] Одного конунга в Трое звали Муном или Менном. Он был женат на дочери верховного конунга Приама, ее звали Троан. У них был сын по имени Трор, мы зовем его Тором // далее излагается полубаснословная генеалогия одной из ветвей троянских царей — в частности, Тор женится на северной Сивилле, о которой „никто не ведает, откуда Сив родом... волосы у нее подобны

золоту... от их рода происходит „Фридлав, мы зовем его Фридлейв, а у того был сын Воден, а мы зовем его Один“ // . Одину и его жене было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. [...] И по какой бы стране ни лежал их путь, всюду их всячески прославляли и принимали скорее за богов (ср. нем. gŕtten, англ. gods, исп. godos, русск. готы — В. К.), чем за людей. И они не останавливались, пока не пришли на север в страну, что зовется Страною Саксов. Там Один остался надолго, подчинив себе всю страну [...] Третий сын Одина звался Сиги, а у

Сиги был сын Рерир (выделено мною — В.К.). Они правили строною, что зовется теперь Страною Франков, и оттуда ведет начало род, называемый Вельсунгами. От всех них произошли многие великие роды“.

А теперь, прервав на время повествование «Младшей Эдды», обратимся к событиям IX-X веков. Естественно, что военные походы — это то, что наиболее привлекает летописцев и хронистов. Польский историк Х.Ловмянский, подробно исследовавший проблему варягов в Восточной Европе, указывает: «Среди византийских источников норманисты ссылаются на два конкретных источника,

определяющих народ рос. Одно из них находится у Продолжателя Феофана (и в других родственных упоминаниях) при описании похода Игоря 941 г. В этом упоминании????? были определены как????? DROMITAS LEGOMENOS, OS EK GENONO TEN FRAGGON KA TISTANTAS („называемые и дромитами, которые из рода франков“. Отложим на время вопрос, о каком именно походе идет речь (нам еще предстоит его коснуться), и обратим внимание на указание EK GENOYOS TON FRAGGON. Указание на „царя славян“ по имени „ал-Олванг“ (Олег) как „франконского герцога“

неоднократно встречается и в арабских источниках, в частности, у ал-Масуди, на что обращали внимание советские и постсоветские исследователи. Х.Ловмянский, фактически констатируя неспособность объяснить это внятно, напоминает о фонетической близости franc к var-ang или var-ing. С этим можно, впрочем, и согласиться, напомнив, что var-ang или var-ing в те времена легко заменялось на mar-ing или mer-ing — „пришедший морем“ или просто мореход, помор, иначе говоря, Меровинг.

Есть и еще любопытное свидетельство. Византийский

император Константин Багрянородный в своем De Administrando Imperio утверждает, что знаменитые русские именования днепровских порогов (в отличие от славянских) даны на lingua francae (это никоим образом не французский и даже не старофранцузский, а исчезнувший сегодня язык). Император однозначно указывает на тождество этого языка с русским (ROSIOTI).

А теперь обратим внимание на знаменитое начало Договора Олега 911 года с Византийскими Императорами Львом и Александром:

«Мы от рода русского, Карлы,

Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидульфост, Стемир...» Обратим внимание прежде всего на некоторые имена: Труан, Гуды, Веремуд (анаграмматически Мерувед, по-славянски Велемудр), и особенно, разумеется, Рюар... Сходство его с именем Рюрик очевидно; однако не о Рюрике, призванном в 862 году, здесь, конечно, идет речь. А вот о его родиче — скорее всего. Но родовое это имя (фамилию) мы встречаем отнюдь не только в землях нашего нынешнего отечества. Оно было в раннесредневековой Европе более чем знаменито и знатно, имея прямо

царское (royal) или, если угодно, королевское происхождение. Речь идет о Доме Руэргов (в современной русской транскрипции) или Рюэргов (Maison des Rouergues), потомков внука Хлодвига Великого Тьерри II, впоследствии графов Лиможских. Помимо известных французских, прежде всего, работ, посвященных этому семейству, мы имеем возможность указать на чрезвычайно обстоятельный труд графа Бони де Лаверня «Потомство второй ветви Королей Австразии». Известно, что «Император» «Священной Римской Империи» и Король Франков Карл Лысый, сын Людовика Благочестивого и внук Карла

«Великого», установил в 841 году так называемый «Большой Приказ» (Grand Commandement) Согласно этому «приказу», территория его королевства была разделена на четыре провинции или принципата — Бургундский, Роверньский, Тулузский и Лиможский. Мы уже имели возможность указать на то, что сам Карл Лысый, бывший «меровингским бастардом», стремился преодолеть последствия узурпации франкского трона в VII веке и постепенно передать свое королевство представителям «первой расы». Grand Commandement и служил, по сути, этой цели — графами и виконтами некоторых

«принципатов» были назначены меровингские наследники. Среди них были и де Рюэрги, графы Лиможские, наследники погибшего в 613 году короля Тьери II. В 841 году Раймон де Рюэрг (Raymond de Rouergue) был прямым приказом короля Карла Лысого поставлен первым графом Лиможским.

По— видимому, -пишет граф Бони де Лавернь, — потомство второй ветви Королей Австразии, пережив бойню 613 года, выжило, породив Дома Сен-Гийомов и Рюэргов. Оба эти Дома происходят от Хильдеберта, второго (из шести) сына короля Тьерри II, скрывшегося от убийц, ведомых Хлотарем II.

Отцом Раймона де Рюэрга был Фулькоальд V (с 613 года большинство потомков Хильдеберта носили имя Fulcoald, корнесловно расшифровываемое как Огнелед). Граф Бони де Лавернь среди детей Раймона I называет Бернара (†872), Ода (†918), Арбера (принял монашество, буд. Аббат Вабрский), неизвестную дочь, а также опять-таки Фульгуальда (Fulguald, что то же самое, что и Fulcoald). Дата смерти этого Фульгуальда или Фулькоальда во французских источниках не упоминается, как и дальнейшая его судьба. Сохранились, впрочем, лишь сведения о том, что этот Фулькоальд отписал в пользу своей родни

несколько монастырей (так делали перед смертью или отбытием «на дальнейшее правление») и что жену его звали, как и жену его деда (Фулькоальда V), Сенегондой (Senegonde). Произошло это, по-видимому, в 40-50-х годах IX века. А в 862 году в Новгороде (или, согласно другим авторам, Старой Ладогe) на княжение был призван Рюрик «из варягов».

Мы понимаем, что высказываем здесь лишь предположение, которое пока что не можем подтвердить прямыми доказательствами. Однако, доказательств косвенных более чем достаточно для того, чтобы количество их могло породить некое

новое качество. Более того, некоторые из них общеизвестны. Например, свидетельство Бертинских Летописей о посещении «Императора Франков, Людовика Благонравного» «людьми, которые называли себя Россами (Rhos)», в 839 году. По общепринятому толкованию, посольство Людовику «не пришлось». Не имея особых оснований оспаривать это общепринятое мнение, находим тому все же естественное объяснение — каролингскому королю (даже весьма терпимому и женатому на меровингской принцессе) вряд ли могли прийтись по вкусу посетители, самим своим существованием

свидетельствующие о незаконности власти Людовика. Поэтому и летописец крайне невнятен, что он хочет сказать, уразуметь почти невозможно. Однако уже вскоре, при сыне Людовика, Карле Лысом, начинается во франкском государстве фактическое «меровингское восстановление. Карл, как легко видно, был Меровингом по женской линии и более всех Каролингов стремился сгладить последствия узурпации, что с точки зрения салического права едва ли было законным (Меровинг по отцу, хотя бы рожденный от рабыни, оставался таковым; Пипинид, даже женившись на принцессе крови, оставался все

равно Пипинидом). Тем не менее и это было благотворным — никогда за все время от введения Папой под давлением Пипина Короткого Filioque вплоть до XX века не было на Западе столь явно влияние Восточной патристики, как при дворах Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Отсюда и попытки нахождения взаимопонимания с Византией — после открытой вражды при Карле „Великом“, сыне первого „филиоквиста“ Пипина.

Отметим при этом, что судьба франков (не французов, а именно франков как общности, включая и тех из Каролингов, которые более тяготели именно к франкской, а не

галло-римской традиции) на Западе
печальна. Русский ученый,
карпатский русин по
происхождению, Ю.И.Венелин
(Гуца) повествует:

«Частые войны с соседними
владельцами, необходимость
бдительности над покоренными,
привлекательность страны побудили,
со времени Меровея династию
повелителей всея старая и новая
Франкии (выделено мною — В.К.)
поселиться за Рейном. В этом
отношении они похожи на династию
Султанов, которые тоже постепенно
подвигали свою столицу в след за
завоеваниями „...“ Надобно
заметить, что сама Галлия не

представляла ни малейшей национальности „...“ Для всеобщего употребления Христианская Религия употребила старый язык Цицерона. Так как Франки за Рейном не составляли нацию, а только дворян, помещиков или же гарнизонных (что подтверждает нашу точку зрения на то, что это именно варна-сословие, раса, то есть... русь — В.К.), то дети их, смотря по тому, где селились, воспринимали жаргон той области „...“ . Франки, сделавшись Христианами, гуртом бросились на изучение Латинского языка и его литературы „...“ настоящую Франкию от за-Рейнской искусственной, отделили после

Немецкие племена, так что за-Рейнские Франки должны были разлучиться со своею народностью. Несмотря на это, еще в VI и VII столетиях заметно весьма большое народное сочувствие между зарейнскими Франками и Чехией». То есть, будем точны, между Меровингами и Моравией-Меровией! Что же до собственно Франции, то франков как таковых в ней почти и не осталось: западная ветвь Меровингов была истреблена во время того, что иногда именуют «regicide perinide» (по сути геноцид высшей расы!), малая часть (по женской линии) слилась с Каролингами (в большинстве своем

все-таки еще франками). Феодальная же революция Капетингов (XI в.) была совершена уже галло-римскими и итальянскими землевладельцами. С тех пор франк во Франции — это клошар, альбигоец, алхимик, «проклятый поэт»!

Возвращаясь к крайне запутанной Бертинской хронике, отметим, что из нее совершенно не понятно, как и почему «Россы» оказались при «франкском» дворе, что они там делали и почему назывались свеонами. Так же смутно указание на то, что они были то ли «разведчики» (*exploratores*), то ли «искатели дружбы» (*amicitiac petitores*). Так же неясен и их

маршрут — зачем возвращаться из Константинополя в Балтию через Реймс... Не приобретает ли неожиданно новый смысл предположение Л. Н. Гумилева о происхождении Рюрика:

«Биография Рюрика не проста. По „профессии“ он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению — рус. Кажется, у него были связи с Прибалтикой. Он якобы ездил в Данию, где встречался с франкским королем Карлом Лысым. Позже, в 862 году он вернулся в Новгород, где захватил власть при помощи некоего старейшины Гостомысла».

Отношение Л.Н.Гумилева к

Рюрику и Рюриковичам достаточно негативно. Это связано с его концепцией об их сотрудничестве с Хазарским каганатом, что, как мы увидим дальше, есть ошибка нашего крупнейшего историка (сотрудничали не Рюриковичи, а лишь одна из частей их дружины во главе с Аскольдом и Диром). Но нам важны здесь не пристрастия того или иного автора, а констатация им исторической действительности.

В этом случае и посольство 839 года объясняется очень просто — речь шла о неких династических связях, скорее всего, в рамках одного рода или сословия (русского, то есть военно-царского). Иначе говоря, о

призвании (выборе, разумеется не в нынешнем демократическом понимании этого слова) князя, в высшей степени легитимного с точки зрения «права крови», в чем, естественно, были заинтересованы обе стороны. Разумеется, и политический интерес Карла Лысого — распространение своего влияния — сбрасывать со счетов мы никак не можем. Но он никак не противоречил тогдашней «геополитике» северо-восточных Россов, тех же самых троянских потомков.

Любопытен пассаж современного автора, постигающего историю с явным креном в интуитивный метод, в противовес

академическому позитивизму, что имеет свои плюсы — невероятную, почти патологическую зоркость! — но и очевидные минусы. Данный автор (В. М. Кандыба) стоит на позициях неоспиритуализма и «украинофильства», что порождает оценки, за которые мы здесь не берем ответственности на себя, равно как и за «кондово-советский» язык. Нам важны не вкусовые оценки господина Кандыбы, а «структурная концепция», которую он излагает. Итак:

«Тем временем, Винетский Князь Рурик, сын Князя Годлава (? — В. К.), прославившись на всю Европу жестокостью, решил воспользоваться

ослаблением Киева и по совету франкского короля Карла Лысого (sic! — В. К.) овладеть должностью Новгородского Князя и попытаться противопоставить его Киеву, захватив власть в северной части Империи. Воплощая задуманное, Рурик организовал усилиями своего влиятельного в Новгороде родного деда — Гостомысла, чтобы на очередных выборах Князя прошла его кандидатура. Впоследствии Рурик уничтожил все документы и следы своей прошлой жизни [...] Свою дружину из Винеты Рурик переселил в Изборск, а всех остальных расселил на Ладоге и Белоозере. Правил Рурик 17 лет и за это время полностью

подчинил финно-угров, балтов и значительно расширил контроль Новгорода над дальними северными и северо-восточными территориями, показав себя умным и дальновидным политиком. Накопив достаточно военных сил, Рурик начал готовить поход на столицу...»

Отметив (на данный момент вскользь), что Киев не был тогда «столицей», все же укажем, что несколько иная, хотя и очень близкая, история Рюрикова призвания изложена у В. М. Татищева, основывавшегося, как известно, не на Несторовой, а на более древней Иоакимовской летописи (архиепископ новгородский Иоаким

умер в 1030 году). Согласно Татищеву, в глубокой древности родные братья Славен и Скиф воевали на юго-востоке, затем осели на Дунае с большим войском, часть которого двинулась на север и основала город Славенск (о нем, как о древнейшем русском городе, мы уже говорили). Славенский князь Ванадал оставил после себя трех сыновей — Владимира, Избора и Столпосвята. От Владимира — девять колен до князя Буриvoja, который вел войны с варягами за обладание Бярмией (Биармией или Великопермией, земель, географически точно совпадающей с будущей Землей Святой Софии). В конце концов он

потерпел поражение, однако люди испросили у него сына на княжение «в Велицеграде» (видимо, Новгороде-Славенске). Этим сыном и был Гостомysl, который, разбив варягов, заключил с ними мир. Далее, по Татищеву, Гостомysl, не имеющий сыновей, призывает на новгородское княжение своего зятя Рюрика — основателя Русского Царского Дома. В данном случае речь идет не о прямом родстве (дед-внук), а о свойстве, однако в любом случае можно говорить о едином родовом клане Северной Европы — Руси. Исходя из уже сказанного о Вагрии как Старой Франкии, речь идет в данном случае о совершенно

естественном воссоединении, «аншлюссе» Старой Франкии и Старой Руси, что... одно и то же!

Анализируя Несторову летопись, исследователь начала прошлого века Герман Фридрих Голлман (кстати, хотя и немец, решительный противник переводов и толкований Байера, Миллера и Шлецера), писал:

«Афетова также поколеная и сии Варяги, Шведы, Норвежцы, Датчане (Руссы, Англичане, Испанцы, Поляки), Италианцы, Римляне, Немцы и пр. или в Несторовом языке Варяги, Свеи, Нурмани, Готе, Русь, Агляне, Галичане (почему ж не Французы?), Волохи, Римляне, Немцы. Г. Шлецер даже и здесь хочет

опустить слово Русь; потому что оно находится между датчанами (Jutten), Англичанами и Испанцами (Французами)». Согласно Голлману, Варягами назывались все германские поколения обитателей Балтийского и Северного морей, а также и моря Средиземного — это последнее у арабского писателя Абулфеды называется море Warank. Сопоставляя это свидетельство как с Младшей Эддой, так и с материалами по истории франков, мы легко отождествим «варягов» с потомками троянских царей как по Энеевой, так и по Приамо-Антеноровой нисходящим линиям. «Итак, — пишет Голлман, — тех самых Варяго-

Русов, которые пришли в Новгород, должно искать в весьма обширной прибрежной стране; только они прибыли из-за моря, а не с ближайших приграничных берегов. Они пришли из отдаленной страны. Теперь спрашивается: из какой же именно вышли они страны, Варягами обитаемой?»

Какой же ответ нашел исследователь на свой вопрос?

«Читая Ютландское уложение (Lowlok), я находил, что дошедшие законы имеют также весьма большое сходство с нашими древними Фрисландскими и Саксонскими законами, а сии во многих местах сходствуют с нашим Рустрингским

уложением Азегга (Asegabuch) и другими собраниями как сей, так и прочих стран Северной Германии; так что, чего в одном нет, то в другом находится, будучи представлено в различном виде, смотря по месту, времени и обычаям. Содержание сих законов одинаково; и если сравнивать *Leges Anglorum et Verinorum*, о коих упоминает Виарда в своей Истории Восточной Фрисландии: тогда бы открылось в оных еще больше сходства с древними Российскими законами, кои собраны Ярославом Владимировичем».

Г. Ф. Голлман обнаруживает даже сходство древнерусского языка

с древне-фризским. Напомним, кстати, что по мнению германо-фризского ученого XX века Германа Вирта, фризская культура сохранила прямую связь с древнейшей гиперборейской, с изначальным «нордическим протохристианством», более того, именно ей принадлежат ставшие известными впоследствии так называемые Хроники Ура-Линда. Во всяком случае, «исходя из Несторова перечисления, — утверждает Г. Ф. Голлман, —...мы должны искать первобытных Руссов между Ютландией, Англиею и Франциею, и, следовательно, отечество Варяго-Руссов надлежит полагать на берегах Немецкого моря,

простирающихся от Ютландии до пределов Франции, откуда пришли они в Новгород и сделались сперва в Новгороде, а потом по всей России господствующим народом».

Напомним, это исконные исторические владения Меровингов до того, как стали они так себя именовать (в германской традиции они — Вельсунги, те же самые потомки троянских царей). Именно где-то здесь, в низовьях Рейна и произошло, согласно легенде, знаменитое «посещение» уже беременной жены короля Клодио кентавром (мы говорим здесь, разумеется, о мифе, а не о «реальном» историческом событии,

то есть не о видимом «проявлении» мифа).

Напомним, согласно этому мифу, королева, жена короля Клодио или Клодиона, сына короля Дидиона (Дадона) и внука полулегендарного Приамова потомка Фарамонда, также короля салических (то есть приморских, а также солнечных или «пропитанных солью») франков, будучи уже, по-видимому, беременной, купаясь в море, оказалась преследуема неким то ли кентавром, то ли китом с бычьей головою (Кит Тур Аз = Китоврас, то есть тот же кентавр). Согласно русской апокрифической «Повести о Еве», такое же чудовище (Коутур или

Кутувр) преследовало в раю согрешившую Еву, а «Повесть о Соломоне и Китоврасе» называет его Соломоновым братом, сыном Царя Давида и Матери Сырой Земли. Через девять месяцев королева родила сына, которого называли Меровеєм или Міровеєм — по старо-французски Mereveï также чудо или диво (monstre). Этот «дважды рожденный» царь и стал, согласно легенде, родоначальником Меровингов. Подобные средневековые символические легенды сопровождали рождение многих героев и царей. Так, нечто подобное переживала мать Императора Юстиниана. Позднее,

чисто моралистическое, сознание воспринимало такие легенды в сугубо «инфернальном» ключе, однако мы должны помнить о сакральном и сугубо христианском смысле средневекового бестиария, образы которого всегда «двоятся». Так, лев одновременно символ и Христа и антихриста, единорог — ярости и фаллической похоти и одновременно строгого целомудрия и т. д. Впрочем, рассуждение на эту тему уведет нас очень далеко. В случае же Меровингов дело обстоит особым образом. Изначальное пребывание Китовраса в раю и таинственное родство его с царем и псалмопевцем Давидом знаменует

прикровенное христианское освящение троянской династии еще до ее официального Крещения.

Запомним только это обстоятельство: оно еще очень пригодится нам, когда мы будем говорить об описаниях византийскими авторами походов Олега Вещего. Но не умолчим о важнейшем факте. Под облиkiem бестиария часто скрывалось смешение династических кровей. Хронисты отмечают у франкских королей после Меровея родовую метку — крест на груди или между лопатками. Одно из наиболее распространенных толкований этого — кровь троянской династии неким

образом смешалась с кровью бежавшей в Европу первохристианской общины — с одной стороны еще более (неизмеримо!) возвышает в глазах христианского мира этот факт и так высочайший род, с другой — породило в истории многовековую интригу, о которой пойдет речь в заключении нашего исследования. Но пока все это еще впереди. Сейчас нас интересует движение династии на Восток.

Итак, не мог ли исчезнувший меровингский Рюэрг тогда и быть нашим Рюриком? Не отправлялся ли он «на страну далече» именно как законный представитель этого

особого царского рода? И не была ли «встреча» его с Карлом Лысым в Дании прощанием и взаимным напутствием перед дальним путешествием, в которое Рюэрг отправлялся с согласия царствующего короля (пусть и не весьма легитимного) к их общим родичам, потомкам троянцев, собственно, всегда и жившим в Новгороде-Словенске? Положительный ответ воспринимается как вполне естественный, если мы вспомним еще некоторые, весьма знаменательные, свидетельства.

Хорошо известно о «передвижках» географических названий в истории. «Двигались»

Троя, Рим, Болгария, в новое время
Каледония, Зеландия, Йорк, даже
Петербург, Москва и Сталинград...
Чрезвычайно любопытно
наблюдение все того же Василия
Передольского, связанное, по-
видимому, с передвижениями
выживших после катастрофы
гиперборейцев с севера на юг:

«Самая Сибирь известна под
именем Искер и Искор. Мы имели
случай заметить, что Катфраж и его
последователи выводят
первоначальников Европы из
Сибири; наши Коломецкие находки
говорят о сношениях Ильменцев с
племенами, ветви и потомки которых
жили, а некоторые и теперь еще

живут в Сибири; Катфраж ведет первоначальников из Сибири чрез всю Россию на запад Европы и во Францию. Таким образом, дорога от Алтайско-Уральских пределов чрез Россию к Франции проложена с незапамятных времен; не мудрено, что в имени одной значительной реки Франции Ове слышим нашу Сибирскую Обь».

Но не менее, если не более, значимы и передвижения, так сказать, обратные. В 1471 году новгородская рать была побита московской у стен города, возле реки Шелони. Это было началом конца новгородской вольности, что, впрочем, естественно — к этому

времени республиканское правление уже окончательно превратило прежде царственный Град Святой Софии в «скорлупу пустого ореха». Но вот что пишет об этом современный новгородский историк В. М. Золин:

«Шелонская битва 1471 года привычно отмечаемая в школьных учебниках истории России, произошла на реке Шелони под Новгородом и способствовала присоединению Новгородской республики к Москве. Шалонская битва 451 года чаще отмечается в учебниках по средневековью (во многих странах мира) как битва при Кат-алаунских полях, окружающих равнины Шалони у Сены, недалеко

от Парижа и Реймса. Кат-алауны (ранее Шалонь) — памятка о готах и аланах, вышедших сюда из Скифии с IV в. н.э. [...] Поселения „росомонов“ у Реймса были влиятельны и устойчивы [...] Эти последние оказывались влиятельными и в Испании, где есть своя Каталония. Шалонь в начале эры сложилась в тех местах, куда примерно пришли от Скифии норики (нарцы: праславяне) и их союзники. Битва на полях Шалони шла между разными кланами народов Скифии за утверждение своего короля в Галлии. Высоких, белокурых и голубоглазых франков наука зачастую относит к германцам, почему-то лишая другие

народы своих статных блондинов. Фактически правивший Римом алан Аэций с верными ему аланами и союзниками поддерживал младшего сына Клодилия Меровея, уже как своего приемного сына. Боготворивший Меотиду и святой скифский меч Аттила, правивший Европой и более дальними землями от севера нынешней Румынии, сделал ставку на старшего сына (т. е. такого же нордически-троянского потомка и внука Фарамонда, но не „дважды-рожденного“ — В. К.). По мере приближения к Галлии перед ним пали Вормс, Майнц, Трир, Страсбург и еще десятки городов. На призыв Аттилы откликнулись многие

цари и народы Германии и Скифии, от берегов Волги... Победили „западники“ Аэция, дав Франции династию Меровингов. Ратники Атилы отступали, грабя Милан, Турин, Венецию и подобные места. Вскоре многие из них ушли в Скифию, когда умер Атила и по наущению дворни император Валентиниан убил отважного Аэция. Шалонская битва символизировала закат славы древней Скифии (Сарматии) и рождение средневековой державы „князя Роша“ (выделено нами — В.К.), которую на середину V века н.э. отмечает работа арабского автора VI века и другие источники».

А вот еще более любопытное свидетельство о Каталаунском сражении. Принадлежит оно уже упоминавшемуся нами Юрию Ивановичу Венелину, исследовавшему события эпохи «великого переселения» не только по летописям и хроникам, но и преданиям собственного народа — русинов — сохранившего в памяти предания своих непосредственных предков — русов-венедов (или франков-венедов, что, как мы здесь видим, одно и то же):

«В то время (448 г.) скончался верховный правитель Вандальских владений во Франции или, быть может, настоящий Монарх над

Вандалами, Клодовой или Кладовой (Cladoveus), оставя двух сыновей, Мировою (Meroveus) и Кладовлада (Cladovaldus, Klodobalolus, пишут Латины). Римскими же владениями в Галлии управлял храбрый Аетий „...“ молодой князь Мировой посещал Аетия и дажюе поехал было в Рим». Далее Ю.И.Венелин пересказывает в целом ту же версию разделения среди франков — Кладовлад (Хлодобальд) переходит на сторону гуннов, Меровой — тогда еще единой (она падет в 476 г.) Римской Империи (мнение Венелина об Аттиле как о «русском царе», хотя и может представляться многим привлекательным, лишено

достаточных оснований). При этом, однако, интересен конечный вывод ученого:

«Не известно, куда девался претендент Вандальского престола во Франции, Кладовлад; убит ли на сражении, или, может быть, пренебрежен Атилиою, или вознагражден чем-либо; подробности Вандальской современной Истории до нас не сохранены. Известно, по крайней мере, что Мировой (Miroveus, Meroveus), согласившись на требования Атилы и перешед от Римлян (другая версия! — однако, такое балансирование естественно, ибо и римляне, и гунны венедам-

франкам были чужды в одинаковой степени — В.К.) остался на престоле, на коем царствовал довольно хорошо еще 10 лет. Потомки его, под именем Мировичей, царствовали с 458 по 754 г. Черноволосые писатели, Италианского происхождения или учения, называли сей дом как могли. Вандальское Мирович они писали в ед. Merovix, род. Merovigis, множ. Meroviges; но, по своей породе, они любили говорить в нос, для этого именно нужна буква п, которую они и всунули в это слово, и так произошло Merovinges, Merovingi (кстати, именно так и произносят в южной Франции — В.К.). Заметьте,

что во время Атилы сей народ называли Вандалами и Аланами; сей же самый Царский дом и народ впоследствии переименовали во Франков». Римско-меровингский союз V в. Венелин называет очень прямо и просто: «Римляне и союзные Россы». Конечно, это кажется экзотичным. Но до сих пор и европейские историки не могут определить истоки и происхождение своей первой расы — до такой степени, что неоспиритуалисты выдумывают самые странные гипотезы, например, о том, что Меровинги — «внеземные существа». Конечно, это более привлекательно, чем признать общие

корни с Царским домом «русских медведей»...

Не будем настаивать. Но отметим для начала, что не только Шалонь и Шелонь созвучны. Так же точно двоятся (даже, с учетом испанской Каталонии, троются) Ката-алаунские поля: южнее Новгорода, в нынешней Тверской области находятся Алаунские высоты. Самое интересное то, что именно на этих невысоких, поросших папоротниками, горах, произошло посажение на княжение двенадцатилетнего — по древнему меровингскому обычаю — Игоря Рюриковича, что засвидетельствовано жившим там долгое время поэтом и археологом

Федором Глинкой, обнаружившим в окрестностях родового имения своей жены (урожденной Голенищевой-Кутузовой) каменные диски IX века с надписью: «Зде Ингмар подъят на щит». Разумеется, предметом дальнейших исследований, очень многое проясняющих, могло бы явиться — какое название Шелони (Шалони) и Алаунских полей или высот возникло раньше, то есть, перенес ли Меровея новгородские имена на Запад, или, напротив, Рюриковичи «воспевают» в Русской земле победы Меровея, давая их рекам и горам? Как бы то ни было, византийская загадка, о которой мы говорили в самом начале,

оказывается вовсе никакой не загадкой. Вот, оказывается, почему, как мы уже говорили, для Патриарха Фотия, Народ??? и «таинственный», «темный» — ибо таинственно само рождение «князя Роша» Меровея! — и в то же время, оказывается, «общеизвестный», «пресловутый» — кто же в X веке не помнил об аланах, скифах, Аэции и Аттиле... Упоминавшийся нами в самом начале М. Сюзюмов уточнял: «Обратим внимание на то, что, говоря о Русских, Фотий все время приводит библейские цитаты из пророчеств, имеющих у византийских церковных комментариев определенное

эсхатологическое значение: из „Иезекииля“, „Иеремии“, „Апокалипсиса“. В применении к русским эти эсхатологические пророчества имеют смысл только в том случае, если под словом '???' понимался одновременно и библейский народ Иезекииля, и русский народ. Отсюда понятно, что если русский народ до начала IX века и был общеизвестен византийской обществу, то под библейском ROS понимался одновременно и библейский народ, и LAKIS FRYGGOYMENON. Созвучие „русь“ и ROS давало основание говорить о недавно появившемся на исторической арене русском народе

как о таинственном, неизвестном, и в то же время всем столь хорошо знакомом библейском народе».

Отметим, что по мере развития узурпации на всех уровнях (прежде всего политическом и религиозном) в Европе постепенно складывается не только сознательная, но и подсознательная ненависть (и страх) ко всему, что хоть как-то напоминало о европейской же «державе князя Роша». Предельно четкий анализ отношения Запада к «державе князя Роша» (хотя и в ином аспекте и по иному поводу) содержится в книге А.Г.Дугина «Основы геополитики» (ранее, еще в советское время этих же вопросов, хотя и менее удачно,

касались А.А.Яковлев и П.Г.Паламарчук. Существовала также работа — едва ли не первая на эту тему — Алексея Ивановича Казакова, ходившая в Самиздате еще в период гонений. К сожалению, у нас утеряны как работа, так и следы автора, активного участника русского крыла диссидентского движения, ушедшего в последние 15 лет в сугубо частную жизнь и живущего вне столиц). Напомним, что речь идет о знаменитой 38 главе пророчества Иезекиилева, повествующей о нашествии на Иерусалим князя Роша, Мешеха и Фувала (варианты: Рос, Мосох, Фовель). Отрицать то, что Пророк Израилев действительно

говорит об уничтожении Иерусалима
множеством народов, объединенных
именем Гога и Магога во главе с
Рошем (ROS) или ARKHON ROS,
Русь, описываемая
константинопольскими хронистами,
как это, увы, делает П.Г.Паламарчук
(это, на наш взгляд, наиболее
неудачная из историософских работ
нашего покойного друга, написанная
в запальчивости), дело совершенно
бессмысленное. Дело в том, что
подлинность отождествления
державы князя Роша с Россией
засвидетельствована Православной
Церковью через преп. Серафима
Саровского: «Грозное и непобедимое
царство всероссийское,

всеславянское — Гога Магога, пред которым все в трепете будет. И все это, все верно, как дважды два — четыре» (текст, найденный в бумагах о. Павла Флоренского, предположительно полученный им от С.А.Нилуса, который в свою очередь нашел его в бумагах «Служки Божией Матери и Серафимова» Н.А.Мотовилова. Для пророка эти народы являются воплощением зла, хотя сам Рош — это еще и передняя стража Господня (Иез., 38, 1, 6). Здесь, не входя в сложные богословские построения, мы можем только констатировать: да, Православная традиция может в некоторых своих аспектах (быть

может, особенно в историософии) не совпадать с библейско-авраамической, поскольку Христос иерействует по чину Мелхиседекову, по чину «царя Салима» (т.е. Царя Мира), который выше Авраама, и последний лишь «платит ему десятину» и получает благословение (Евр., 7, 1-6) «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (Евр., 7, 7).

Какую же историософскую схему предлагает авраамическая (но не мелхиседекова) версия истории в связи с линией «князя Рош»?

«Как бы то ни было, — пишет геополитик А.Г.Дугин, — начиная с

XVII века (мы, правда, полагаем, что еще с VIII! — В.К.) Русь выступает как главный идеологический, цивилизационный противник Европы. „...“ Существует особое протестантское эсхатологическое учение, которое называется диспенциализмом, от латинского слова „dispensatio“, что можно перевести как „промысел“, „замысел“. Согласно этой теории, у Бога есть один „замысел“ относительно христиан-англосаксов, другой — относительно евреев, а третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются потомками десяти колен Израиля не вернувшихся в Иудею из

Вавилонского пленения. Эти десять колен „вспомнили о своем происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии „...“ Перед концом времен должна наступить смутная эпоха „...“ Главным отрицательным героем „смутной эпохи“, tribulation, является царь Гог (в других вариантах — царь Роша, князь Рош). Этот персонаж устойчиво и постоянно отождествляется в эсхатологии диспенциалистов с Россией“. Далее диспенциалистский сценарий развивается примерно так. При наступлении войны, предсказанной (лже)пророком Нострадамусом, силы

Востока (Гог и Магог) во главе с князем Рошем (или Гогом) начинают войну на Ближнем Востоке, в то время как англосаксонские христиане будут взяты неким „космическим кораблем“ или НЛО и переждут войну русских с Израилем, в которой русские потерпят поражение. Второе пришествие будет пришествием „Христа“ вместе с англосаксами, после чего израильтяне примут протестантизм и установится „единый мир“ и „открытое общество“. В настоящее время теория диспенциализма является официальной доктриной Республиканской партии США, опирающейся на протестантское

„моральное большинство“, составляющее, по опросам, около 60% населения страны. Любопытно, что создатели этой теории не ответили на несколько главных вопросов: отождествляют ли еврейские, прежде всего, израильские, историки утерянные 10 колен собственно с англосаксами? Считают ли религиозные евреи (в особенности хасиды, каббалисты и т.п.), что протестантизм хоть в чем-то совпадает с их воззрениями? Готовы ли израильтяне отождествить протестантского „Христа“ с Машиахом и вообще принять протестантизм? Ответов на это, разумеется, нет. Ясно, что

диспенциализм есть не только обоснование борьбы Запада с Россией, но и „последнее слово“ многовековой практики цареборчества, начавшейся в VII-VIII веках.

Эти сведения нам еще понадобятся. Пока что важно иное. Первым исторически известным властителем «державы князя Рош», то есть Русским Царем, оказывается тот же Меровея, основатель первой и единственно легитимной королевской династии Европы. Можно, конечно, сколько угодно говорить о запальчивости современного историка и писателя Ю.Д.Петухова, но невозможно

отрицать или по крайней мере не учитывать действительно запальчиво, но искренне им произнесенного:

«Руси — именно русы — дали княжеские и царские династии всей Европе и части Азии (я не беру, разумеется, в расчет династии наполеоновские — только истинные!). Пусть потом эти династии свергали, пусть казнили их последних представителей, пусть на смену русским Меровингам (основатель франкской династии Мервей, его наследник Хлодвиг и пр. — князья русов) приходили их прихлебатели-мажордомы „...“ — истонная. Естественная и легитимная власть в Европе была

власть русов»).

Но тогда нам становятся гораздо понятнее слова русско-германского ученого XIX в. Егора Классена, легко оппонировавшего своим соотечественникам:

«Но как сношения Германцев с Руссами не представляют никакого исторического материала, из которого бы можно было вывести, что Руссы заимствовали у них всю свою гражданственность, то Байер и Шлецер укрыли свою мысль под эгидою Скандинавов, причислив к ним, как к соплеменникам своим, и Варягов-Руссов. Этим они думали оживотворить свою неподвижную, тяготеющую во мраке произвола

идею, предсозданную исследователям и своду Русских летописей. Они, конечно, забыли Міровея-Винделика, родоначальника Меровингов, введшего славянский алфавит у побежденных им народов и старавшегося ввести и самый язык славянский».

Речь, разумеется, не идет ни об одном из ныне распространенных языков, равно как и том славянском языке, который устойчиво связан для нас с именами святых Кирилла и Мефодия. И, поскольку интересующие нас в данный момент события произошли на территории нынешней Франции, обратимся вначале к французским

исследователям, многие из которых вообще не считали латынь основой французского языка. Так, в частности, утверждал знаменитый аббат Эспаньоль, а широко использовавший его наследие А. Шампроке наотмашь отрезал мнимые с его точки зрения латинские корни всей старой французской культуры, ибо латынь, по его мнению, есть «дерзкий синтез зачаточных языков Азии, своего рода занавес, опущенный перед мировой сценой путем подлога, подмены фонетики». Такой же точки зрения придерживается и особое течение французского языковедения нашего столетия, у истоков которого стоял

загадочный Фулканелли, известный также и как замечательный лингвист. Исследуя парижское аргю с его древнейшими корнями, Фулканелли выявляет его готическую природу (argotique = art gotique, готическое искусство), прямо называя этот язык соединением греческого и пеласгского, то есть именно троянского. Между прочим, и Уоллес-Хэдрилл указывает на некий особый язык, на котором говорили между собой Меровинги, язык, отличавшийся как от латыни, так и от кельтских и германских наречий. Именно такой язык и стал основой так называемого «языка птиц» или «фонетической кабалы», о которых

ученик Фулканелли Эжен Канселье писал:

«Между прочим, не следует смешивать кабалу (cabale), о которой мы говорим, с каббалой (kabbale), наукой чисто гебраистической. Орфографические различия указывают на совершенно различную этимологию. Первая

происходит от французского *kabales*, что означает конь (*cheval*), вторая — от еврейского *kabbalha* — традиция. Уставы и род занятий древнего конного строя (*chevalerie*, рыцарства, конницы) как в духовной, так и во временной жизни предполагали взаимоизъяснения в форме языковых загадок, каждая из

которых была герметическим
воспеванием герба».

Cabale проистекает, согласно Канселье, «из материнских языков» (langues matrices) и пришла во французский из пеласгского и греческого. Основы этого искусства, согласно Канселье, содержатся в умении заключать предложение в одно слово и наоборот. В этом смысле онтологически этот язык действительно славянский, словенский в изначальном смысле, так как в основу свою полагает «самовитое слово» (В. Хлебников). Это язык принципиально не для всех, язык варново-сословный, язык «первых», оберегаемый от

«внешних». Но эти «первые», по вывороченной наизнанку сакральной логике, стали в Европе «последними», «королями, лишенными наследства»: каролингско-папская узурпация «латинизировала» Европу и вытеснила ее корневые наречия в аргю, в речь «клошаров», «отверженных», «безумных философов», «проклятых поэтов». Но совершенно неожиданно «выплывает» и чисто «славяно-русская» версия. Что касается пеласго-этрuscoго языка, то здесь дело обстоит следующим образом. Тот же Егор Классен, расшифровывая древние пеласго-этрuscoкие надписи,

В частности, надписи намогильные и так называемые гностические камеи, обнаружил поразительное сходство их не столько даже с церковнославянским, сколько с современным русским языком. Так, в частности, сделанная «чертами и резами» надгробная надпись в честь троянского царя (правда, «римской», а не «франкской» ветви) Энея, о котором уже много позже писал латинскую поэму Вергилий, найденная близ Кречио, в северной Италии, в 1846 году, гласит:

*Рески вес Бог, выш Вима и
Дима, Езменю Расией,*

*Им— же опеце (мой) дом и
децес, ленейен Езмень!*

Екатезин далечим, до дому зем
поежею,

Тоци вероверо ес! Какоей Еней
цар-роде.

Сидеиз с Дадом в Елишом,
Лейты поймез, забивлаез,
Ой! дороги, хороши!

ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ:

*Reski wes Bog, wyz Wyma i Dima,
Лзммnju Rasimj;*

*Imze opmce (moj) dom i deues,
лepмjen Лzmen!*

*Ekatezin daleczim, do domu ziem
pojezeju;*

*Toi wмro-wmro ms! Kakomм Enмj
car-rodм,*

*Sydmz s Ladoim w Eliszom0, Leity
pojmmz zabywlamz,*

Oj! dorogi, chorosziy!

НА РУССКОМ:

*Райский всех Боже, выше Вима
и Дима, Езмень ты России,*

*Возми в опеку мой дом и детей,
наилучший Езмень!*

*Гекаты царство далече, до дому
земли выезжаю,*

*Точно, ей-ей, так есть! как я
Эней царь-родом!*

*Сидя с Дом в Елисее, Леты
черпнешь и забудешь,*

О! дорогой, хороший!

«Что эта надпись относится к
троянским временам, — писал Е.
Классен, — в том нет никакого

сомнения, стоит только сравнить ее с древнейшей финикийско-греческою надписью на камне Киренском, причисленную к той же эпохе, объясненную и опубликованную Гамакером и Гезениусом. Мы здесь встречаем ту же интропункцию тремя точками, которая уже не находится на позднейших памятниках. Часто встречаемая в предлежащей нам надписи отдельная точка не составляет здесь деления на фразу, а заступает только место выпущенной гласной, подобно тому, как исполняет это финикийско-самаританско-еврейский Аин. Также употребляется здесь, как в умбрийском, буква V за O, Y и Ы,

кроме того, встречаются некоторые монограммы. Последние были у Славян в весьма большом употреблении, оне сохранились на русских монетах и в рукописях до времен Петра Великаго. Для убеждения стоит только взглянуть на изображение древнего русского креста, при котором каждое слово сливается в отдельный монограмм. Оригинальная на этом памятнике змееобразно вьющаяся строка всей надписи, требующая, чтобы чтец ее ходил в том же направлении вокруг камня, положеннаго горизонтально; при греческом бустрофедоне нужно было движение только глаза взад и вперед. Вкус к таким змеистым

извивам сохранился до средних веков на северных рунах».

Подробную расшифровку пеласго-этрусской письменности сделал в 80-90-е годы нашего столетия Г. С. Гриневич. «Etruscam non legatur — Этрусское не читается» — вспоминает он латинскую пословицу и утверждает:

«Праславянской письменностью выполнены: Тэртэрийские надписи (V тысячелетие до н.э.); протоиндийские надписи (XXV-XVIII вв. до н. э.); критские надписи (XX-XIII вв. до н. э.), в их числе надписи, исполненные линейным письмом и Фестский диск; этрусские надписи (VII-II вв. до н. э.), а также надписи,

найденные на территории расселения восточных и западных славян и исполненные так называемым письмом типа „черт“ и „резов“... Праславянский

письменный язык очень близок к старославянскому — письменному литературному языку всех славян, введенному для нужд Христианской Церкви в середине IX века н. э. Полной идентичности этих языков быть не могло, т. к. каждый из них обслуживал разные типы письма: первый — слоговый, второй — буквенный. И тем не менее у этих языков общий словарный состав и, что особенно важно, полное совпадение многих грамматических

форм (самая стойкая часть языка)».

Замечательно, что именно внутри этой «праславянской» или троянской письменности и сложились правила «фонетической кабалы», будущего языка «параллельной Европы».

Рассказывая о глиняном сосуде, открытом археологом В. А. Городцовым еще в 1897 году, Г. С. Гриневич обратил внимание на «манерой своего исполнения напоминающие дымковскую игрушку» изображения человека и лошади в качестве некоей «подписи».

«В. А. Городцов предполагал, что все эти знаки — литеры неизвестного письма. Значит, они

должны звучать, как звучат знаки, т. е. буквы нашего алфавита. Но как? ЧЛ — человек, лошадь. А если иначе: ЧЕ ЛО — человек, лошадь. Получилось слово ясное и очевидное, известное каждому русскому человеку. Оно означает лоб, часть головы от темени до бровей. Но какая может быть связь между глиняным горшком и человеческим лбом? Нелепица, да и только. Однако, существует еще одно значение слова „чело“. Оно сохранилось до наших дней, в частности, на Смоленщине, и означает „наружное отверстие русской печи“.

В «языке птиц» человек, конь

(лошадь), чело (верхняя часть головы или черепа) и печь оказываются тождественными, что, кстати, полностью соответствует и меровингскому мифу о королеве и кентавре, и русской «Повести о Соломоне и Китоврасе». Согласно Фулканелли, Конница или Конный строй (Chevalerie, рыцарство) восходит к описанию Тайнозрителем Великого Коня (Отк. 19. 11-16). Описывая композиции росписи каменного дома в нормандской деревушке в Лизье (Manoir de Salamandre, Жилище Саламандры), он указывал:

«Фигура Великого Коня (Grand Cheval) возвышается над Геркулесом

— это видение апокалиптическое. Над сидящим на нем всадником написаны слова Откровения: Rex Regnum et Dominus Dominatum — Царь Царствующих и Господь Господствующих. Великий Конь появляется из облаков с передними ногами навывлет. Всадник держит в одной руке шпагу, в другой — железный жезл; за ним следует множество конных всадников, в солнечном круге — Ангел».

Связь описанного изображения с русской иконой «Церковь воинствующая» или «Благословенно воинство Царя Небесного» (XV в.) очевидна. Напомним: согласно преподобному Максиму Греку, царь

земной есть «образ одушевлен» Царя Царствующих.

Наконец, еще более высокий аспект «самовитого слова», выводящего нас на иной уровень «языка словенского, то есть словесного», на уровень уже чистого «языка птиц», языка ангелов и царей, имеет прямое отношение к «Руси Міровеевой» (вспомним, что, анализируя Хроники Иоанна Малалы и Летопись Русских Царей, князь П. П. Вяземский указал на то, что словенин или гласоимный имеет греческое именование первого Адама, а именно MEROPES). Современный исследователь В. Н. Топоров отмечает особую роль,

«которая придавалась в раннеславянской литературной традиции сирийскому языку (согласно черноризцу Храбру, первым из всех языков был сотворен Богом сирийский язык — „несть бо Бог сотворил жидовска языка прежде, ни римска, ни еллинска, но сирски имже и Адам глагола“; на нем говорили и Адам и все люди до Вавилонского столпотворения („О письменах“); в апокрифических „Вопросах, от скольких частей создан был Адам“, утверждается, что Бог „сурьянским языком хочет всему міру судити“. Этот сирский или сурьянский язык понимают не только Ангелы, но и бесы (падшие

ангелы). Преподобный Илларион, изгоняя беса, вопрошает его „сирскы“; в другом эпизоде его же жития некий муж, одержимый бесом, „сирьскы отвечает“ („Житие преподобного Иллариона“, входящее в Великие Минеи Чети). Святой Андрей Цареградский, Христа ради юродивый „преврати язык... на сурьску речь, и нача сядя повести деяти с ним сурьски, еликоже мышляше и хотяше“. Особо оговариваем: речь здесь идет не об апокрифах и не о народной словесности, а о церковно-каноническом тексте, о знании, хранящемся в глубоких недрах Православного Христианства. В

частности, подробно об этом писал Рене Генон, согласно которому „адамическим языком“ был „сириакский язык“, loghah сыгувниаh, который не имеет ничего общего ни со страной, именуемой Сирия, ни с одним из более или менее древних языков, сохраненных человеческим воспоминанием до наших дней. Этот loghah сыгувниаh есть, согласно истолкованию его имени, язык „солнечного озарения“, shems-ishrvquah; действительно, Сурья есть санскритское имя Солнца, и это могло бы указывать, что его корень sur, один из тех, что обозначает свет, и сам принадлежал к этому древнему языку. Речь идет, стало быть, о той

изначальной Сирии, о которой Гомер говорит, как об острове, расположенном „за пределами Огигии“, что делает ее (Сирию) тождественной гиперборейской Туле (Tula), где совершается полный оборот Солнца». При этом, исходя из равнозначности порядка букв в так называемых «иератических языках», сирский, сурьский, сурьянский, соурский переходит в роусьский. В Житии святого Константина Философа, владевшего греческим, латинским, еврейским и сурским языками, сказано:

«Обрете же тоу Евангелие и Псалтирь роусьскими письмены писано, и человека обрете глаголюща

тою беседою, и силоу речи приямъ...
вскоре начат чести и сказали, и
мнози ея емоу дивляхоу».

«Пойду, на Русь погляжу...» —
до сих пор говорят старики в глухих
деревнях об утренней заре...

Мы уже упоминали о символике
вепря и медведя, о которой подробно
писал Р. Генон, согласно которому
именно земля Варахи (то есть земля
варягов, по толкованию А. Г. Дугина)
тождественна «солнечной земле»
или «изначальной Сирии».

«Добавим, — пишет Генон, —
что тот корень имеет еще и другой
смысл, смысл выбора или „избрания“
(вара), который, очевидно, не менее
подобаает региону, повсюду

обозначаемому такими именами, как „земля избранных“, „земля святых“, или „земля блаженных“ (варять по-церковно-славянски — встречать — В. К.) [...] И это, помимо всего прочего, является результатом того факта, что в древности вебрь олицетворял созвездие, позже ставшее Большой Медведицей [...] Вот почему имя бор могло быть перенесено с вепря на медведя, а сама Борея, „земля вепря“, могла вследствие этого в определенный момент стать „землей медведя“ [...]; санскритское слово рикша означает „медведь“, на кельтском это арт, на греческом арктос, на латинском — урсус [...] В самом деле, рикша есть

также в самом общем значении, звезда, то есть, в конечном счете, „свет“ (archis), от корня arch или rusch, „блистать“ или „освещать“.

Установленная таким образом близость между медведем и светом не исключение в животной символике».

Напомним, что медведь, как и его вечная спутница — пчела — были родовыми, династическими символами Меровингов. В то же время, по преданиям, на спине у них можно было встретить и щетину вепря, но, по бестиарию, каждый царь был прежде всего Ursus или Urs.

URS — RUS. Вот какого медведя в «дивном Дивееве» в САРОВСКОМ

бору кормил, «окормлял» тот, о ком Царица Небеси и Земли сказала: «Сей есть от Рода Нашего».

Вот какой «славянский» язык принес с собою Міровей-Винделик, вот на что восставали латинские магнаты, будущие Пипиниды-Каролинги, истинные создатели Римо-католичества и исконные враги «державы князя Рош», одновременно «Новой Франкии» и «Старой Руси»!

Итак, Рюрик...

НОВГОРОД ПРАВОСЛАВНЫЙ И МОНАРХИЧЕСКИЙ

А теперь пришло время ответить на вопрос, поставленный нами ранее: какому же в действительности Русскому царю, основателю Династии, дан был Константинов венец в древняя убо лета? И следовательно, какому кесарю Августу наследовали Рюриковичи, согласно Степенной книге?

В 496 году внук Меровея

Хлодвиг Великий принимает Святое Крещение. Казалось бы, к этому времени уже многие местные князья и вожди переходят в христианство и становятся членами Единой Соборной и Апостольской Православной Церкви. Однако Византийский Император, считавшийся тогда Царем всех православных (при тогда еще «первом среди равных» Римском епископе), сразу же дарует Хлодвигу не только должность консула (что обычно), но особый титул Августа, принадлежавший только самим Византийским Императорам.

Почему? Помимо прочих оснований, Император (а, точнее,

окормлявшие его старцы) исходил из церковного учения об «удерживающем теперь», то есть некоем царстве, способном явиться преградой приходу антихриста. Позже, в IX веке эта идея была оформлена в виде учения о *Roma mobilis*, «движущемся Риме»: при падении одного царства мировое служение «удерживающего теперь» переходит к другому по преемству. От первого Рима это перешло ко второму — Византии, и, даже если сами императоры надеялись, что Империя будет стоять вечно, то Церковь не могла не мыслить о возможных «запасных вариантах». Это уже факт собственно

византийской истории, имеющей к нашей теме отношение косвенное. К тому же сама Империя, строго говоря, не выработала последовательно монархического государствоустройства в силу отсутствия династического преемства как такового. Так ведь, собственно, и родился Второй, а затем и Третий Рим.

«Общественное строительство, — писал Р. В. Багдасаров, — зиждилось на стыке двух чинов: *basileia*, царства и *отпоіа*, соборности. Преемство византийской политики восходило к Александру Великому, а через него к восточным деспотиям и римским

установлениям. Однако попытка Константина сделать власть наследственной и рассматривать Империю как достояние своего дома и рода (следуя званию Нового Израиля) не удалась, хотя впоследствии неоднократно повторялось разными династиями — Македонской, Комнинов, Палеологов».

Как будто ромейским династиям не хватало некоего тончайшего, но нерушимого основания, некоей *materia prima*, необходимой для их *ars magna*. Дерзнем уподобиться тем, кого средневековье именovalo «щедрыми авторами»: не хватало истинно царской крови. Только этим

можно объяснить тот несомненный факт, на который, не объясняя его по существу, указывает Б.А.Успенский, — «помазание византийских императоров соответствует помазанию Пипина Короткого, и при этом помазание византийских императоров начинается гораздо позже, чем помазание западных монархов, — надо полагать, под западным влиянием».

В случае же Меровингов (а потом и, как мы уже видим, восточных Меровингов — Рюриковичей) речь шла о издревле царствовавшей по собственному праву монархической династии, о

единстве крови, мвропомазания и права. Именно это было видимо явлено при крещении Хлодвига. Согласно летописцу Хинкмару, во время крещения с небес слетела голубка, принеся в клюве хрустальный сосуд (Saint Ampule) с драгоценным мвром, которым был когда-то помазан на царство сам царь Давыд. Французский исследователь Жан Робен писал об этом так: «Хлодвиг был главой Regnum Francorum, царства, которому суждено было в дальнейшем стать Францией и „первородной нацией“. И вот Император Востока, Анастасий I, кроме титулов патриция и консула, передает ему

Императорские инсигнии, которые Меровинг с особой торжественностью получает в Туре, повинуюсь сверхисторическому велению, содействующему Хлодвигу продолжателем не только Империи, но также и священного Царства Давыда, чрез помазание чудесного происхождения елеем из Нерукотворной Святой Сткляницы (Saint Ampule)». Между прочим, Святая Сткляница многие века хранилась в кафедральном соборе в Реймсе, древней столице Царей (Rois, королей). «Этот драгоценный сосуд, — писал Э. Канселье, — был разбит в 1794 году публично на городской площади Реймса членом

конвента Рюлем (Ruhl), через год окончившим свои дни жалким образом, подставив голову под пистолет».

Речь идет, разумеется, о той самой революции, которая, по словам самих ее вожаков, породила французскую нацию. И здесь мы должны помнить, что Меровинги не были собственно «французскими королями». Они становились именно христианскими государями вне зависимости от расположения их царства, царями священной земли, *Roma mobilis*, причем хронологически еще до формирования полноценной симфонии Церкви и Царства в

Византии. Как писал Р. В. Багдасаров, «Слияние эллинского самосознания с римской государственностью и духовным чином Израиля произошло в VII в. при императоре Ираклии, когда после присоединения Персии (629) он возвратил христианам отвоеванный Святой Крест и частично восстановил территорию, подвластную Александру. Это всколыхнуло греческий патриотизм. Наследники Ираклия стали носить эллинский титул „василевс“ вместо латинского „император“, однако подданных продолжали называть римлянами (ромеями). Кроме воинской субординации, греческий

язык вытеснил латинский повсюду и прежде всего — в богослужении, законодательстве». При это исполнение предсказания блаженного Августина, сделанное еще в IV веке, о том, что в Империи должен воцариться королевский род франков, к VII в. Не исполнилось. Что же касается будущей Франции, то первые упоминания о ней относятся только к X веку, когда население бывшей империи Карла Великого разделяется на германское и французское. Сами владения Хлодвиги назывались тогда Нейстрия и Австразия (*Austre Asie*, Другая Азия) или *Troya Minor* (Малая Троя). А вот о державе князя Роша,

возникшей, согласно арабским источникам, после Шалонской битвы, говорить вполне правомерно. Однако держава эта, несмотря на всю свою церковную, королевскую и имперскую легитимность, явно шла к упадку. О причине мы уже говорили — латинизация галло-римской знати, по существу не являвшейся истинной аристократией, а формировавшей скорее спаянный латинизированный христианством класс собственников, противостояние которого с Меровингами становилось неизбежным. «Франки, — писал В. М. Золин, — все чаще не любили вспоминать о своих восточных

истоках, но историю было трудно переделать». Впрочем, это касается не Меровингов, а вот этой самой «знати», в значительной степени состоявшей из приобретающего северные земли римского патрициата и латинских, тогда еще формально не отделившихся от Вселенской Церкви, но уже все более обособившихся, епископов и клира. Процесс этот отражается во Франкском королевстве сначала как «война символов» — признание Святой Пасхи, как главного праздника года Меровингами (будущая православная тенденция) и Рождества Христова мажордомами (будущая католическая тенденция), особое почитание

святого Дионисия Ареопагита, отождествляемого с Дионисием Парижским Меровингами (Corpus Areopagiticum — основа мистического богословия Восточной Церкви), и святого Петра мажордомами; достаточно свободное отношение к закону (вплоть до явных «перехлестов» полигамии) у Меровингов и, напротив, законничество мажордомов, решительно поддерживаемое латинским клиром, и даже служение Литургии по-гречески в «меровингских монастырях» и на латыни в будущих т. н. каролингских. И так во всем — вплоть до именования дворца — palatium (ср.

«палаты») у Меровингов и «castellum» у «новой знати».

Следует подчеркнуть, что последние Меровинги уже открыто поддерживаются ирландским духовенством, через линию св. Патрика, прямо связанного с Восточно-православной Александрийской школой. После убийства Дагоберта II († 679), а затем лишения власти Хильдерика II (он был насильно пострижен в монахи), мажордомы-Пипиниды узурпируют престол и принуждают Папу Римского внести изменения в Символ Веры (введение *Filioque*), причины чего требуют отдельного, быть может, несвоевременного

разговора. «При этом, — как писал Ф. И. Успенский, — папа под страхом отлучения заповедал вельможам и народу избирать себе королей только из этой освященной Церковью фамилии Каролингов. С другой стороны, Пипин дал торжественную клятву за себя и за свое потомство заботиться о Церкви и блюсти ее интересы. Таким образом, один папа три года назад разрешил Пипина и франкский народ от присяги Меровингу — законному государю, теперь другой папа закреплял духовным авторитетом своим светскую власть над франками за наследниками Пипина». Карл «Великий» прямо порывает с

Византией, заключая военный союз с Гарун-аль-Рашидом. «Латинство» торжествует за два века до формального церковного разделения. Власть переходит от царей к мажордомам, т. е. «хозяйственникам», своего рода «буржуа». С тех пор Запад онтологически мертв. Третий Рим в Реймсе, в старой Руси, не состоялся.

Однако вернемся в новую Русию, Россию (хотя, строго говоря, Русской землей мы можем назвать всякую землю с Царем из трояно-пеласгского, то есть «Роусьского» рода, и Православной Церковью). Уточним: вернемся в страну, сегодня

именуемую Россией (хотя, строго говоря, по указанным только что обстоятельствам она потеряла право на такое именование). Происхождение Рюрика от кесаря Августа, провозглашенное в Степенной Книге, кажущееся нелепым (тем более нелепо соперничество с какими-то Гедиминовичами), если говорить о собственно Римском Августе, легко объясняется, если мы признаем первого Российского самодержца Рюрика-Рюэрга прямым наследником Тьерри II, а, следовательно, и Хлодвига Великого — «Августа» и «князя Роша».

Императорские инсигнии» были

переданы Хлодвигу, правда не самим Константином, а его наследником Анастасием II, но с точки зрения монархического принципа каждый следующий царь всегда есть также и предыдущий — на этом основана монархическая легитимность. В остальном же все совпадает: «В древняя убо лета... от царствующаго града сего (Константинополя — В. К.) царский венец дан бысть русскому царю». Прямому предку Рюрика, а, значит, и самому Рюрику. Потому же и «белый сей клобук изволением Небеснаго Царя Христа ныне дан будет архиепископу Великого Новгорода» — стольному граду царя Рюрика. Митрополит

Макарий был «мудр яко змий и прост яко голубь»: ради сохранения вверенной ему от Бога паствы он буквально исполнил повеление Грозного Царя и в то же время сумел сказать всю правду, передав ее «имеющим уши» потомкам.

Еще одно важнейшее обстоятельство. Если все изложенное выше верно, то Рюрик не может не быть христианином. Несмотря на уже давно наметившееся разделение, в IX веке Церковь формально была еще едина. Более того, мы уже указывали, что при Карле Лысом происходит «тихая меровингская реставрация», хотя и провалившаяся, но вполне ощутимая, в том числе и в

области религиозной. Именно тогда при франкском дворе блистает замечательный экзегет Иоанн Скот Эриугена, переводчик и распространитель творений Восточных Отцов, воссоздается почитание святого Дионисия Ареопагита, происходит канонизация собором франкских епископов (без согласия Рима) ряда меровингских святых, в том числе короля-мученика Дагоберта II. Для Рюэрга-Рюрика, призванного на Новгородский престол, было вполне естественно отбросить латинские нововведения, прежде всего Filoque, и исповедовать веру по закону отцов и дедов... К тому же и приехал он отнюдь не в

языческую (как это часто себе представляют) страну. Начальная летопись рассказывает о посещении св. Апостолом Андреем не только берегов Днепра, но и Новгородской земли, что только подтверждает уже высказанные нами гипотезы о городе Словенске. «Десятки вариантов легенды о Словене и Русе указывают на основание Словенска (будущего Новгорода) примерно в 2335 г. до н. э., — пишет В. М. Золин. — Новгород упоминается на первых страницах летописей как созданный еще до походов апостола Андрея и деяний князя Кия в первые века н. э.». Цитированный нами в начале нашей работы Р. В. Багдасаров

связывает упадок Словенска именно с неприятием его жителями апостольской проповеди в I в. по Р.Х. и утверждает, что в VIII в., то есть непосредственно перед приходом Рюрика и затем и при нем самом, он начинает возрождаться уже как христианский город.

В это время — как указывает В. С. Передольский, «...значение Новгородских сановников-правителей не установлено наукою, — как не установлено саморазвитие Ильменской страны, не зависевшее от соседей, утративших чистоту крови первоначальников Европы путем сношения с Азиатскими ордами, время от

времени набегавшими на нашу часть света». Однако он же указывает на то, что у русов (неясно, правда, каких) были в это время цари, и, в частности, ссылаясь на скандинавские источники, рассказывает о «убийстве славного русского царя Сигтрига» (не указывая, где и при каких обстоятельствах это произошло). Интересно в этой связи примечание к «Песне о Нибелунгах» советского медиевиста А. Гуревича: «Зигмунд, Зиглинда, Зигфрид — в их именах первый член sig („победа“) указывает на их меровингское происхождение [...], и некоторые исследователи возводят имя Зигфрида к имени

франка Сигиберта; в судьбе этого Меровинга VI в. можно найти известное сходство с судьбой Зигфрида». К сожалению, А. Н. Гуревич (сам по себе очень квалифицированный ученый) в данном случае путает Сигиберта с Дагобертом II — именно он был убит в точности так же, как Зигфрид — копьем на охоте, спящий.

Возвращаясь к вопросу о «возрождении Новгорода», отметим, что современный краевед-историк прямо указывает на христианское исповедание если не самого Рюрика (о чем он просто молчит), то его родового окружения: Гостомысл, фигурирующий то как дед Рюрика

(одна версия), то как шурин (другая), сам оказывается сыном знаменитого князя Бравлина (по-русски) — Бури(е)воя (по-славянски). «Одним из первых князей возрожденного „новгородского княжества“ стал Бравлин (Буревой), отец Гостомысла. В конце VIII века он захватил часть Крыма, где принял крещение (выделено нами — В. К.). Затем, возможно, его наемники в 793 году напали на монастырь св. Кутберга (в Англии), обозначив эпоху викингов в Европе — подвластных „хакану Рос“. Внуком Гостомысла — по дочери Умиле — русский эпос признает Рюрика». Путаница с именами не должна вводить нас в заблуждение.

Хотя приводимые Передольским (вслед за Татищевым) имена и несут аромат Жуковского и Карамзина, славянского сентиментализма начала XIX в., следует помнить, что уже доказанная нами русско-славянская двойственность позволяла употреблять имя и русское (то есть франкское) и славянское одним и тем же лицом, как в дальнейшем славянское (или татарское) имя московского жителя дополнялось христианским (греческим или еврейским) именем. В нашем смысле можно указать, что родословные Татищева-Передольского совсем не обязательно должны противоречить родословным графа Бони де Лаверня.

В дальнейшем князь Бравлин оканчивает свою жизнь в Киеве, будучи убит за исповедание христианства, то есть принимает мученическую кончину. Киев в это время не только славянский город, но некий центр международной торговли, пересечение путей с непостоянным населением: славяне, греки, евреи, армяне — это город ростовщиков, находящийся под влиянием Хазарского каганата. В этом случае поход Олега Вещего (видимо, дяди Рюрика) с малолетним Игорем Рюриковичем на Киев — месть за Бравлина-Буревоя — соединяется с его знаменитым, воспетым Пушкиным, походом на

«неразумных хазар». Впрочем, походу этому посвящена наша следующая глава и здесь эту тему можно лишь обозначить. Это поход Севера против Юга, воинов против «торговцев», и если угодно, троянцев против ахейцев, и об этом наша следующая глава. Троянцы под именем «венетов» или «винделиков», являются в те времена «царями мореплавания» (*rois de navigation*), как их называет Жан Робен в Северном море и Ла-Манше. Эти «белые венерианцы» также являются основателями замка Росслин (Rosslyn) в Северной Шотландии. Жан Робен пишет: «От них происходит легенда о скифском

происхождении шотландцев и их обращении в христианство святым Андреем». Отношение к данной проблеме и вообще к меровингской тематике этого французского традиционалистского автора (на него часто и с уважением ссылаются Ж. Парвулеско и А. Г. Дугин) более чем сложно и мы еще вернемся к этому вопросу: здесь нам важна констатация единства русов-венедов-винделиков и единого «святоандреевского» Православия на Европейском Севере.

В связи с этим пришла пора обобщить и осмыслить некоторые данные о разрушенных монастырях и храмах «долетописного» Новгорода,

указанных нами вслед за В. С. Передольским. Дело в том, что все эти утраченные святыни так или иначе соотносятся со специфически «меровингскими» акцентами в средневековой христианской культуре, которые в Европе проявились много позже, чем в России, уже в XII-XVII веках, однако, увы, в крайне искаженной форме, о чем нам еще предстоит весьма сложный разговор. Напомним, что на Западе эти акценты, оставаясь в рамках формального римо-католичества, несли в себе некоторые смыслы, явно выходящие за его рамки. Приводя эти факты, мы заранее отмечаем те

антиканонические и
антидогматические выводы, которые
делают из них так называемые
«неомеровингские» авторы, вроде
трех известных английских
журналистов (хотя в ряде случаев
вынуждены на этих авторов
ссылаться), прежде чем попытаться
показать общую несостоятельность
их сочинения, а главное, выяснить,
для чего вообще оно было написано и
растиражировано, особенно в
России. Повторим — то, о чем
повествует «Немая Книга» Европы,
на Русском Севере, по-видимому,
было известно не в меньшей
степени, причем полнота
Православия давала возможность не

придавать этим знаниям особо «эзотерического характера» — нечто, понимающееся само собой, содержится в самом годовом круге Богослужения, на фресках в крупнейших соборах, в иконописи, в Псалтирях и т. д. Просто, чтобы понять, надо уметь читать.

В 1640 году по специальному поручению кардинала Ришелье великий Никола Пуссен пишет одну из самых знаменитых своих картин — «Пастухи в Аркадии». Интересно, что за пять или семь лет до этого он пишет еще один, «черновой» вариант картины. На обоих полотнах, помимо прочего, изображено баснословное божество «подземной реки» Алфиос

и надгробие со словами Et in Arcadia
его — И вот я в Аркадии —
характерно, что это не классическая,
а «варварская» латынь. Аркадия —
одно из главных мест пребывания
тройских царей после падения
самой Трои (троянцы, согласно
Страбону, основывают там город
Капую). Оттуда они двинулись в
горные леса, называемые Ардуэной
(нынешние Арденны, где и
располагалась Австразия). Соседями
их были тревиры (не напоминает ли
это имя предполагаемого Рюрикова
спутника Трувора?). В разных
версиях Аркадия также образ полюса
гиперборейской Огигии и «медвежья
страна, медвежий рай», что явствует

также из самого имени этой полулегендарной страны. Интересно французское народное именование осла, на котором Спаситель въезжал в Иеросалим — Аркадийский конь (cheval d'Arcadie). Этот «Аркадийский конь как бы везет за собою „телегу Давыда“ — „chariot de David“ — созвездие Большой Медведицы. Меровингские короли совершали, кстати, свой ритуальный выезд на простой телеге, крытой соломой.

Но нам, собственно, важно здесь вот что: упомянутые англосаксонские авторы обращают внимание на обстоятельство, собственно, в истории культуры

общеизвестное: «Помимо произведений Рене Анжуйского, Аркадия встречается в образе фонтана или могилы, и оба неотделимы от подземной реки. Эта река всегда отождествлялась с рекой Алфиос, которая протекает через местность, расположенную в Греции и называющуюся Аркадией, прежде чем уйти под землю, пересечь море, не смешавшись с его водами, чтобы снова выйти на поверхность в Сицилии и соединиться с водами фонтана Аретузы. От античных времен до „Кубла-Хана“ Кольриджа обожествленная река Алфиос считалась священной, ибо ее название имеет общий корень с

греческим словом „Альфа“, что, как известно, означает первопричину, источник, начало». Тема Аркадии была любимой темой средневековых сочинений, исходивших от претендовавших на меровингское наследие Лотарингского Дома, к которому принадлежал и самый знаменитый автор «Corpus Arcadium» — король-поэт Рене Анжуйский, «добрый король Рене», сподвижник Жанны д'Арк... Но замечательно, что в Новгороде образы Аркадии появляются за семь веков до Рене Анжуйского и за девять до Пуссена, как раз после того, как в погибшей «державе князя Роша» в Европе меровингская монархия «ушла под

землю», подобно подземной реке, и вместе с Рюриком восстала в Новом Городе, где сразу же, вместе с воссозданием бывшего Словенска, строится Аркадский монастырь, соседние с ним деревня Аркажа и Зверинский, то есть Медвежий, опять-таки Аркадийский, монастырь! Комментарии излишни.

Менее очевидной для современного русского читателя, но чрезвычайно прозрачной для средневековья, особенно раннего, является и символика двух других новгородских церквей «долетописного периода» — Св. Марии Магдалыни и Св. Праведного Лазаря. Вообще говоря, в России

церквей в честь равноапостольной жены-мученицы мало — едва ли не единственный широко известный храм был построен Царем-Миротворцем Александром III, и то не в России, а в Святой земле. Объяснение тому очень простое. Русское православное сознание исторически всегда почитало телесную аскезу основой христианской жизни (по крайней мере, в идеале), а западные экзегеты, чьи книги попадали на Русь, изображали ее в качестве блудницы (тем самым создало смешение св.Марии Магдалыни и преп.Марии Египтяныни). На самом же деле оснований для отождествления

равноапостольной женой-
мироносицы и известной
евангельской блудницы нет. Но миф
был (и остается) очень живуч. Тем
более загадочно, что едва ли не
первым русским православным
храмом был именно храм св. Марии!
Да еще по соседству с храмом
праведного Лазаря, о чем мы уже
рассказывали настолько, насколько
это возможно.

В данном контексте отметим
особое почитание этих святых в
Европе в пору неразделенной
Православной Церкви (а также и
позже), в том числе огромное
количество храмов в честь святой
Марии Магдалыни,

просветительницы Галлии, во Франции. При этом особо подчеркнем ее почитание как самими Меровингами, так и их наследниками. С чем это связано, речь пойдет ниже. Если наша гипотеза о Рюрике верна, то построение именно этих двух храмов в долетописном Новгороде совершенно логично. Как и «полярная» ориентация их на север, к «земле медведя» и «земле белого вепря», что отразилось и в народном имени храма — «святой царицы Щетициницы».

В свете всего сказанного находит объяснение описанное В. С. Передольским изображение на так

называемой гностической камее (серебряном бруске), найденной еще в XIX веке возле церкви святого Михаила Малеина. Слева стоит человек с плеткой в правой руке и протянутой левой к другому человеку. На том, кто с плеткой, что-то вроде поясничной перевязи, на ногах сапоги до колен. Над головой правого — луна, сам он с длинными волосами, одет с поясницы по самые ступни; ноги босые. Надпись на камее такова: «Аз есмь ночь, очуни ее». Сам Передольский утверждал, что это «учение о свете и тьме Зороаштра, внесенное в древний буддизм новгородцев» (он разделял взгляд П. И. Шафарика о том, что

древнее слово Будины, относимое к жителям Биармии, означало их приверженность этому восточному учению). Наша гипотеза: камея изображает трагедию, постигшую меровингский род на Западе. Длинные волосы, не остригаемые ритуально, признак соединения царского и жреческого сословий (соединение «медведя» и «вепря», вспомним, что и Христос соединяет в себе царское и священническое достоинство) были родовым признаком династии — их носили даже многочисленные меровингские бастарды. Именно острижение последнего формально царствующего Меровинга Сигиберта VI по приказу

Пипина Короткого привело к его смерти через четыре года. В свою очередь, коротко остриженный новый властелин — галло-римский патриций, мажордом, а может быть, и епископ. Луна — Селена или Белена, соименница Елены Троянской, символической жены древних легенд: мыс Томбелен в Северной Франции до сих пор называют Tombe d'Helene — «гробница Елены», образ которой в средневековых рыцарских романах порою сливался с Марией Магдалыней. А учитывая многозначность средневековой символики и, как это ни покажется парадоксальным, и с

апокалиптической женой, бегущей в пустыню, на чем мы в дальнейшем остановимся подробнее. Таким образом, камея не столько гностическая, сколько «династическая»; по-видимому, она привезена русами-варягами, скорбящими о наступлении «каролингской ночи», заката солнца, символизируемого длинными волосами и уходящего за горизонт под плетями новых хозяев, представителей низкого рода... В этом контексте совершенно естественным оказывается и изображение неизвестного мученика с лилией в руке. Общепризнанное мнение заключается в том, что знаки

цветов лилии появляются как символы королевской власти только в Каролингские и особенно в Капетингские времена. Это, однако, не совсем так. Тот же хронист Хинкмар, на которого мы уже ссылались, указывал, что знак лилии появился и при Меровингах как один из символов Божьей Матери, наряду с родовой пчелой. В этом случае неизвестный мученик мог быть или почитавшийся в те времена князь Бравлин, или (что скорее!) Дагоберт II. То, что этот Король-мученик пользовался особым почитанием среди освободившейся от каролингского давления варяжской, то есть франкской (русской)

дружины, возглавляемой Меровингами, собственно, более, чем очевидно. Подтверждение этого предположения мы находим в истории соседнего Польского королевства. В 20-е годы нашего столетия польский историк К.Кротосский (которому вовсе не могло быть выгодно «русофильство» при правлении Пилсудского) доказал, что племя лехитов, жившее в районе Гоплы и Варты, было завоевано полянами, пришедшими с Днепра под предводительством русоварягов, которые в 882 году ушли от Олега (быть может, во главе с Аскольдом). От этих «варягов» и происходит, по Кротосскому, династия Пястов и ее

основатель король Мешко
(Мечислав) 1 и само название
Польшы. Польские историки, по
понятным причинам, пытались это
опровергать, однако, никогда не
опровергали и не опровергли
следующего. Дело в том, что вторым,
христианским, именем короля было
Даг. «Имя это, — писал
Х.Ловмянский, — названо только в
одном источнике: акте о передаче
под опеку „Гнезненского
государства“ папе (ок. 991 г.), а,
вернее, его кратком переложении,
сохранившемся в двух группах
записей; в одной имя передано как
Dagome, в другой Dagone „...“
Назначение акта указывает на то, что

Мешко, известный в источниках под своим славянским именем, в этом случае должен был быть назван своим христианским именем. Как в польской, так и в немецкой науке предполагалось, что оно звучало как Дагоберт, что указывает на его связь с Лотарингией, где существовал культ этого святого». Если так, то это свидетельствует о широком распространении христианского культа Короля-мученика среди руси и подтверждает предположение, что описанный В.Передольским неизвестный мучение с крестом и лилиями — это именно Дагоберт II и никто иной. И теперь мы, обитатели постсоветского пространства (червь

и чернь, по выражению Цветаевой), его узнаем.

Еще более интересна особая роль Новгорода в средневековой Европе вообще, о которой известно очень мало. Город этот служил убежищем для представителей свергнутых королевских династий, страдавших от прокатившейся по всей Европе каролингско-папской узурпации, когда Ватикан стремился «рассадить» на престолы королей, царствовавших не по собственному праву, а по праву коронации, то есть принятия короны из рук Первосвященника. Единственной самодержавной династией к XI веку остались Рюриковичи, сохранившие

внешнеполитическую независимость (их отношения с Византией регулировались международно-правовыми договорами). Более того, после падения франкских Меровингов именно князьям Рюрикова дома, то есть, как мы видим, тем же самым Меровингам, Византийский Император дарует царский титул (святий Владимир становится Василевсом, а Владимир Киевский и Новгородский — Мономахом, получая шапку, бармы и династическое имя Императоров, прообразующее будущий третий Рим). Это абсолютно тождественно тому, что было сделано в отношении Хлодвига, буквальное повторение

еще раз подтверждает, что свидетельство Степенной Книги относится к Русско-тroyанскому роду в целом. Более того, это указание на место, куда будет двигаться Roma mobilis после того, как Реймс фактически пал.

«Кто и когда изгонял Владимира Мономаха из святцев?» — задает вопрос В. С. Передольский и настойчиво указывает: «Писатели иноземные свидетельствуют, что Новгородский дворец Ярослава (Мудрого, сына Владимира Святого, позже дворец принадлежал Владимиру Мономаху — В. К.), отличавшийся баснословным великолепием, служил убежищем

несчастливым венценосцам и их родственникам (Бильмулк, Эймундова сага), в нем проживали: король норвежский Олаф Святой, лишенный престола; изгнанные Канутом Великим дети короля Эдмонта Эдвин и Эдвард; князя Венгерские Андрей и Левента — из них первый женился впоследствии на Ярославовой дочери; Датский, или вообще Скандинавский князь Симон, изгнанный дядей Якуном Слепым (о нем значится в Патерике Печерском) и Норвежский князь Гарольд, воспитывавшийся в Новгороде и женившийся, как и Андрей Венгерский, на одной из дочерей Ярослава. Все они селились

на Русской улице (последнее
выделено нами — В. К.). Название
говорит само за себя: на этой улице
жила Русь, то есть Цари.

КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ВЕЧНЫЙ ОЛЕГ...

Мы достаточно далеко во времени отодвинулись от прихода Рюрика и Руси в земли северных славян. И, хотя происхождение династии можно считать с большой степенью вероятности доказанным, остается много вопросов. Один из них касается непосредственного вокняжения Меровингов-Рюриковичей в Киеве и связанных с этим отношений с соседними государствами Евразии. Речь идет о

походе Олега, убийстве Аскольда и Дира, вокняжении Игоря и ситуации внутри треугольника Византия — Русь — Хазарский каганат.

Напомним, что двенадцатилетний Игорь был «подъят на щит» (по меровингскому обычаю) в местах, носящих название Кatalaунской возвышенности (граница нынешних Тверской и Новгородской областей). Это не может не быть символичным и не могло не осознаваться Олегом, действовавшим, по-видимому, по прямому указанию уже покойного Рюрика. Более того, мы полагаем, что и название таковое эта местность получила от Олега или от

самого Рюрика. Почему? Не рассматривалась ли нынешняя Русская равнина местом продолжения первой в истории Европы «битвы народов»? И если да, то с кем предполагали воевать? Очевидно, с теми, кто так или иначе являлся наследниками гуннской державы. Мотив мести за Бравлина, конечно, тоже мог существовать, но все же он был мелок. А в Каталаунской битве не было победителей (как это почти всегда бывает в «битвах народов», да и в мировых войнах), и стремление к освоению новых просторов на востоке не могло не соединяться со стремлением к «реваншу». Кто мог

быть объектом этого «реванша»? Ясно, что не ильменские славяне, не киевские славяне и вообще не славяне — тем более, что относившиеся к венедам славяне и русы, как мы уже видели, различались не столько этнически (этнос был по существу один — венеды), сколько варново, хотя психологически, да и религиозно, они различались очень существенно (на западе точно таким же делением было деление на франков, тех же русов, и кельтов, в принципе, тех же славян). Ясно, что по-серьезному враждебной Руси могла быть только одна держава — Хазарский каганат, тем более, что этнически хазары —

действительно потомки гуннов: собственно, и столица каганата, и единоименная с нею главная река Итиль носили имя Аттилы, да и писались часто не как Itil, а как Atil. Конечно, типологически Хазария VIII-IX веков решительнейшим образом отличалась от государства Аттилы. Гуннская держава, весьма привлекательная для определенного типа историко-политического сознания, принадлежала к числу периодически возникающих в истории военно-социальных псевдоимперий, основанных на харизме личной власти. Такие образования, строго говоря, невозможно назвать монархиями,

поскольку в них, как правило, не возникает династического права и престолонаследия и, часто будучи весьма хорошо приспособлены для решения конкретных, в основном, военных, задач, они распадаются после смерти вождя, имманентно полагаемого бессмертным, но не обладающего физико-магическими возможностями это бессмертие осуществить, — в монархиях это противоречие снимается тем, что весь царский род почитается за одного царя, и его продолжение в (условном) времени. На месте таких псевдоимперий после их распада, как правило, возникают образования, которые Л.Н.Гумилев именует

химерами — сосуществованием внутренне «некомплиментарных» (по его выражению) этносов или идеологий в рамках одного месторазвития. Мы не будем повторять общеизвестные ныне факты, касающиеся «химеричности» каганата с его «трехрелигиозной структурой», как и вообще нас здесь, собственно, не интересует история каганата. Отметим лишь следующее — важное для понимания некоторых аспектов проблемы. После Освальда Шпенглера мы вполне можем говорить о «мощных группах морфологического сродства, каждая из которых символически изображает особый тип человека в

общей картине всемирной истории и имеет строго симметричное строение. Эта перспектива и отражает впервые подлинный стиль истории». Это может быть тем более справедливым, когда морфологические аналогии имеют место на одном геополитическом пространстве. В свете этого морфологического анализа можно легко видеть, что если держава Аттилы аналогична могущественному военно-тягловому государству Сталина (которое начало распадаться и гнить сразу же после смерти вождя), то Хазарский каганат — идеологически-торговым структурам при Хрущеве и Брежнев

и даже, отчасти, нынешней РФ. Но если Византия, как православная идеократия, была особо озабочена господством в Хазарии талмудического иудаизма, то для Рюриковичей (о чем они недвусмысленно заявили коронацией Игоря на Католаунской возвышенности) на первый план выходила борьба с наследством завоевателей Европы с одной стороны, возвращение в «старую Франкию» (= «новую Русию») — с другой. Стратегические интересы держав ар-Рус и ар-Рум, как их называли арабские писатели, объективно совпадали. Если же принять во внимание христианство

Рюрика и его рода, о чем мы уже говорили выше, то и византийская мотивировка политики не могла быть полностью чуждой Рюриковичам, хотя кельто-ирландское православие, которого они придерживались, в принципе не столь идеологично, как византийское.

И, наконец, речь шла о воссоздании меровингского государства на востоке после уничтожения его на западе. Точнее, не одного, а нескольких государств, управляемых одним родом, как это было до VIII в. в землях франков и что вполне соответствовало Grand Commandement Карла Лысого.

Наиболее ярким примером является создание сыном Олега Вещего, тоже Олегом, в IX в. королевства Моравии, которое в то время произносилось как Меровия. Замечательно, что в более поздних источниках Меровией назывались также земли северо-восточного Заволжья, между реками Ветлугой и Унжей, т.е. место будущего строительства преп. Нилом Сорским и другими нестяжателями своих скитов (севернее, по реке Сухоне простиралась Мервия, что, естественно, то же самое).

В связи со всем изложенным выше точка зрения Л.Н.Гумилева о варягах-руси как союзниках Хазарии

и особенно ее иудейской верхушки представляется, мягко говоря, неубедительной. Напомним ее основу. Л.Н.Гумилев справедливо указывает на обстоятельства европейской истории той поры:

«Не лучше было и на Западе, где разлагалось заживо (на самом деле целенаправленно уничтожалась — В.К.) франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англы и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с

переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям. И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в. (выделено нами в связи с тем, что каролингский переворот часто рассматривают чуть ли не как „антииудейский“ — В.К.). Здесь Гумилев прав. Все было бы и дальше верно, если бы он не последовал за общим потоком и не был столь безапелляционен в отождествлении Рюриковичей и т.н. норманнов, и особенно викингов. Дело в том, что

викинг — не этническая и даже не сословно-варновая принадлежность, а „профессия“. В условиях господства в северной Европе майората младшие сыновья как знатных, так и самых обычных семейств оказывались без средств к существованию и объединялись в отряды, цель которых — морской грабеж и торговля. Среди них были не только скандинавы, но и венеды — как русы, так и славяне. Естественно, что их использовали короли и князья, как позднее пиратов, и могли, естественно, использовать и иудейские правители Хазарии. Но в том-то и дело, что викинги — не Русь.

Л.Н.Гумилев утверждает: «... евреи, не довольствуясь административной поддержкой императоров-каролингов, использовали язычников-норманнов „...“ Два хищника — рахдониты и викинги — в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить». Все было бы так, если бы не некоторые обстоятельства. О первом упомянем предельно кратко, ибо это не входит в основную задачу нашей работы. Хазарские евреи, собственно говоря, никак не относятся к числу колен Израилевых. Это гунно-тюрки и булгары, принявшие раввинистическую версию иудаизма,

а затем, после гибели каганата, составившие основу «европейского еврейства» (т.н. ashquenazim), не этнического, а религиозно-корпоративного сообщества. Об этом много писали историки сионистского направления, как выходцы из Восточной Европы, так и израильтяне. Во-вторых, Рюриковичи (Русь) — не норманны, не викинги и не язычники. И, кроме того, враги Каролингов (Карл Лысый не в счет, как «криптомеровинг») и враги всех потомков гуннов вне зависимости от присутствия или отсутствия «евреев» в их среде. Мы не собираемся здесь входить в крайне сложную и запутанную проблему о «потерянных

коленах» и этнической природе sepharadim и ashquenazim, но именно сознавая сложность ее, употребляем применительно к хазарским «евреям» кавычки. Но, опять-таки, эта тема уведет нас в сторону. Важно, что в связи со всем сказанным, нам представляется более обоснованной, чем гумилевская, точка зрения В.В.Кожина (выводимая, разумеется, из иных, нежели наши, посылок) о том, что «Рюрик с самого начала вынужден был противостоять Хазарскому каганату, который покушался и на северную Русь». Это в полной мере относится и ко всему его дому. Основание меровингского (варяжского) государства (быть

может, действительно, именовавшегося тогда как Русью, так и Меровией), в глубине Евразии означало вытеснение оттуда тюрко-гуннского субстрата, во-первых, и, поскольку свержение узурпаторов Европы, поддерживаемых Римской епархией, было невозможным, максимальную независимость от них и от этой епархии, во-вторых. Последнее было более, чем актуально. Существуют летописные свидетельства, что поляне-киевляне и их предшествующие правители (предполагаемые потомки Кия, Щека и Хорива) после 843 года, когда столицей восточных Каролингов стал Реленсбург, установили через этот

город тесные связи с Западной империей, а, следовательно, и с Римской епархией. Цели Меровингов вполне соответствовали интересам Византии, впрочем, поддерживавшей их и во франкскую эпоху. Но и византийские инсигнии Хлодвига столь же могли давать его потомкам право претендовать на престол Восточной Империи, тем более, что Византия фактически не сумела выработать династическое начало, а здесь, как писал Дж.М.Уоллес-Хэдрилл, «мы имеем дело с древнейшим обычаем Царской семьи, семьи столь высокой, что уже никакой, наивыгоднейший династический брак не сможет

возвысить ее кровь „...“ В ее собственной крови находилась ее сила, и все, кто входил в нее, ее разделяли». Это последнее было явлено открытым нарушением византийского церемониала русскими князьями в Константинополе, в частности, равноапостольной Ольгой. Г.Острогорский, приводящий свидетельство Константина Багрянородного о посещении княгиней Царьграда в 946 году с указанием на то, что на клитории (торжественном обеде) «архонтисса» села к столу, лишь слегка наклонив голову, делает вывод: «Право сидеть в присутствии императора считалось

чрезвычайной привилегией... По общему правилу каждый, поставленный перед императором, падал перед ним ниц», а Ольга «ограничилась тем, что слегка наклонила голову». Знала ли Ольга о предсказаниях блаженного Августина? Прямого ответа у нас нет — мы не располагаем свидетельствами, но то, что императорские инсигнии были получены предками ее рода, она не знать не могла. Как не могли не знать и византийцы.

Итак, если Хазария — открытый противник, то отношение к Византии неоднозначно. Византизм был, конечно, предпочтительней

латинства, но это вовсе не значит, что Русь была лишь послушной ученицей, как это часто утверждают, что и выразилось в известном, кочующем из летописи в летопись, выражений «греци лукави суть до сего дне». При общем признании того, что Русь и греки единой веры. К тому же и династические претензии на Царьград, юридически не обосновательные, у Рюриковичей были.

Документальных сведений о происхождении Аскольда и Дира у нас очень мало. Много романтических легенд, есть неплохая опера Верстовского, но это не документы. Собственно, существует

только свидетельство Повести
Временных лет и Первой
Новгородской летописи о том, что
они были членами дружины Рюрика,
прибывшей в Новгород. Двигаясь по
пути в Царьград («из варяг в греки»),
они в 862 году, то есть уже после
вокняжения Рюрика, захватывают
Киев и начинают властвовать в земле
полян. При этом летопись добавляет,
что поход этот был военный, а
Аскольд и Дир возглавляли его.
Каковы обстоятельства этого похода?
На них указывает непреложный
факт: именно с этим периодом
связывает летопись окончательно
установление хазарской дани над
Киевом. Здесь нам приоткрывается

частичная правота Л.Н.Гумилева. Конечно, вовсе не вся русь становится союзницей (а фактически сателлитом) Хазарии, а та часть ее, которая с помощью хазар, противозаконно и предательски вокняживается в Киеве — месте пересечения тогдашней международной торговли — и «в знак благодарности» предпринимает поход против исконного врага тогдашних хазарских правителей — православной Византии. Возглавляли эту часть руси Аскольд и Дир, отделившиеся от Рюрика, то есть, попросту говоря, предавшие его. То, что Аскольд и Дир были христианами, не является чем-то

необычным — христианами были, как мы видели, и Рюрик, и вся его дружина, однако в связи со всем излагаемым воспринимать Аскольда и Дира как «христианских мучеников» (что иногда бывает) совершенно невозможно. Итак, что рассказывают о киевских событиях летописи — как Повесть Временных лет, так и Новгородская летопись. Мы не будем рассматривать здесь хронологические неувязки, заинтересовавшие современных исследователей (в частности, В.В.Кожина, настаивающего на существовании Олега II, что вообще-то само по себе очень интересно) просто потому, что для целей нашего

исследования это не столь важно.

НЛ: «И роди (Рюрик) сын, и нарече имя ему Игорь. И възрастишно же ему, Игорю и бысть храбр и мудр. И бысть у него воевода именем Олег, муж мудр и храбр».

ПВЛ: «Умершио Рюрикови предаст княжение свое Олгови, от рода ему суца (здесь и далее выделено нами — В.К.) въдав ему сын свой на руце Игоря, бе бо детеск вельми».

ПС: «И начаста воевати, и налезоста Днепр реку и Смолнеск град „...“ И придоста к горам киевским, кто в нем княжит; и реша: два брата, Аскольд и Дир».

ПВЛ: «Аскольд же и Дир

придоста, и выскашани все, прочми из ладьи, и рече Олег Аскольду и Дирови: Вы неста князи ни рода князя, но аз есть роду княжа. И вынесоша Игоря: „А се есть сын Рюриков“.»

ПВЛ: «И убиша Асколда и Дира. И несше на гору, и погребоша и на горе. На той могиле поставил [Олма] церковь святаго Николу; а Дирови могила за святою Ориною. И седе Олег княжа в Киеве и рече Олег: „Се буди мати градом русьским“.

Что отсюда вытекает? Во-первых, Аскольд и Дир — давние знакомые Олега Вещего (что естественно). И реакцию его на их появление можно выразить

примерно так: «Ах, вот вы где...» Совершенно очевидно, что оба они — знатного рода (члены дружины), но не царско-княжеского, следовательно — узурпаторы. Далее, указание Олега Вещего на Игоря как на сына Рюрика означает не что иное, как всеобщее признание Рюрика монархом, оспаривать которое невозможно и любое посягательство на власть перед лицом которого, равно как и его сына, есть беззаконие. Указание похоронить Аскольда и Дира по христианскому обряду с возведением храма не оставляет сомнений в том, что все или почти все пришедшие с Олегом Вещим были христианами.

Характерно при этом, что Олег вел себя как носитель сильной власти, не нуждавшейся ни в «чистках», ни в демонстрациях силы: никого из дружины узурпаторов не тронули, а их самих похоронили по-христиански (да еще и с возведением храма во искупление греха человекоубийства), не забивали в пушку и не вешали на воротах. И, наконец, напомним, что знаменитые слова о «матери городов русских» — явный поэтизм нового времени, и, по-видимому, правы те историки, которые толкуют их как «русская митрополия». А это оставляет большие сомнения в «язычестве» Олега Вещего, вообще вряд ли

возможном, если он принадлежал к роду, официально принявшему христианство в 496 году (крещение Хлодвиг Великого). В связи с этим мы склонны принять точку зрения В.В.Кожина, указавшего на то, что «и в церковном уставе современника Олега Императора Льва VI указана русская митрополия, что свидетельствует о немалом распространении христианства на Руси при Олеге Вещем; это, правда, вовсе не означает официального признания новой религии (такое признание могло носить скорее „естественный“ характер, подобно описанному в повестях „артуровского свода“, где за круглым

столом друид Мерлин сидел по одну сторону от короля, а архиепископ Кентерберийский — по другую, что вообще было характерно для Северной Европы — В.К.). Стоит отметить, что согласно сведениям византийского Императора Константина VII, в середине X века русская митрополия уже не существовала, и это было, очевидно, результатом победы Хазарского каганата над Русью на рубеже 930-940 годов: так, несколько ранее, в 932 году, Каганат победил выступившего против него „царя алан“ (предков осетин), и в результате сообщает современник события — арабский хронист Масуди — аланы „отреклись

от христианства и прогнали епископа и священников, которых византийский император им прислал“ (позднее, после разгрома Каганата Святославом, аланы вернулись к христианству. Надо полагать, нечто подобное произошло и на Руси на рубеже 930-940-х годов»).

Итак, возможно, целью похода Олега Вещего было установление в Киеве не столицы, а русской митрополии, то есть самостоятельной церковной единицы, не связанной с узурпаторским Римом. Сам же Олег похоронен, как предполагается, в Старой Ладогe: «И иде Олег

Новугороду и оттуда в Ладогу, есть
могила его Ладозе», — так гласит
восстановленная А.А.Шахматовым
Начальная летопись. Вообще, как
пишет Х.Ловмянский, «источник
выводит Олега с севера, где он
правил; однако примечательно, что
его столица не названа, хотя Олег
должен был иметь главный город,
если осуществлял княжеские
функции; более того, в самом
источнике часто упоминаются
названия городов: Смоленск и даже
(кроме Киева и Царьграда) Новгород,
Псков, Пересечень, Искоростень и
т.п.; отсутствие названия столицы
Олега не находит объяснения. Трудно
поверить, чтобы источник не

упомянул в этом контексте Новгорода, если бы, по традиции, Олег имел в нем главный центр власти». Если же мы вспомним устройство меровингского государства на западе, то увидим здесь полнейшую аналогию. И в этом смысле Меровинги-Рюриковичи — Рюрик и Олег — вели себя точно так же, как и их предки — Меровинги западные. Разумеется, до определенного момента, диктуемого прежде всего военными интересами. И с одним исключением: славянорусский язык Православной Церкви не растворял речь руси (в отличие от латыни «западной руси» — франков) в местных наречиях, а,

напротив, подчинял их. Но со столицей (как, кстати, и с правом, что есть тема отдельная) аналогия действительно почти полная. Что может быть названо столицей, например, при Дагоберте I? Париж? Реймс? Турнэ? Или Стене, родовой замок в Арденнах, возле которого он и был убит? В этом смысле Олег Вещий действует в полном соответствии с родовой традицией, то есть не имеет однозначно определенной столицы, а в Киеве видит, по-видимому, будущий церковный центр. Может быть, именно потому, что Киев (Самбатас) был в значительной степени иудейским городом — столь явна в

«Слове о законе и благодати» митрополита Илариона полемика с иудеями — а их обращение в Православие считалось раннею Церковью одной из важнейших задач, как и задачей государственной: вспомним, что в VI веке галло-римские иудеи были обращены в христианство меровингским королем Дагобертом I.

Характерно, что захват Киева, столь часто оплакивавшийся либеральной интеллигенцией XIX века, вовсе не был воспринят как таковой местным населением. То, что этому населению был предъявлен «сын Рюриков», свидетельствует о том, что киевляне

знали, кому действительно предназначено властвовать. Более того, очевидно, и еврейское население признавало за его династией легитимность, и потому в большинстве своем также приняло христианство (как и в случае с Дагобертом 1). На отсутствие какого-либо сопротивления приходу Рюриковичей в Киев обращал внимание еще Эверс. Следовательно, Аскольд и Дир рассматривались как узурпаторы, а власть их как незаконная, в лучшем случае временная.

И сразу же после вокняжения в Киеве начинается первый поход Олега Вещего на хазар, тот самый,

воспетый Пушкиным... «Может показаться странным, — пишет В.В.Кожин, — что освобождение Олегом Южной Руси от хазарской власти началось со свержения Аскольда. Но, как установила С.П.Плетнева, „хазары сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, связав ее с собой вассалитетом“. Поэтому свержение Аскольда и война с хазарами преследовали одну цель».

Наконец, поход Олега Вещего был тем, что в юридической науке называется «фиксацией права». Как пишет В.Я.Петрухин, Олег «объявляет самозванцами Аскольда и Дира, княжащих в Киеве, и садится

сам, как законный князь». Олег распространяет на Киев действие русского (то есть меровингского) династического права, расширяет, как бы мы сказать сегодня, «правовое пространство». Он ни при каких условиях не мог бы сделать этого, не будучи воспринят как представитель «неотмирного», небесного, «потустороннего» начала, от имени этого начала действующий. «Во всех без исключения древних обществах, — писал исследователь истории права В.А.Якобсон, — первыми законодателями считались личности легендарные, „культурные герои“ или даже божества. Однако важно подчеркнуть, что общество

рассматривало этот опыт (фиксацию права) не как нововведение, а как исправление возникших несправедливостей».

И, наконец, еще одно, поистине поразительное свидетельство паримийного характера, свидетельствующее о духовно-генеалогической гомологии Дома Рюриковичей и Дома Царепророка Давида, свидетельствующее о единстве и неразрывной преемственности Царской линии, «красной нити» истории, на которое обратил внимание современный русский исследователь Роман Багдасаров:

«Вторая Книга Царств

рассказывает: „И отделились все Израильтяне от Давыда и пошли за Савеем... Иудеи же остались на стороне царя своего“. Полководец Царя Давыда Иоав приступает к Евелю (Авелю-Бер-Маахе), городу, где укрылся изменник Савей. Евель назван „матерью градам Израилевым“ (2 Цар. 20, 19). Параллельное место из Летописи — Аскольд и Дир (не-Рюриковичи) заняли Киев; избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородских мужей». Придя к Киеву с княжичем Игорем, Олег убил самозванцев. «И седе Олег княжа в Киеве и рече „се буди мати всем градом Русским“.

Свидетельство

харизматичности, более того, богоизбранности Рюриковичей мы находим и в византийских источниках. Рассказывая о походе Руси на Царьград (спорном как по датировке, так и по мотивировке, чего мы здесь не касаемся), Псевдо-Симеон пишет: (В.Д.Николаев приводит собственный перевод с английского перевода, сделанного Р.Дженкинсом) «Русские (конечно же, русы! — В.К.), также называемые дромитами, получили свое имя от некоего храброго Росса (мы уже указывали, что перед нами совпадения имени государства и имени государя — Рюрика — В.К.),

усвоили изречение оракула, данное им путем возжения и божественного озарения теми, кто господствовал над ними (выделено нами — В.К.)». Сам же Р.Дженкинс задает вопрос: но кто были эти «божественно-озаренные вожди»? И отвечает на него: не сам ли это Олег?

Мы не будем входить в дискуссию о том, почему состоялся поход, о каком Олеге (с учетом мнения В.В.Кожина) идет речь, равно как и заниматься вопросом, был ли это поход 907 или 941 г., как считает тот же Кожин. Для нас важно следующее. Православный византийский хронист говорит о «Божественном» (FEOKLITIAS), а не

«демоническом» озарении князя Руси. Князя, которого вся «официозная» историография считает «язычником»! Но если даже это язычество, то что оно такое, какова его природа? «Христианство отрицает мнимую „изначальность“ язычества, являющегося лишь следствием отступления некоторых народов от Вечного Завета (Быт., 9, 13) с сыновьями св. Праотца Ноя». Этот вывод современного исследователя полностью соответствует святоотеческой традиции. И еще одно — в чем смысл прибитого (по легенде, конечно), Олегова щита к воротам Цареграда? Воздержимся от окончательного

суждения — похоже, мы, действительно приближаемся здесь к «священной загадке». Укажем лишь на одно обстоятельство (читающий да уразумеет). Дж.М.Уоллес-Хэдрилл свидетельствует: «Церковь (VI-VII вв., т.е. Церковь Православная — В.К.) признавала, что на деле, в основе Франкского королевства (kingship) была кровь», и «Меровинг был человеком великим, даже перед лицом епископа». Но если византийские хронисты называли русов принадлежащими «к роду франков», о чем мы говорили выше, то они не могли не относиться к их князьям точно так же, как Церковь относилась к франкским королям до

папско-каролингской узурпации. В дошедшем до нас договоре Олега с Византией, датированном в летописи 912 г., сказано, что он заключался «на удержание и на изведение от многих лет (выделено нами — В.К.) межи христианы и Русью бывьшую любовь»] От каких многих лет? — От «пакта Хлодвига», разорванного Западной Церковью в VIII в.? Вряд ли это можно толковать иначе. По крайней мере, внятно. Да, конечно, о глубинных причинах, которых мы коснемся в следующей главе, не говорили, но о них, без сомнения, знали.

И здесь мы подходим к знаменитой легенде о смерти Олега

Вещего, в связи с нею — да и со всем остальным — заслуживающего иного прозвания — Олега Вечного. По сохранившемуся до нас преданию князь этот умер от укуса змеи, затаившейся в черепе его коня. Духовный смысл этой легенды раскрывает для нас современный русский исследователь Николай Козлов (Андрей Алексеевич Щедрин):

«Красной нитью через всю Священную Историю до ее предреченного эсхатологического конца прослеживается одна священная генеалогия, начало которой положено грехопадением прародителей в раю и там же

предвозвещен ее апокалиптический конец. „...“ При ближайшем рассмотрении божественного обетования, данного прародителям в раю, в контексте всей Священной Истории оказывается, что таинственно речь идет в нем всегда об одном благочестивом роде ветхозаветных праведников, названном „семенем жены“ (мы неожиданно наталкиваемся здесь все на тот же апокалиптический образ жены, бегущей в пустыню и спасающей младенца мужского пола — царственного младенца! — В.К.), т.е. наследующим неизменные генетические признаки по женские линии (митохондрия ДНК) и

остальном враждебном ему
прелюбодейном человечестве,
получившем название „семи змия“
от усвоения им себе генетических
признаков, полученных от
добрачного сообщения „...“ Каким
образом произошло вторжение
змеиной наследственности в
репродуктивную сферу человеческого
рода, этого из слов Бытописателя
прямо не видно; утвердительно лишь
то, что сама репродуктивная
способность была дана человеку уже
в раю (Быт., 1, 28). Присутствие
змеиного генотипа в человеческой
наследственности подтверждается
святоотеческой антропологией.
Св.Отцы просвещенными Духом

очами созерцая тайны падшей
человеческой природы, видели
„змия, который таится под самым
умом в глубине помыслов, гнездится
и умерщвляет человека в т.н.
тайниках и хранилищах души“.
Распространение змеиной
наследственности от потомков
Каина, названных в Писании сынами
человеческими, к сынам Божиим,
потомкам праотца Сифа — это
заповеданная Богом генетическая
вражда между семенем змия и
семенем жены — осуществлялась в
допотопном человечестве
посредством брачных смешений
первых с последними (Быт.: 6,2) а в
народе Божьем, как избранном

хранителе благочестивого семени, — через религиозное смешение и усвоение языческих культов, практиковавших генетическую селекцию. Борьбе этих начал причастна и человеческая природа Христа-Спасителя и всего его Рода, включавшего в себя не только праведников, но и грешников, совершающих падения и отпадения. При этом, как пишет Николай Козлов, «сотериологическое значение червленицы (красной нити, митохондрии ДНК — митос. Греч. — нить, хондрион — гранула) в роде Спасителя уясняется из понимания Тела Христова как генотипического змия, вознесенного на крест и

умерщвленного Богочеловеком, чему прообразованием служило поставление Моисеем медного (красного) змия на знамя во время пребывания избранного народа в пустыне, который должен был спасти взирающих на него с верою от угрызений чувственных змей (Числ., 21, 5-9).

Следует помнить, что образ змея как в Священном Писании, так и в средневековых бестиариях двойствен: сам по себе змей не является противником рода человеческого, но истинный противник, искушая прародителей, является в образе змея. С другой стороны, вознесенный змей есть

образ самого Спасителя мира. Николай Козлов говорит о «генеалогической загадке русского княжеского дома», заключающейся в преодолении эндогамии. Такая практика существовала и у франкских Меровингов, и у московских царей — то есть в пределах одного, истинного Царского рода — и только после Петра Великого (сам Петр в обоих своих браках держался истинной традиции) вводится принцип обязательной равнородности царских браков. Так голштинцы принесли во «град огражденный» Третьего Рима кровосмесительные законы каролингско-королевской Европы,

разрушив величайшую святыню — освящающую вседоступность царской крови, Sang Royal (а ведь когда-то и Европа была иной — вспомним сказку о Золушке...) Эта «генеалогическая загадка», как пишет Николай Козлов, «являлась по существу ни чем иным, как духовно-генетическим применением сеннообразных начал ветхозаветного семейно-брачного законодательства в державном строительстве Святой Церкви, царства Нового Израиля...» Автор ссылается на глубокое исследование И.Я.Фроянова и Ю.И.Юдина «Былинная история», в котором они пишут: «В былине Змей выступает и как родоначальник

княжеского рода, его продолжатель и как своего рода хранитель его чистоты, беспримесности (он в своем новом потомстве возрождает княжеского предка. При этом важно, что Змей становится не предком вообще, но предком княжеского рода, рода вождя. Связь с ним по женской линии в таком случае особенно желанна». О борьбе внутри этой двойственности (говоря словами французского метафизика и метаполитика Жана Парвулеско «при приближении к сущности все двоится») свидетельствует «династическое предание о смерти Олега Вещего, которая наступила, по предсказанию кудесника, от его

собственного коня, то есть от укуса скрывавшейся в конском черепе ядовитой змеи: змея от змея».

Вслед за этим «укусом» два поколения Рюриковичей уклоняются в «мерзость языческую», и только равноапостольная княгиня Ольга (Елена) хранит верность истинному родовому преданию и истинной вере. Выскажем пока что только предположение: быть может, оставление династией Севера, обоснование ее в Киеве, своего рода восточноевропейском Вавилоне (вспомним, у Гумилева-старшего: «Из города Киева, из логова змиева / я взял не жену, а колдунью...») было ошибкой, быть может, митрополии

довлело... Но не будем предаваться гаданиям, в истории неуместным. Впрочем, по странному свидетельству Мавро Орбини, архимандрита Рагузского, русский князь Святослав, внук Олега вещего, был... христианином. В это верится с трудом, но если вдруг это так, то кто и почему переписал историю победителя Хазарского каганата?

И, наконец, последнее, что так важно помнить в связи с Олегом:

«Памятником победной борьбы Моисея и Аарона с волхвами в Православной Церкви является архиерейский змеевидный посох, у которого верхняя часть или рукоятка имеет змеиные головы, одна против

другой, поставленные в виде украшения (следует, впрочем, отметить, что такой посох появился в русской Церкви только после реформы XVII века, констатация чего ставит перед нами множество дополнительных вопросов — В.К.) „...“ Как можно полагать, два змея, обвивающих жезл от пяты до верха, символизируют историческое переплетение двух змеиных родов в генетической борьбе за мировую власть».

Со свидетельствами этой борьбы вокруг священного наследия Царского Рода мы столкнулись совсем недавно и, поскольку эти вопросы стали предметом

обсуждения, не всегда
компетентного, не считаем
возможным обходить эту проблему.

«СВЯЩЕННАЯ ЗАГАДКА» ИЛИ СВЯЩЕННАЯ ТАЙНА?

В наших предыдущих работах нам неоднократно приходилось ссылаться на книгу трех англосаксонских авторов — Майкла Байджента, Ричарда Лея и Генри Линкольна. В английском варианте книга носит название: The Holy Blood and the Holy Grail («Святая Кровь и Святой Грааль»), во французском — L'Enigme Sacre

(«Священная загадка»). На русском языке она вышла в переводе с французского в 1993 г. под названием «Священная загадка» и в 1997 г. в переводе с английского под названием «Святая Кровь и Святой Грааль»). Появлению книги предшествовали многочисленные газетные и журнальные публикации, а также телепрограммы во Франции и в Европе, а вслед за ней появились многочисленные отзывы, в том числе и на постсоветском пространстве. В настоящее время авторы книги выпустили в США еще одно сочинение под многозначительным названием «The Messianic Legacy» («Законное мессианское

наследование»), с которой мы, к сожалению, не имели возможности познакомиться. Авторы (или те, кто их представляет), имеют свой сайт в сети ИНТЕРНЕТ и приглашают каждого пользователя этой сети к обсуждению интересующих их вопросов. Совершенно очевидно, что речь идет о достаточно широкой программе, имеющей целью повлиять на культурно-политический климат в мире в совершенно определенном направлении. Что именно имеется в виду, они не скрывают:

«Сегодняшний мир, мы убеждены в этом, — пишут они, — находится в состоянии поиска

настоящего главы и духовного вождя, Монарха, достойного его доверия. Наша цивилизация, бывшая материалистической столь долгое время и сознающая пробелы в своем опыте, больше не скрывает своего желания напиться из другого источника, не похожего на предыдущий, источника, который утолит ее духовную, эмоциональную и психологическую жажду». Так или иначе выбор вариантов всеобщего счастья сегодня небольшой: это или нью-эйдж оккультистов, или пропагандируемая некоторыми католическими кругами «цивилизация любви», или один из вариантов постиндустриального

общества. Напомним в этой связи, что ни одна из аутентичных и легитимных традиций не ожидает улучшения земных условий существования, но только их катастрофического ухудшения перед катастрофическим же наступлением нового эона, и Православие здесь наиболее радикально. Что же до Монарха, которого ждут наши авторы, то в любом случае, если Богу будет угодно его явление, судьба его может быть только трагична.

Однако с самого начала оговоримся, что будем избегать примитивизации проблематики и рассуждений на уровне «общечеловеческих ценностей» с

одной стороны, «жидо-масонского заговора» — с другой. Подобные клише «сверхприблизительны», а потому сугубо неверны и сугубо опасны. Не будем, подобно некоторым напуганным патриотам кричать, что перед нами «антиевангелие» и «масонский катехизис». Будем точны. А точность заключается в том, что авторы — англосаксы, причем живущие как по эту, так и по ту сторону Атлантики. А вот это-то как раз важно. Заранее оговорим также еще одно условие обсуждения. Авторы книги определяют себя как сознательных агностиков, однако с уважением относящихся к христианской вере

своих современников. С Православной точки зрения многие положения книги кощунственны, например, утверждающие о том, что Иисус Христос, «разыграв» некое мистериальное действие, «избежал распятия», а, следовательно, и Воскресения, и был похоронен в Южной Франции, в Ренн-ле-Шато. Есть в книге и другие версии, отвергнутые Церковью, а также не отвергнутые, но и не подтвержденные, причем некоторые из них способны шокировать православного читателя. Наша задача не есть «прения о вере» — истину Православия мы принимаем полностью от буквы до буквы и

готовы упоминать версии, которыми свободно оперируют авторы «Священной загадки» лишь в целях адекватного (дабы избежать непонятных «пустот») изложения их позиции, без чего серьезный разговор невозможен. В то же время следует понимать разницу положения верующего христианина с одной стороны и историка-исследователя, который не может и не должен а priori отвергать ни одну из версий. Также мы должны иметь в виду, что наряду с конфессионально неприемлемыми положениями, книга содержит очень большое количество ценной фактической информации, которую отвергать

невозможно и которая естественным образом входит в исследовательский аппарат любого занимающегося этим кругом вопросов. Кроме того, следует указать и на то, что толкование темы святого Грааля (или, как мы настаиваем, исходя из редких, но имевших место у православных авторов упоминаний, святой Граали — в женском роде), может быть не только таким, как у исследуемых авторов, но и совершенно иным, и не можем не согласиться с А.Г.Дугиным, который как раз в связи с этой книгой — а она в значительной степени касается и Ордена Тамплиеров — писал:

«Орден тамплиеров был

двойственной эзотерической организацией, в лоне которой сочетались обе важные метафизические тенденции — как эзотерический манифестационизм, так и метафизический креационизм. Как и в случае легенды о Святом Граале, которая может быть интерпретирована двояким образом, в зависимости от внутренней позиции эзотерического общества».

Более того, полноценное прочтение любого сакрального послания, в том числе и о Святой Граали, предполагает не одно и не два, а больше, вплоть до бесконечного, число смыслов, отнюдь не отрицающих, а

дополняющих и восполняющих друг друга. Дело на самом деле не в том, как то или иное «эзотерическое общество» интерпретирует это послание (в данном случае о Меровингах и Святой Граали), а насколько его деятельность адекватна данной интерпретации, насколько она не является пародией и подменой. В этом суть дела, и таким предувещанием хотелось бы предварить разговор о книге, одно из названий которой — «Священная загадка».

Отметим прежде всего, что основная концепция «Священной загадки» оживляет те же пласты истории и метаистории, которые мы

затрагивали в предыдущих главах. Один из них — проблема легитимности власти. Как правило, консервативная политическая и правовая мысль в ее «обычных» разновидностях, констатируя нелегитимность власти в том или ином государстве, указывает на некие вехи-события, откуда идет отчет такой нелегитимности. Например, для России (точнее, постсоветского пространства) чаще всего указывают на 1993, 1991, 1917, 1666 (и все это вместе, действительно, верно). Для Европы все еще проще — как правило речь идет о французской революции 1789 — 1793 гг. «Священная загадка» же

совершенно справедливо указывает на то, что всякая власть в Европе нелегитимна, начиная с VIII века — убийства Дагоберта II в 769 г. с последующим незаконным воцарением каролингской династии. Это именно то, что утверждается нами в начале работы. Более того, они без всяких оговорок указывают на то, что у истоков этой поистине великой узурпации стояла Римокатолическая Церковь, а если быть строгим, то Римская епархия, по совершенно особым обстоятельствам благословившая эту узурпацию, более того, возглавившая ее и тем превратившаяся из Царства не от мира сего в глобальную псевдо-

монархическую структуру. И с этим мы полностью согласны. Такая поистине трагическая ситуация, ставшая одной из причин «кризиса современного мира» (Р.Генон), для традиционалистского и истинного монархического (а не просто реставрационистского) сознания вопиет об истинном восстановлении пропорций. На самом деле — если мыслить до конца — узурпация стоит у самых истоков Творения, и первым узурпатором является Князь века сего. Поэтому на самом деле проблема эта является не исторической и не политической, а метаисторической и метаполитической, и попытки

решить ее в историческом времени неизбежно оборачиваются пародией и новой, еще более кощунственной, узурпацией. За одним исключением: прямым Божественным вмешательством в ход истории. Но его ли чают авторы книги, один из которых — сотрудник радио ВВС, — вот вопрос.

Для того, чтобы понять дальнейшую логику англосаксонских авторов, следует напомнить о некоторых наиболее общих метаисторических парадигмах староевропейского (прежде всего французского) сознания, которые в своеобразной форме «оживляет» эта книга. Наиболее четко эту парадигму

сформулировал Франсис Бертен в своей статье «Революция и Возвращение Великого Монарха» (La Revolution et la Parousie du Grand Monarque:

«Миф о Великом Монархе или об Утерянном Царе (Roi Perdu) архетипически присущ всем традиционным культурам. Во Франции первое его проявление совпадает с крещением Короля Хлодвига в 496 году, когда одновременно с благословением царствующего короля было объявлено через пророчество святого Ремигия (Saint Remys) о грядущем пришествии Великого Монарха. Этот миф имеет „матричную“

эсхатологическую природу, природу
дерева, чьи ветви покрыты листвою
пророчеств, предсказаний и
преданий, отбрасывающих на землю
уже как бы „светскую“,
„историческую“, „мирскую“ тень.
Оказывается, что история Франции
это история „вечного заговора“,
филигранно четко отражающая
метаисторический миф о Великом
Монархе, который и есть ее
сокрытый полюс, ее тайнодвигатель.
Попробуем понять динамику,
заложенную в Gesta Dei per Francos.
Этот движущийся текст движется не
непрерывно, а как бы узловыми
толчками, источником которых
является Божественное

Домостроительство, но именно через свою прерывность миф сам по себе превращается в нечто, непрерывно преследующее сознание людей, подчиняя его пророчествам и предсказаниям, то тайным, то всплывающим на поверхность. Так в свои права вступает История — книга смыслов, заложенных в ней от Начала. Не удивительно, что такая травма, как Революция, пробудила как среди ее адептов, так и противников все доселе дремлющие мифы, которые в свою очередь стали приводить в движение новые и новые события, подобно расширяющимся кругам на воде. Усекновение главы Христианнейшего Короля (Людовика

XVII — В.К.) оказалось разломом истории, который одновременно и предзнаменовал, и открывал эсхатологическую перспективу мифа о Великом Монархе, как и неотъемлемо соединенного с ним мифа о Святом Понтифике или Ангельском Папе. Это не только не случайно, но и неизбежно. Священное Королевство и Римский Понтификат неразделимы; предсказатели и духовидцы всегда и везде говорили о единстве Царства и Священства, иначе говоря, временной и вечной власти, и точно так же их соединяла через отрицание и любая революция».

Надо сказать, что Франсис

Бертен в принципе выражает Римокатолическую точку зрения и видение проблемы хотя и в традиционалистской, но все-таки сугубо «латинской» перспективе. «Священная загадка» ставит вопрос иначе, и в данном случае ее авторы, свободные от доктрин Римской епархии, безусловно, правы. Первое: «За год до этого (то есть до убийства Дагоберта II — В.К.) появился важный документ, призывающий изменить ход всей истории Запада. Он называется „Дарственная Константина“, и, если сегодня все знают, что это была фальшивка, грубо сфабрикованная папской канцелярией, то тогда он имел

значительное влияние. Этой „дарственной“, датированной предполагаемым годом обращения Константина в христианство, то есть 312 г., император передавал в дар епископу Римскому, а, следовательно, Церкви, всю полноту своих прав и все свое достояние. Новый факт мировой истории: он официально признал главу римской Церкви „викарием Христовым“ и отдал ему статус императора».

Напомним: официальная позиция всех Восточно-Православных Церквей по этому вопросу точно такая же. И второе.

«Как мы видели, в 496 г. Церковь навсегда связала себя с родом

Меровингов. Санкционируя убийство Дагоберта II, учреждая церемониал коронации и сажая Пепина на франкский трон, она тайно предавала пакт. Более того, коронованием Карла Великого она публично и окончательно подтверждала свое предательство».

И это не подлежит сомнению. Напомним, именно после этих событий и под физическим и военным давлением Каролингов Римская епархия вносит в свою доктрину, и даже в Символ веры такие догматические изменения (*Filioque*), которые отрывают ее от вселенской церковной полноты и делают невозможным не только

первенство чести Римского епископа (патриарха), но и присутствие его в Пентархии Вселенских патриархов. Тем не менее, согласно библейско-христианскому мировоззрению, дары Божии и Его обетования неотменимы. И даже если Папский престол совершает преступление, а на престоле королевском сидят его похитители, остается в силе еще в четвертом веке сказанное блаженным Августином: «Пока длится род Франкских королей, которые призваны владеть Римской Империей, достоинство Рима не исчезнет окончательно, ибо продлеваемо этими Королями. Некоторые из наших мудрых людей

полагают, что когда-нибудь Король франков овладеет Империей во всей ее целостности, но это произойдет в конце времен, он будет самым великим, но и последним из королей. Окончив благополучное и счастливое правление своим королевством, он вернется в Иеросалим и возложит на Гору Олив (Масличную гору) скипетр и корону; это будет окончательным завершением Империи Римлян и Християн. Согласно Апостолу Павлу, вскоре после этого появится Антихрист». Подобные представления существуют и на Православном Востоке. Напомним, что точно то же самое сказано и в Откровении Мефодия Патарского (IV,

по другим данным VII в.), но только вместо короля франков появляется царь еллинский сиречь греческий. Если блаженного Августина читали в основном на западе, то преподобного Мефодия Патарского (Олимпийского) — на востоке, в том числе и в Русском государстве — на него ссылается уже Начальная летопись! «Откровение Мефодия Патарского, — писал В.М.Истрин, — не только не считалось книгой ложной, но, наоборот, считалось книгой священной. Такой же она считалась и у славян, и у русских (выделено нами — В.К.)» Но Откровение Мефодия Патарского совпадает с франко-королевским

летописно-профетическим корпусом почти буквально. После победы над «агарянами» и обращения иудеев в христианство «съидет Греческий Царь и въселится в Иеросалим седморцу времени и поль, а на скончании дней и поль време не явится сын погыбелный „...“ Егда же явится сын погыбелный. възидет Царь Греческий горе на Голгофу, идеже есть врху древо крестное, на немже пригвоздше Господь намь и волную ради нас притрыпе смерть. И возмет Царь Грьчский стему свою и взложит на врх креста и въздерждет руце свои на небо и предаст царство Богу и Отцу. И възидет крест на небо купно с стемоу царевою, понеже кресть, на

немже повешен бысть Господь наш
Исус Христос за общее вьсех
спасение, тыи хочет явитисе пред
ним вь пришествие его на обличение
неверным и исполнитсє Давыдово
пророчьство, яко явится сынъ
погибельный, иже есть от колена
Дамова по прочеству Ияковли
глаголющим; «змии при пути сєдєши
на стьзєх, хапле пету коню и паднет
вьсадник спасение оживдає Господне
(выделено нами: обратим внимание
на это указание в связи с легендой о
смерти Олега Вещего — это еще
понадобится нам при разгадке
истинной загадки, загаданной нам
тремя англосаксами! — В.К.).

Сопрягая расхождєния между

западной и восточной версией предания о Великом Монархе, академик А.Н.Веселовский отмечал:

«Согласно древнему преданию, распятие Господа нашего Иисуса Христа произошло именно на том древе, в связи с которым произошло грехопадение Адама. В поздних латинских пересказах Откровения Голгофа заменена Оливною горою; последний император приносит жертву, не победив агарян, а сознавая невозможность противостоять им; к венцу присоединяется скипетр и щит, вместо креста — сухое дерево (в слав. „древо крестное“»).

Каким же образом можно соединить «королевский род

франков» и «царя греческого»? Да очень просто: через средневековую идею *translatio imperio* — ведь первые византийские инсигнии были переданы именно Хлодвигу Великому. Не логично ли, что щит к воротам Цареграда прибил потом Олег Вещий, которого сами же византийцы именуют «боговдохновенным», указывая при этом на то, что он «из рода франков»? Тем самым даже не стремясь (до времени) воссесть на императорском престоле, этот Русский князь (и Меровинг) ясно указывал всем, где теперь находится тот род, та первая раса, которой надлежит свершение исторических

судеб мира. Она покинула запад, «оставив мертвецам погребать своих мертвецов», и ушла на северо-восток, где спустя столетия воссияет Третий и Последний Рим. И мы должны ясно понимать: Третьему Риму вменены не только белый патриарший клобук Римского епископа, не только византийские инсигнии Императоров, но и Истинно Царский род, происхождение которого отмечено загадочной легендой о королеве и кентавре и не менее загадочной записью в Хронике Фредегара: Didion de Faramond, Clodion de Didion? Merevei de Merevei (Дидион от Фарамонда, Клодио от Дидиона,

Меровей, то есть Чудесный от Чудесного). «История есть священное миллениаристское действо, — писал Франсис Бертен.-В этой перспективе миф о Великом Монархе и Святом Понтифике (которым в данном контексте может быть как Римский Папа, отказавшийся от заблуждений латинства, прежде всего от Filioque, а также от какой-либо мирской власти, так и гипотетический Последний Патриарх всея Руси — В.К.) естественно вписывается в схему „Веков Церкви“ или „Веков Мира“ — историческое время, согласно Апокалипсису, семичастно. Двойное царствование Великого Монарха и

Святого Понтифика приходится на Шестой, Филадельфийский, век». Кстати, аналогично рассматривал мировую историю и русский философ Л.А.Тихомиров. В этом случае (в западной терминологии) Великий Монарх тождествен Последнему Царю (в терминологии восточной). Это есть одно и то же лицо, приход которого перед пришествием «сына погибельного» на обличение последнего и на укрепление верных, причем именно в Третьем Риме, предсказывали православные святые — от преподобного Серафима Саровского до сокровенных старцев XX века. Но замечательно, что все предсказания

действительно сходятся:
сохранившиеся в старинных книгах
тайнозрительные описания
Последнего Царя это именно
описания Меровинга! Так, о
происхождении Последнего Царя
ясно свидетельствует Рукописный
греческий лицевой сборник
проречений (1584-1595):

«Он прозорлив, он обладает
пророчеством и сообщает его „...“ На
правой руке у него два состава; на
обеих лопатках багряные цепочки и
багряные кресты, на груди же и на
затылке цельное (?); на ребрах у него
цепочки, и на шее, и на бедрах, и на
верхней части рук. Имя же Царя
скрыто в языках».

А вот что пишут авторы «Священной загадки», основываясь, впрочем, на хрониках и преданиях (здесь им можно верить, ибо они пересказывают общеизвестные вещи):

«...их (Меровингов — В.К.) часто называли королями-, „колдунами“ или „чудотворцами“, ибо они обладали, как говорит опять же легенда, чудесной силой исцелять только наложением рук, и, кисти, свисающие по бокам их одеяний, обладали такими же целительными свойствами. У них был дар ясновидения и экстрасенсорного общения с животными (простим нашим современникам столь пошлую

терминологию! Речь на самом деле идет о первоначальном царском достоинстве первого Адама -?????? или?????? — гласоимного — это именование, разумеется, не случайно — В.К.) и силами окружающей природы, и рассказывали, что на шее они носили магическое ожерелье „...“ На их теле имелось родимое пятно, которое свидетельствовало об их священном происхождении и позволяло немедленно их узнать: красное пятно в виде креста было расположено либо на сердце — любопытное предвосхищение герба тамплиеров — либо между лопатками».

Сомнений здесь практически не

остается. Последний Царь явится и последним представителем Истинного Царского рода, воплотившегося после пришествия Христа в линию франкский королей, а затем русских великих князей и царей. Этот царь, по преданию, входит в Царствующий град через Золотые ворота, построенные Императором Феодосием Великим (379-395). Церковный историк П.И.Савваитов в 1872 году писал:

«Ныне золотые ворота завалены вследствие народного предания, по которому этими воротами должны войти христиане для освобождения Царьграда и изгнания турок из Европы». И далее: «Ригион была

городская пристань близ Золотых ворот, которые поэтому (Русиу, Рисиу, Ригиу) называли и Русийскими или Русскими „...“ Русский или Русским назывался также восточный поворот колесниц на Ипподроме, где поставлено было на каменном основании медное изваяние какого-то необыкновенного животного вроде вола, но с коротким хвостом и без копыт, которое держало в зубах другое животное, покрытое чешуею (выделено нами; не есть ли это намек на того самого Китовраса или *Bestia Neptuni quinotauri simili*, которого якобы повстречала в волнах купающаяся королева? — В.К.). Все это вполне

соответствует одному из имен „священной тайны“, которые мы вынесли в заголовок нашего исследования — Русь Міровеева, Русь-Меровия.

А теперь нам надо попытаться, наконец, разгадать ту «священную загадку», которую предлагают нам авторы-англосаксы. Вся она состоит из нескольких блоков информации, как достоверной, так и ложной, складывающуюся в своеобразный монтаж, внешне весьма напоминающий то, о чем мы рассказываем, но имеющий противоположную направленность абсолютно во всем — от эсхатологии до геополитики. При этом

большинство сведений они черпают из документов «Ордена Приората Сиона» — тайного общества, якобы созданного в 1069 г. Готфридом Бульонским во времена Первого Крестового Похода, общества, когда-то стоявшего в тени ордена тамплиеров и одновременно участвовавшего в его уничтожении, после действовавшего тайно и якобы фактически руководившего всеми событиями европейской истории. К этому ордену Сиона (не следует путать его с сионизмом в общепринятом смысле слова), активно действующему и в наши дни и якобы имеющего одной из целей восстановление монархии во

Франции во главе с представителем династии Меровингов, были причастны, как пишут авторы, такие разные люди, как Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Сандро Боттичелли, Клод Дебюсси, Жан Кокто, генерал де Голль. Читателю представлено большое количество документов (или лжедокументов) под названиями «Секретные досье» или «Документы Общины», из которых черпаются сведения о судьбах меровингского рода, частично совпадающие, а частично не совпадающие с результатами других исследований, в частности, наших.

происхождение Меровингской династии. Авторы принимают во внимание как троянскую версию, официально фигурирующую во всех франкских хрониках, так и еще одну — версию о происхождении их от одного из исчезнувших колен Израилевых — колена Вениаминова. Основывают это они исключительно на «Секретных досье», где якобы имеется заметка: «Однажды потомки Вениамина покинули свою страну, некоторые остались; спустя два тысячелетия Годфруа IV становится королем Иеросалима и основывает Орден Сиона». Участвовали или нет представители колена Вениаминова в этногенезе западных франков — не

так уж важно — это обычное явление в этнической истории, каких множество. Важно другое. Эпизод с коленом Вениаминовым является как бы предисловием к общей концепции книги, которую Жан Робен назвал «телесно-плотской иудаизацией Меровингов». При чем концепция эта проводится весьма своеобразным образом, заведомо неприемлемым как для иудаизма, так и для всех исторических форм христианства. Кому может быть выгодна такая совершенно не легитимная с любой точки зрения «иудаизация» Меровингов? Только англосаксонским (шире — англо-американским) протестантам, через

теорию диспенциализма возводящим себя и свою «традицию» к «потерянным коленам». Иудаизация Меровингов, как и некоторых других древних родов англо-американской историографией отвечает не собственно еврейским, а именно англо-американским, «североатлантическим» интересам.

Авторы книги, совершенно безапелляционно, не считаясь с правилами «языка птиц» и вообще символизации неизреченного, вводят в круг масс-медиа и соответствующей публики тему «физического потомства» Христа, которое нигде и никогда не упоминается в церковных источниках

ни на Западе, ни на Востоке. Неизреченная духовно-генеалогическая связь Царского рода, к которому принадлежал и Спаситель мира, и Меровинги, в книге грубо «сексуализуется», с сознательным расчетом на эпатаж народного христианского сознания. Авторы утверждают, что Спаситель был женат на Марии Магдаleine, и их сын, наследник престола (как они утверждают, израильского), был привезен во Францию, где нашел приют в иудейской (что в любом случае было бы невозможно, учитывая отношения между иудеями и христианами в ту эпоху) общине, а затем его потомство слилось с

франкским королевским родом, что и нашло отражение в легенде о королеве и кентавре. Отказываясь обсуждать «сердцевину» построения англосаксов, отметим, что они всячески подчеркивают иудейское происхождение святой равноапостольной Марии Магдалыни, хотя (и здесь отдадим им должное) справедливо отказываются отождествлять ее с евангельской блудницей, для чего, действительно, в Евангелиях нет никаких оснований. Но одну безосновательность наши авторы заменяют другой: на «основании» нигде не названных «преданий», ее причисляют опять-таки к колену Вениаминову. Это

последнее, однако, весьма сомнительно — в знаменитой «Золотой Легенде», этих своего рода «Четых Минеях» Запада, Жак де Воражин указывает, что святая была царского рода (судя по имени родителей — яфетического); ее отца звали Сиром, а мать — Евхарией. Эти имена — персидское и греческое, если просто не символы, указывающие на сакральное (но в данном случае не иудейское) происхождение. Изгнание из нее семи бесов означает в этом случае освобождение от некоторых языческих посвящений, которые она получила, пребывая, как представительница знатного,

именитого рода, в свите Иродияды, где господствовало не ветхозаветное богопочитание, а скорее эллинистический синкретизм. По одной из версий «Золотой легенды», пораженная усекновением главы Иоанна Предотечи, она бежит из дворца и оказывается у ног Спасителя. При этом Жак де Воражин, как и более ранние христианские экзегеты, отождествляет Святую Марию Магдалыню с Марией из Вифании, что не противоречит, а скорее подтверждается Евангелием от Иоанна. Согласно «Золотой Легенде», обе святые сестры, их брат Лазарь Четверодневный, святой

Иосиф Аримафейский, святой Иаков,
брат Господень (Иаков
Компостельский) и святой
Максимин, сели в корабль без руля и
без ветрил (navire qui n'avait pas de
voiles, ni de rames, ni de gouvernail),
таинственно ведомый Самим
Воскресшим Спасителем, и
высадились в Марселе. Там же, на
корабле, предполагают авторы
«Священной загадки», и находился
царственный младенец, истинный
наследник Дома Давыдова. При этом
версия, о которой говорят авторы
«Священной загадки», опирается как
на народные легенды Франции, так и
на письменный корпус преданий о
святой Граали. Напомним, что святая

Грааль это и gradual — кратер, и graduale — книга, служебник, требник, и grasal — волшебный котел (атанор?), но и Sang Royal или Sang real — Царская Кровь или истинная кровь. По западным версиям, святая Мария Магдалина привезла в Марсель Кровь Спасителя, собранную в чашу (святую Грааль) святым Иосифом Аримафейским. Русское предание гласит, что при остановке в Риме она явилась во дворец императора Тиберия и преподнесла ему красное пасхальное яйцо как свидетельство Воскресения из мертвых (уже одно то, что ее беспрепятственно пропустили во дворец, свидетельствует о ее

высочайшем династическом достоинстве). Все это само по себе может нести — и действительное несет! — бесконечное число значений и смыслов, является предметом молитвенного созерцания и умного делания, но для секуляризованного современного сознания, к каковому обращаются английские авторы, может нести и многочисленные соблазны любого толка, что лишь подтверждает незыблемое правило о хранении «маргарита духовного». Дело в том, что святая равноапостольная Мария Магдалина — действительно едва ли не самый загадочный протагонист новозаветного повествования. Судьба

ее почитания в истории Церкви, однако, всегда сопровождалась неким ревнивым замалчиванием, полуотстранением. Но тем не менее, она признана просветительницей Франкии и Галлии, и Марбод, епископ Ренна, писал: «*Beatissima Virgo Maria et Beatissima Magdalena sunt nobis maris stellae*» («Блаженная Дева Мария и Блаженная Магдалина являются для нас звездами моря»). Потому так таинствен вопрос о месте ее погребения. Согласно западной версии (возникшей еще до отделения Римской епархии), она погребена в Провансе в местечке Экса, в пещере, получившей с тех пор название Сент-Бом (Saint-Baume,

букв. Святой Бальзам; слово baume, между прочим, использовалось в алхимии для обозначения «красного эликсира» или «универсального лекарства»). Восточное же предание указывает на место ее погребения — Эфес, причем в той же пещере, где находились в ожидании воскресения Семь Отроков Эфесских. Мы должны помнить, что именно на воскресение этих Отроков Эфесских или Охлонских указывал преподобный Серафим Саровский как на прообраз своего будущего телесного воскресения во времена царствования Последнего Царя («Великая Дивеевская Тайна»). И в этом случае святая равноапостольная

Мария Магдалыня оказывается таинственно связанной с судьбами Последнего Царя и последнего, Филадельфийского, Века истории. Православная Церковь празднует день ее памяти ровно через три дня после памяти Преподобного Серафима Саровского и через два дня после памяти святого пророка Илии наиболее «эсхатологических» ее святых — 22 июля или 5 августа по новому стилю. Но о ней у нас, в России, говорят мало (почему — мы увидим выше), в то же время не отрицая ее известности как покровительницы «тайной Франции». Во Франции же почитание повсеместно. Так, в связи

с мистикой «двух пещер» Жан Робен писал о «повсюдусущности» (ubiquite) святой Марии Магдалыни и добавлял:

«Универсальность контекста, в котором Мария Магдалина связана с Семью отроками Эфесскими, символизирует ту же традицию, в которой пребывают представления о Семи Церквях Апокалипсиса».

Речь здесь, совершенно очевидно, идет прежде всего о духовной генеалогии, не сводимой к исключительно телесной (charnelle). Ключ к пониманию этого очень тонкого различия мы найдем у преподобного Максима Исповедника, писавшего об изменении смысла

понятия «рождения» у не поврежденного грехом существа и у существа поврежденного. В первом случае это GENESIS, во втором — GENNOIS. По этому поводу миколог и микософ из г. Гусь-Хрустального Веков К.А. писал:

«Переворачивание смыслов» (выражение Э.Канселье — В.К.), характерное для современного мира, выразилось, в частности, и в том, что генетика, которая должна была бы быть ведением райских рождений (GENESIS), стала позитивно-спагирической наукой о передаче свойств через хромосомы, то есть передаче истления». Именно таким «переворачиванием смыслов» и

выглядит позиция «Ордена Приората Сиона», по крайней мере в том виде, в каком ее представляют авторы «Священной загадки».

Тем не менее вопрос о династическом соединении Франко-тroyанско-русского Царского Дома и Дома Давыдова, «от него же и Христос по плоти», не только не неправомерен, но и прямо неизбежен и неотменим в контексте единства царской ветви, той самой «багряной нити», о которой мы уже говорили. При этом ни о какой «иудаизации Меровингов» здесь не может быть речи, поскольку синагога была радикально враждебна первохристианской общине, между

прочим, в большинстве своем состоявшей из потомков Царепророка по плоти (Пресвятая Владычица Богородица, святой Иосиф Аримафейский, святой Ияков, брат Господень и др.). Напротив, перед нами «первоправославная» Церковь, и если кто-то «стесняется» родства, в том числе и физического, с этой Церковью и с этим родом, то он теряет право именовать себя православным. И в историческом контексте равноапостольная просветительница Франкии и Галлии действительно могла везти (и, видимо, везла) в Европу царственного отпрыска, наследника престола, но только уже не

иудейского, а будущего Вселенского христианского царства, и в этом смысле понимание Святой Граали как Царской Крови (Sang Royal) вполне законно, наряду с Чашей как предметом или Чашей Сердца. Корпус о Святой Граали дает нам возможность приоткрыть эту действительно «священную загадку» без всякого смущения, подобного возникающему в связи с одноименной книгой. Сэр Томас Мэлори, который только переложил на английский роман XIII века о Поисках Святой Граали (La Queste del Saint Graal), приписываемый Готье Мапу (Gautier Map) и легший в основу всех остальных произведений

о Граали, умолчал, подобно нашим трем авторам («англосаксы лукави суть»!) о том, что в этом «изначальном» романе дано имя предка и основателя династии королей Граали — Иосиф (Josephe), и он там называется сыном Иосифа Аримафейского. Напомним, что святой Иосиф Аримафейский, «благообразный советник», очень преклонного возраста, также принадлежал к роду царя Давыда и что, согласно всем легендам о Граали, Иосифу, находившемуся в темнице, явился Сам Спаситель и поручил хранение Чаши с Его Кровью, после чего чудесным образом извел его из плена. Такое,

лишенное грубой «телесности» прочтение легенды не противоречит не только Преданию, но и сознанию церковного народа.

«За столом тем было сидение, на коем Иосиф, сын Иосифа из Аримафеи, должен был сидеть. И сидение сие было установлено так, что ни пастыри, ни учителя, ни кто иной не мог там сидеть. И было оно освящено рукою Самого Господа нашего, из чьих рук его должен был получить Иосиф, призванный к заботе о вверенных ему христианах. И сидел на этом сидении Сам Господь и Царь наш (Nostre Sires). Отметим, что имя Иосифа таинственно сопровождает

Спасителя и неотделимо от Него: св. Иосиф Обручник стоит у Его колыбели, св. Иосиф Аримафейский — один из двух (вторая — Мария Магдалина!), до конца причастных к тайне Его земной смерти на Кресте (двое других из самых близких — Пречистая Дева и святой Иоанн Богослов удалились по приказу Господа). И имя соединителя царского рода не может не быть именем Иосиф. Иосиф и Мария (причем в древнерусском произношении Божья Матерь — МарИя, а Мария Магдалина — МАрия) — эти два имени сопровождают Спасителя на протяжении всей Его земной жизни

и выступают как духовно-генетическая красная нить Истинного Царского Рода в самом сакральном, самом страшном и неминуемом, но и самом нерушимом его звене.

«Таким образом, — писал инок Андроник (А.Ф.Лосев), — Бог и человек владеют одним и тем же именем, но имя это в одном случае неразруσιμο и абсолютно, а в другом — колеблется, пробуждается и сияет мерцающим светом (Кентавр, Китоврас есть символизация этой двойной сущности имени! — В.К.) „...“ природа имени заключается не в сущности и не в явлении, т.е. имя сущности не есть ни сама сущность в

себе (в смысле вещи и субстанции), ни явление, взятое самостоятельно само по себе, но имя вещи есть самостоятельный, не сводимый ни на сущность -в-себе, ни на явлении-в-себе символ».

Таким образом, отталкиваясь от исторического позитивизма «Священной загадки», мы вновь приходим к истинной священной тайне — рождению-бытию (GENESIS). Истинно царского рода через Крестную смерть и Воскресение Царя царей.

О том, что Последний Царь (в русской версии) или Великий Монарх (в западной) произойдет именно от этого рода, есть еще одно

свидетельство — русская «Повесть об антихристе» XV в.:

«И не многи лет те человеци будут жити на земли и приидет время Царя Михаила во граде Риме и во Иерусалиме, Цареграде царствовати будет и во всей вселенней, той же Царь святой, безгрешный и праведен. А восстанет Царь отрок отроков Маковицких, идеже близ рая живяху, Адамови внуци (действие романов о святой Граали действительно происходит на грани физического и „не физического“ пространства — В.К.). Безгрешнии же суть сии человецы, а [не] носят одеяние, но яко родишися, тако и ходят, не укрывашеся наготу свою

„...“ В то же время и тот Царь Михаил родитца в мести том от колена Царя Иосия Маковицкого (выделено нами; маковица — глава, купол церковного здания, также плод, семенная коробочка мака, а также некоторых других растений — В.К.). Егда повелением Божиим послан будет Царь Михаил во Иерусалим царствовать, и Римом обладати, и тогда поидет тот Царь прежде на Асирское царство и дванадесят лет и вси царства приимет и не постоит ни един Царь».

Сегодня мы не знаем ни времени, ни обстоятельств появления этого Царя, но постепенно

нам начинают открываться его признаки...

Одним из таких признаков недавно действительно открылся. Дело в том, что старинные фрески Архангельского и Благовещенского соборов, созданные при Иване III и Василии III, были в дальнейшем (одни полагают, что во времена опричнины, другие — при первых Романовых) были либо просто сбиты, либо заштукатурены. Недавно в результате реставрационных работ часть их была раскрыта. «И тут удивлению историков не было предела. На первых фресках изображена родословная Христа, в которую были включены... русские

великие князья Димитрий Донской, Василий Димитриевич, Иван III, Василий III, а также античные философы и поэты: Платон, Плутарх, Аристотель, Вергилий, Зенон, Фукидид и другие. „...“ Ошарашенные историки предпочли просто помолчать, проигнорировать это открытие». Не все, конечно. В частности, Р.В.Багдасаров, подробно исследовавший Древо Иесеево, обнаружил на нем и Давыда, и Соломона, и первых Рюриковичей, а из внешних мудрецов — Зороастра, Пифагора и Гермеса Трисмегиста. Тем самым оказывается подтвержденным как существование единого Царского (Богоцарского)

рода, так и слова св. Апостола Павла о Неведомом Боге, которого проповедовали эллинские философы, «они же его и род». Это именно свидетельство присутствия.

«Священная загадка» же предлагает нам «свидетельство отсутствия», причем «фигура отсутствия» имеет очень странный образ — «Меровинг — иудей». В этом качестве выступают самые разные личности из истории Южной Франции — некие Гийом де Желон, Гуго де Плантар, некий «царский род из Нарбонна»... Хотя твердых доказательств, что это Меровинги, нет, равно как и того, что это иудеи. Все зыбко... Каким же образом

встраивают авторы эту *figure d'absence* в наш исторический контекст? Разумеется, через использование традиционной французской историософской парадигмы, о которой писал Ф.Бертен, — парадигмы «перманентного заговора» в пользу «сокрытого короля» (*Roi Cache*). Одна из глав книги так и называется — «Заговор через века».

Книга открывается нашумевшей, вызвавшей множество толков во Франции и Европе историей открытия некоторых исторических реликвий на Юге Франции, в Ренн-ле-Шато, в том числе гробницы в пергаментном свитков, одна из

надписей которого гласила: A Dagobert II Roi et a Sion est ce tresor et il est la mort (досл. пер.: Дагоберту II королю и Сиону принадлежит это сокровище и оно есть смерть). Замечательны и другие надписи — из интересующих нас, например, — Rex mundi (Царь мира). Все это было обнаружено в конце XIX-начале XX века тамошним священником Беранже Соньером, впоследствии умершим при загадочных обстоятельствах и отлученным перед смертью от причастия. Поскольку находки в Ренн-ле-Шато породили многочисленные слухи о несметных сокровищах (катаров, Меровингов, вестготов, Иеросалимского храма —

В зависимости от «ориентации» пишущих), история эта нашла отражение в многочисленных книгах, фильмах и газетных публикациях, для нас не представляющих никакого интереса. Однако авторы «Священной загадки» обнаружили прямые связи «дела Ренн-ле-Шато» с Сионским приоратом и «Секретными документами Общины», о которых мы уже говорили. В результате обнаружилось, что сама эта местность (Разес), деревня и церковь святой Марии Магдалины (sic! — Здесь сохраняем католическое, а также российское послереформенное, написание)

принадлежала, согласно «Документам Общины», графам де Редде, как утверждалось, прямым потомкам Дагоберта II, то есть единственным законным претендентам на французский (и отнюдь не только французский!) престол. Иначе говоря, перед нами возникает картина сокрытого действования «сокрытого короля», и не одного, а целой династии «сокрытых королей» (все они, в конечном счете, и образуют в истории ядро «Сионского приората»).

«Итак, в 671 г. Дагоберт женился на Гизеле (де Редде, дочери Беры II, графа Редде и внучке Тулки, короля

вестготов — В.К.), возвратившись на континент. Судя по рассказам современников, свадьба состоялась в Ред-Ренн-ле-Шато — в резиденции юной принцессы Разесской, и в церкви св. Магдалины, на месте которой много веков спустя должна была подняться церковь Беранже Соньера. У Дагоберта уже было три дочери от первого брака, но не было наследника, и вот вторая жена родила ему еще двух дочерей, а затем, в 676 году, сына Сигиберта IV — в это время Дагоберт уже снова был королем».

После убийства Дагоберта II, согласно «Священной загадке» и «Документам общины», Сигиберт IV

был спасен своей сестрой (в других случаях называют святую Ирмину) и был тайно переправлен на Юг, во владения его матери, вестготской принцессы Гизелы де Реде. Он стал герцогом Разеса и графом де Реде, приняв имя Плантар (Plant-ard) — пламенеющий отросток. Именно от него, согласно нашим авторам, тянется до наших дней линия «утерянных королей». Другие же Меровинги были насильственно острижены (то есть лишены родового магического символа — длинных волос) и отправлены в монастырь, где вскоре и скончались.

Важнейшая деталь: о доме Рюэргов и вообще Лиможской и

Тулузской ветвях Меровингского дома, из которых, как мы показали ранее, произошел Рюрик Новгородский и Старорусский, наши авторы хранят глубочайшее молчание. Но именно эта ветвь меровингской династии (как мы увидим чуть выше) пережила узурпацию, вскоре покинув Франкское королевство для «старой Франкии» — Русского севера... Характерно, что о кропотливейших трудах по меровингской генеалогии в четырех томах графа Бони де Лаверня, написанных в 60-е годы нашего века и просто не упоминающих ни о какой «династии из Разеса», авторы «Священной

загадки» не упоминают вовсе (хотя граф работал за два десятилетия до них), что противоречит элементарным основам исследовательской этики, и подменяют их подобранными из бульварных журналов типа «Le Charivari» «Документами Общины»! Стремление их одно: доказать, что от Сигиберта IV, и только от него тянется прямая меровингская нить к Годфруа Бульонскому, герцогу Лотарингскому и руководителю первого крестового похода, к Анжуйской и Лотарингской династии (а следовательно, и к Габсбургам, породнившимся с последней с XVIII в.) и к целому ряду

известных в Европе фамилий. Картина, которую рисуют наши авторы, описывающие роль этих фамилий в борьбе за власть в Европе, захватывающая и увлекательна. Это действительно «заговор через века». Останавливаться на этом мы не будем — читатель сам в состоянии оценить как литературное мастерство, так и эрудицию наших авторов. Хотя есть свидетельства, и более красноречивые, чем писания наших англосаксов. Так, в документе, именуемом «Архивы Сионского Приората», за подписью Мириам Давид (Miriam David) — скорее всего, псевдоним — сказано:

«Невозможно отрицать, что есть

некий пастушок (petit berger), правящий нами через поднятие мизинца, и именно он есть истинный король Франции „...“ В тревожные исторические времена вздымается его красное знамя, ибо красный цвет есть истинно королевский цвет». Что же, это так и есть — и знамя Хлодвига, и знамя Рюрика, и знамя Великого Князя Дмитрия Донского было красным, и весьма соблазнительно толковать и французскую, и российскую революции как восстания против узурпации. Но, и еще раз но... Кого считает «Сионский приорат» легитимными наследниками истинного Царского Рода, кого имеет

в виду та же Мириам Давид (alias D.M.), когда утверждает, что «без Меровингов Сионский Приорат не мог бы существовать, а без Сионского Приората Меровингская династия угаснет»? Между прочим, если М.Д. всерьез утверждает об угасании династии (династия с такой кровью угаснуть не может в принципе, что и пытался показать Уоллес-Хэдрилл), то это может означать лишь два варианта: первое — она всерьез не верит в высокое происхождение Меровингов, и второе — она знает, что те, о ком она говорит, не Меровинги, а кто-то иные... Впрочем, продолжим и обратимся к переводу английской

книги непосредственно с английского, поскольку он, как нам представляется, более подробен, чем «пересказ» с французского:

«Мы не в состоянии указать пальцем на какого-либо человека и сказать: „Вот — прямой потомок Иисуса!“ Генеалогические древа ветвятся, подразделяются и в ходе столетий разрастаются в настоящие заросли и леса. На сегодняшний день в Британии (sic — В.К.) и континентальной Европе имеются не менее дюжины семейств, которые принадлежат к роду Меровингов. В их числе — дома Габсбургов-Лотарингов (ныне номинальные герцоги Лотаринги и короли

Иерусалима), Плантаров, Люксембургов, Монпезатов (точнее, Монпеза, к числу которых принадлежит нынешний принц-консорт Дании Генрих — В.К.) и ряд других. Согласно „приорским документам“, в Британии с этим родом связаны семья Синклеров и разнообразные ветви дома Стюартов (недавно в российской печати муссировалась информация о принадлежности к Стюартам дома Спенсеров, к которому принадлежала покойная принцесса Диана, однако Спенсеры — не аристократический, а банкирский род и восходит к XVI в. — В.К.). А семья Девонширов, судя по всему,

посвящена даже в тайну рода. Большая часть этих домов может, по-видимому, претендовать на происхождение от Иисуса; и если когда-нибудь в будущем некий человек открыто назовет себя новым царем-жрецом, то сейчас невозможно сказать, кто это именно будет».

Однако замечательнейшая деталь: подлинные документы обо всех этих родах, как утверждают наши авторы, «находятся в сейфе Ллойдовского банка в Лондоне». Мы, однако, склонны доверять не ссылкам на лондонский банк, но дожившему до наших дней французскому аристократу,

совершенно открыто издавшему свой труд малым тиражом, в провинциальном издательстве города Саланьяка...

Впрочем, и англосаксонская версия могла бы подлежать обсуждению (даже с учетом той наглой вульгарности, с какой здесь говорится о «происхождении от Иисуса» — увы, историку, как и криминалисту, приходится сталкиваться с самыми грязными намерениями), если бы... французские исследователи вопросов генеалогии, в частности Ришар Бордес (Richard Bordes) не указали на следующие обстоятельства:

«Нигде на самом деле не

сказано о возвращении Дагоберта II в Разес в 671 г., ни о его браке с Гизелой де Реде. Ясно, что это выдумка „...“ возникла из соединения двух реальных фактов меровингской истории. Во-первых, Сигиберт I, сын Хлотаря I, был женат на вестготской (wisigothe) принцессы Брунхильде (Brunehaut), дочери вестготского короля Атанахильда (Athanagild). Брунхильда и ее сын были отстранены от власти Хильдериком I, но некий близкий им человек доставил их в Метц, где жители Австразии провозгласили сына Брунхильды королем в канун Рождества 575 года под именем Хильдеберта II. Во-вторых, Хариберт

(Charibert), король Аквитании, сын Хлотаря II, женился на Гизеле, дочери Арно (Arnaud), герцога Гасконского. Их сыновья Боггис (Boggis) и Бертран (Bertraund), которым покровительствовал их дед, избежали грубого обращения дяди и обрели наследство своего отца. Эти две истории, смешавшись между собой, сложились в легенду Ренн-ле-Шато, суть которой такова: Дагоберт II, сын Сигиберта III, женился на Гизеле де Ред, дочери вестготской принцессы по имени Гислис (Gislis). Дагоберт II был убит, а его сын Сигиберт IV, был спасен своей сестрой Ирминой и отвезен в Ред другом-рыцарем, где он принял наследство своего деда Беры

(именно эта версия излагается в „Священной Загадке“ — В.К.). Но в любом случае Дагоберт II не мог быть женат на Гизеле де Редес, псевдо-дочери Беры II (выделено нами — В.К.). Этот последний был на самом деле сыном Аргилы (Argila) и внуком Беры I; он вступил во владение графством Разес в 845 году, то есть 166 лет спустя после гибели Дагоберта II, которого выдают за его зятя».

Кроме того, исследования последних лет показали, что Ирмина д'Эррен (Irmina d'Oerren) была женой, а не дочерью Хугоберта (Hugobert), а имя Дагоберта в ее жизнеописание попало по ошибке

писателя хроники.

Если все это так, то лица, о которых говорят «Документы Общины» и которые в течение веков боролись за власть в Европе, а сегодня могли бы, как утверждают авторы «Священной загадки», составить «подобие транс— или паневропейской конфедерации, нечто вроде современной империи „...“ царствуя над королевствами и княжествами, объединенными между собой союзами, образующими подобие конфедерации», не являются Меровингами. Как не являлись Меровингами и британские Плантагенеты (начиная с Ричарда Львиное Сердце), также ведущие свое

происхождение от «династии из Разеса», да и многие другие европейские династии, прошедшие через крестовые походы и переплетьшиеся в их перипетиях.

Но в таком случае, кто все они?

Прежде всего, разумеется, не выдерживает никакой критики провозглашаемая вышеупомянутой Д.М. и авторами «Священной загадки» идея о неразрывной связи и, по сути, единстве между Меровингским родом и Сионской общиной. Это подтверждается хотя бы тем, что никто из «сионистов» (разумеется, не в том смысле, в каком это слово употребляется с конца XIX в.) не упоминается в

серьезных трудах по меровингской генеалогии, в частности, у того же графа Бони де Лаверня.

Как известно, Орден Приората Сиона, если судить по официальным его документам, был создан Готфридом (Годфруа) Бульонским в 1069 году, то есть ровно три столетия спустя после гибели Короля-мученика Дагоберта II. Все это время Европа переживала так называемый «каролингский ренессанс», одной из сторон которого было утверждение организации и догматики Римско-Католической Церкви. Но была и другая стороны, о которой рассказал, в частности, аббат Монфокон де Виллар:

«Эпоха Карла Великого, как вам известно, — писал он, — поражала людей отнюдь не робкого десятка; этим и объясняется, что женщина, побывавшая у сильфов, вошла в доверие к тогдашним знатым дамам, в результате чего множество сильфов, милостью Господней, обрело бессмертие „...“ Тогда же зародились истории о феях, которыми полны легенды эпохи Карла Великого и последующих веков (выделено нами; это как раз те три века, которые прошли между падением Меровингов и созданием Приората — В.К.) „...“ они могли бы дать вам некоторое представление о переустройстве мира, задуманное

Мудрецами. Все эти героические рассказы о воинах и влюбленных Нимфах, все эти описания странствий в поисках потерянного рая, все эти картины зачарованных дворцов и заколдованных рощ служат лишь жалкими отражениями той жизни, которую ведут Мудрецы и того, во что превратится весь мир, когда в нем будет править Мудрость. Его будут населять одни только герои; наименьший из наших детей сравняется в силе с Зороастром, Апооллонием и Мелхиседеком, большинство из них будет столь же совершенны, сколь были бы сыны Адама и Евы, если бы наши прародители избежали

грехопадения»).

Грехопадением при этом ораторствующий герой — граф де Габалис — называет телесные отношения между Адамом и Еввой — в строгом соответствии с Римокатолическим учением (чего Восточная Церковь догматически никогда не утверждала!) Но не слышен ли за этими словами голос древнего змия, «человекоубийцы от начала»: «Не смертию умрете „...“ Отверзутся ваши очи и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое» (Быт., 3, 4-6)? Итак, обретение бессмертия...

Потомком Меровингов по линии Сигиберта IV (которого, как мы

видели только что, не существовало как такового) провозгласил себя завоеватель Иеросалима Готфрид (Годфруа) Бульонский. Обоснование не только духовной, но и династической власти над Святой Землей было, естественно, необходимо этому средневековому герцогу. Таким обоснованием могло быть только происхождение от единственно законной династии Царей Израиля — Дома Давыдова, а, точнее, от Самого Спасителя нашего Иисуса Христа, который был, вопреки всяческой земной воле, законно коронован на Кресте — воины водрузили на Его главу терновый венец, и Понтий Пилат, сам написав

на Кресте его титулование как Царя Израилева, отказался его заменить, тем самым фактически исповедав Христа как Царя. Следовательно, кто-то из членов первохристианской общины из единых с Ним по крови Царепророка Давыда, слившийся с королевским родом франков, действительно имел все легитимные права не только на Римский императорский, но и на Израилев Царский престол. По Европе ходили слухи о противостоящей официальной папско-каролингской Европе с ее галло-германо-римской земельной, феодальной «аристократией» аристократии подлинной, аристократии крови,

ведущей свое происхождение непосредственно от преданного Церковью Христа (и Меровингов). Но все дело как раз в том, что те, кто называл себя Меровингами, ими не было, а настоящие Меровинги ушли на восток и создавали совершенно новое (хотя первое время, во всяком случае, до ордынских времен, в принципе очень похожую на Новую Франкию — Старую Русь) государство. Но если подлинных Меровингов в Европе не было (или не ушедшая на восток их часть действительно скрылась), их надо было придумать! Именно тогда закладываются основы идеологии неразрывности Приората и

Меровингов, сегодня широко тиражируемой как адептами «Священной загадки», так и (естественно, против Меровингов) вполне благонамеренными, но легковверными авторами, среди которых, в частности, Л.Болотин и Ю.Воробьевский. Но эти последние просто путают совершенно разные вещи. «Неомеровингское» течение, как называет его Жан Робен, изначально порождено чисто каролингской, а еще более англо-розенкрейцерской средой и не имеет ничего общего с историософией и эсхатологией Первой Расы, Царской и Православной! Тем более абсурдным выглядит совершенно

голословное утверждение
Ю.Воробьевского о том, что
антихрист произойдет из
Меровингов — вопреки
общецерковному преданию о
происхождении его из колена
Данова, к которому — в любом,
самом гипотетическом случае! —
Меровинги не имеют никакого
отношения.

Дабы попытаться хотя бы
приблизительно прикоснуться к этой
проблеме, имеющей неизмеримо
большие глубины, чем это можно
себе представить, нам придется
вернуться к некоторым основным
положениям сакральной
генеалогии и генетики, о которых

мы уже говорили. Наиболее серьезным исследованием в этой области в данное время, насколько нам известно, является книга Александра де Даннана (видимо, псевдоним) «Память крови» («Memoire du sang»), вышедшая в Милане на французском языке.

«Как всегда, — пишет А. де Даннан, — символ имеет двойную природу, и в этом смысле мы можем говорить о крови в ее двойном аспекте — света и тьмы. Так мы можем обнаружить истинно традиционный смысл „голубой крови“, принадлежащей христианской знати, являющейся особым инструментом

божественного промысла; ее кровь искуплена самой Кровью Христа». Более того, среди этих наследственных линий особо выделяется линия Свято(го)(й) Граал(я)(и). Цитируя работу Жана Фрапье (Jean Frappier), А.де Даннан пишет:

«Говоря об идее родовой линии и благородства крови в романах о Граале, он уточняет, что „она проявляет себя с двух сторон. Прежде всего, через мотив непреодолимого призвания, которое Кретьен (Кретьен де Труа — В.К.) с самого начала романа обращает во славу рыцарства. С другой стороны, сами приключения с Граалем неразрывно

связаны с одной семьей... Впечатление таково, что тайна Грааля в конце концов есть тайна одной семьи. Кретьен не говорит ничего более, он не обнажает генеалогического древа и не соединяет своих героев с давними временами, но при этом всячески подчеркивает, что обладание Граалем есть особое преимущество правления определенного рода (расе) или династии“. Всякое иное родовое избранничество, всякий аристократизм (и связанные с ним традиционные науки — герметизм, алхимию и т.д.) де Даннан возводит не к первохристианским, а к допотопным временам. Такое

„благородство“, по де Даннаноу, есть привилегия „особой крови“ тех, „чьи предки были выходцами из расы гигантов“.

Речь идет, разумеется, о шестой главе Бытия:

«И бысть егда начаша человецы мнози бývати на земли, и дщери родишася им: видевше же сынове Божии дщери чelовечи, яко добры суть. И пояша себе жены от всех, яже избраша. И рече Господь Бог: не имать Дух мой пребывати в чelовецех сих во век, зане суть плоть: будут же дние их лет сто двадесять. Исполни же бяху на земли во дни оны: и потом, егда вхождаху сынове Божии к дщерям

человеческим, и раждаху себе: тии
бяху исполини, иже, от века,
чловецы именитии (Быт., 6, 1-5).

По мнению Александра де
Даннана многие из этих родов
пережили потоп и, «содержа в себе
особую кровь, унаследованную от
древнего завета (pacte) с падшими
ангелами, создали ими заложили
основы тайных обществ, школ, сект, в
которых через посредство особо
подготовленных индивидуумов,
относящихся к своеобразному роду
„неистовых“ (possedes, тж.
„одержимых“, „бесноватых“)
обладающих необходимыми силами
психического порядка для того,
чтобы в течение определенных

периодов, более или менее длительных, но всегда ограниченных, создавать феномены, являющиеся „катализаторами“ роста и развития этих групп». Отсюда, по де Даннани, происходят все эзотерические общества.

Наша точка зрения не является во всем тождественной точке зрения автора: будучи, по-видимому, строгим римо-католиком, он делит мир на белое и черное, что таковым и является на поверхности (и должно таковым являться в социуме), но при погружении в глубины картина приобретает черты цветоперехода, блистательно описанного Артюром Римбо в его «Voyelles». Но пока что

ничего лучшего в области «сакральной генеалогии» не написано.

Отметим, что Александр де Даннан черпает свою аргументацию не столько непосредственно из Священного Писания, сколько из знаменитой Книги Еноха, которую скорее можно определить все-таки как *midrasch* к VI главе Бытия. В православной экзегетике вопрос о природе «Сынов Божиих» (*Bna Elohim*) Шестой главы не является окончательно проясненным. Святитель Московский Филарет дал следующее обобщение точек зрения по этому вопросу:

«а) По переводу Силмаха,

приводимому Иеронимом, сыновья вельмож. Сей перевод не противоречит свойству еврейского выражения См. Пс. LXXXI, 6), но не слагается с настоящим сказанием Моисея.

Б) По тексту Александрийской Библии: Ангелы Божии. Сего мнения держится Лактанций I, II с.14 и многие из древних. Иустин in Apol. Утверждает, что от супружеств Ангелов со дщерями человеческими произошли демоны. Афинагор в сих самых супружествах полагает падение Ангелов, и о т них же производит исполинов. Тертуллиан De virg. Et de singular. Cleric.приписывает сим Ангелам

изобретение Астрологии, дорогих камней, металлов и некоторых женских украшений. (Достоин примечания, что и. Платон производит Героев от смешения богов с людьми, так как и самое имя их от слова EROS — любовь. Cratyl «...»). Но все сии предания противоречат свидетельству Иисуса Христа, что Ангелы не женятся. Матф. XXII, 30. (Митрополит Филарет, разумеется, писал Имя Божие по-новому — В.К.)

В) По мнению Филона человеческие души, которые, носясь в воздухе, желали обитать в телах человеческих. De gigant.

Г) По мнению новейших

толкователей потомки племени Сифова, которые не только были сыны Божии по благодати (см. Второз. XIV, 1, 1, Иоан.Ш, 1), но, вероятно, под сим именем и составляли общество (см. Б IV, 26) противоположное обществу сынов человеческих, то есть потомков Каина. Началом смешения столь противоположных обществ Моисей полагает прельщение красотою дочерей человеческих; а последствием то, что и те, и которые принадлежали к обществу ходящих по духу, соделывались плотию, и самый свет начал прелagаться в тьму».

Это последнее действительно

предполагает изменение в структуре ДНК и проявление в нем упоминавшегося выше змеино-го наследства в его отрицательном аспекте, и именно это, а не некий «пакт» с падшими Ангелами, как считает Александр де Даннан и другие западные авторы, является причиной образования упоминаемых эзотерических (и эзотерико-эротических) сообществ, которые можно в известном смысле сравнить со «змеиными свадьбами», где подобное познает подобное.

Современный русский исследователь В.Н.Топоров (никоим образом не касающийся темы эзотерических сообществ) делает

попытку объяснить онтологическую природу «змеиной свадьбы» в самом широком смысле слова. Разъясняя сербо-хорватский заговор Земля землю люби, земля землю јела, он обращает его к древнейшему мотиву гностиков-офитов (OFIS — «змея»: SOFIA) о самопознании и самопоедании как соитии (в контексте Евангелия от Фомы, 65). С одной стороны, «речь идет о двусторонней анаграмме: когда в тексте заговора явлена слово „змея“, за ним возникает слово „земля“ и наоборот». «Не менее показателен и глагол любить, особенно если помнить, что наиболее распространенное значение

продолжателей праслав. l'ubiti
является вторичным
переосмыслением более конкретных
значений». Эта любовь иная, нежели
дозволенная Номоканоном «для
простолюдинов» супружеская, есть,
по мысли гностиков, достояние
особого рода, этот же род
порождающая, что находит
отражение «в диахроничности связи
человека и Змеи через общих для них
родителей»; отсюда старинный
заговор: «Да будет поклон черный,
поклон поперечнополосатый,
рожденный от себя (svajaḥ, от svaḥ,
букв. „само/свое/рожденный“),
коричневый поклон, поклон
божественному роду (выделено нами

— В.К.).

Отсюда, кстати, и принцип эндогамности и равнородности европейских королевских семейств (отсутствовавший при Меровингах, что позволяет со всей ответственностью отделить их от сферы действия падшей генетики, вопреки утверждениям Ю.Воробьевского), признанный в Российской Империи только при наследниках Петра Великого. В связи же с враждой между семенем змия и между семенем жены святитель Филарет указывает:

«Имя семени, перенесенное от растений к высшим родам существ, в св.Писании означает: а) потомство

вообще (Б.1X, 9.11) б) одно лицо в потомстве (IV,25) в) чад обетования (Рим.1х, 7,8) г) обетованного Избавителя (Гал.Ш, 16) д) иногда также рождение нравственное, то есть преемственно сохраняемое расположение духа и образа жизни (Ис.1,4).».

Подтверждением нашего предположения является включение в генеалогию Сигиберта IV, а, следовательно, и всего «меровингского» рода, более того, едва ли не в сердцевину его, семейства Лузиньянов, происходившего от баснословной Мелюзины. Характерно, что существо это не франкского, а

кельтского происхождения, и сведения о нем как раз относятся к эпохе поздних Каролингов, той самой, о которой пишет аббат Монфокон де Виллар. Сопоставляя ее со скифской (т.е. опять-таки не русской, а, скорее, славянской — В.К.) сестрой Ехидной-Орой, Р.Багдасаров пишет: «Так же, как Геракл является аналогом кельтского Кухулина, так и Ехидна-Ора вполне сопоставима с Мелюзиной, первые сведения о которой поступили через фамилию Lusignan (известной с X в.)». Дабы не входить в подробности собственно легенды, приведем два ее кратких энциклопедических изложения:

МЕЛЮЗИНА, Мелизанда, в европейской средневековой мифологии и литературе фея (образ М. Восходит, вероятно, к кельтскому мифологическому персонажу). Согласно легенде, М., заточила в горе своего отца, короля Албании Элинаса, и за этот грех должна была каждую субботу превращаться в змею. М. Стала женой знатного юноши Раймондина, запретив видаться с ней по субботам, и помогла ему приобрести королевство (выделено нами — В.К.). Раймондин, однако, нарушил запрет, после чего М. Исчезла в облике крылатой змеи, но продолжала незримо покровительствовать своему роду. По

поверью, призрак М. должен скитаться по земле до дня Страшного Суда (выделено нами — В.К.). Роман о М., созданный в конце 14 в. По народным легендам Жаном из Арраса, был популярен в средневековой Европе (М.Ю.).

[МЕЛЮЗИНА.

Фея,

встречающаяся в легендах, иногда в виде сирены. Жан д'Аррас особо рассматривает этот сюжет в «Благородной истории Геньяна» (1393). Когда великое бедствие готово уже произойти, она издает голосом пронзительный крик, мгновенно повторяемый. «Именно Мелюзина была причиной того, что таинственные строения воздвигали в

одну ночь толпами рабочих, которые исчезают без следа, как только работа закончена. Когда она выходит замуж, все ее дети рождаются с теми или иными изъянами, а все ее волшебные строения имеют некоторый дефект, как те дьявольские мосты, в которых отсутствует один камень (выделено нами — В.К.). По-видимому, М. Представляет архетип интуитивного гения, поскольку интуиция является пророческой, созидательной и чудесной, но в то же время немощной и злобной (Х.Э.Кэрлот).]

По— видимому, Мелюзина как архетип «падшей Софии» вообще является неким гением поэзии,

музыки, танца, художества вообще. В известном смысле, это муза. Потому то Сионский Приорат и был столь богат художниками и поэтами - Леонардо да Винчи, Боттичелли, Клод Дебюсси, Жан Кокто... И... женщинами.

А вот что мы встречаем в сочинении все того же аббата Монфокона де Виллара:

«Не посягайте, сын мой, и на честь дома Лузиньянов, не приписывайте демонической генеалогии графам Пуатье. Что вы можете сказать об их знаменитой матери?

— Уж не собираетесь ли вы сами, сударь, попотчевать меня

сказаками о Мелюзине?

— Если вы не верите в историю о Мелюзине, мне придется сдаться без боя, но в таком случае следовало бы предать огню сочинения великого Парацельса, который в пяти или шести местах утверждает, что эта Мелюзина была, конечно, нимфой. Следовало бы также обвинить во лжи наших историков, убежденных, что после ее смерти, вернее, после того, как она оставила мужа, Мелюзина являлась своим потомкам всякий раз, когда им грозила беда, а когда кто-либо из французских королей находился при смерти, она, в траурном одеянии, показывалась на большой башне Лузиньянского замка,

возведенного по ее повелению (выделено нами — В.К.)».

Исследователь французского средневековья Адльфред Мори писал:

«Божественные матери были почитаемы как особые защитницы некоторых семейств „...“ Мы можем говорить о многочисленных феях, становившихся истинными домашними божествами „...“ Мелюзина для таких родов, как Лузиньяны, Люксембурги (также упоминающихся в „Документах Общины“ — В.К) и Соссенажи, (Saussenage) признававших ее своим предком, также была гением-берегиней (genie tutelaire) определенного пространства „...“

Фея, вместе с которой рыцарь фон Штауфенберг (de Stauffenberg) сочинил мистический гимн и на происхождение от которой претендовал Готфрид Бульонский, принадлежала к их же числу».

Следует, по-видимому, различать Мелюзину мистико-символическую и Мелюзину историческую, отмечая, впрочем, их сущностное, а нередко и феноменатльное совпадение (как и в случаях, например, с королем Артуром, Меровеєм, Вещим Олегом и т.д.). В любом смысле она сущностным образом причастна всему корпусу легенд о Св. Граали. Ее змеиная (orhidienne) сущность соответствует, как утверждает

Ж.Робен (если переводить его «порозановски»), «темному лику» (*face tenebreuse*) Граали, ея изнанке. Сама она — племянница Артура, а ее мать Пресина (*Presine*) — сестра дамы Авалона, феи Морганы. Но Моргана еще и королева Аваллона, и эта двойственность отражает двойственно-сумеречную природу Плантагенетов, по чьему заказу писал Готье Мап. Все эти женские души так или иначе оказываются пленницами мага Клингзора и содержатся в замке, который именуется *chateau de la Merveille*, что само по себе указывает на узурпацию меровингского наследия (хотя возможны и иные толкования).

Интересно, что реальным прообразом Клингзора является герцог Капуанский, не имеющий отношения к меровингскому роду, но считавший себя «сыном потомка Виргилия. Линия Мелюзины-Клингзора есть внутри всей истории Св. Граали то самое „семя тли“, которое онтологически присуще греху и связано со змеиным наследием в „митохондрии“ (по Книге Бытия змей обрекается на то, чтобы питаться прахом). Искупление этого наследия осуществлено Восхождением Христа на Крест, но в истории существует как начало противления, как та самая „парадигма заговора“, о которой

писал Франсис Бертен.

Вместе с тем в последние годы фигура Мелюзины, в значительной степени благодаря французским исследователям, обретает исторические очертания. Жан Робен, ссылающийся на исследования Патрика Ферте, указывает на то, что История Мелюзины (*Histoire de Melusine*) была выпущена в свет Жаном д'Аррасом по велению герцога Жана де Берри (*Jean de Berry*) в подарок сестре Марии, герцогине де Бар (*Marie de Bar*, 1344-1404), выданной замуж в 1357 г. за Робера I, графа де Бара, в чьем владении в это время находился город Стене (бывшая столица

Дагоберта II, возле которой он и принял мученическую смерть). Из этой семьи потом выйдут многие деятели Приората, в частности, кардинал де Бар. Мария де Бар была бабкой Короля Рене Анжуйского (Rene d'Anjou), чья дочь Иоланда де Бар была, как и ее отец, Великим Магистром Сионского Приората. Появляется в связи с Мелюзиной и очень странное имя ее сестры — Палестины (Palestine), что, впрочем, хотя и странно звучит, вполне совпадает с «ближневосточными» стремлениями Приората.

Далее, в связи с Мелюзиной Жан Робен приводит письмо Рене Генона к Кумарасвами от 14 июля

1945 г., в котором Генон указывал, что соединение мужчины с *pagini* — женщиной-змеей — характерно не только для Индии, но и для Европы — примеры потомства от таких союзов — польские Ягеллоны и французские Лузиньяны.

Заметим, что Роман Багдасаров находит образ женщины-змеи как прародительницы не только в Европе, но и в славянском мире и даже в России, что чрезвычайно расширяет генеалогическую и конспирологическую сферу влияния «адептов Мелюзины». «Характерный пример совмещения аллегии и завуалированного герба — двуххвостая Мелюзина — сирена ц.

Богородицы в Студенице (1183-96). Ктиторм монастыря являлся сербский краль Стефан Неманя (предок Елены Глинской — матери Иоанна Грозного — В.К.), постригшийся здесь же с именем Симеон. В животной символике, структурированной по принципу виноградной лозы, богословский смысл тесно сопряжен с генеалогическими аллюзиями». Мелюзина (Ора) появляется и в родовых гербах Рюриковичей (можайского и белозерского князя Ивана Андреевича и даже царей Василия Темного и Ивана III). На наш взгляд это связано с многочисленными браками русских

князей и царей, неизбежно
втягивавшими их в «змеиный круг».
Однако одна, очень любопытная
деталь, на наш взгляд,
свидетельствует о сохранении и у
поздних Рюриковичей целебной
«тавматургической» меровингской
крови: «семя змия» растворялось и
исчезало в царской крови, о чем
явным образом свидетельствует
иконография. «Интересно, — пишет
Р.В.Багдасаров, правда, никак этого
не объясняя, — что на собственно
московских деньгах вел. кн. Василия
Васильевича того же периода уже не
змеедева Ора, а Дева-полуптица
(Сирин). Они являлись
разновидностями одной эмблемы на

генеалогическом уровне, что предопределило их различие на уровне символическом. В русской эмблематике хтоническая половина туловища постепенно отпадает, а вперед выступает верхняя половина с крыльями. Крылья московской Оры значительно больше, чем у Можайской, рептильная же часть туловища исчезла. Это может означать только одно: до Ивана III включительно Рюриковичам-Даниловичам удалось сохранить особую, сверхъестественную кровь своих меровингских предков (Руси) в полном соответствии с выводами Уоллес-Хэдрилла о том, что никакая иная кровь не может повредить

истинно Царской Семье. Более того, именно это позволяло им хранить Третий Рим как оплот Православной веры. Там же, где римо-католицизму противостояла лжеименная мистика лжемеровингов, дело шло к крушению христианства как такового. Таковой была судьба Франции, провозглашенной при Хлодвиге Великом „Старшей Дочерью Церкви“.

Отмечая «дуализм женской символики» применительно к Мелюзине, Жан Робен указывает на ее совпадение с символикой «Девы Литаний» (la Vierge des Litanies): зеркало, источник, башня, змея... И еще напоминает об

«эмблематической» странице истории Лузиньянов. «Жоффруа, Великий Герцог с 1250 года, преследователь бенедиктинцев из аббатства Мейзе (Maillezais), поднял оружие против Святого Людовика под девизом: Бога не существует! (Dieu n'existe pas)»

В данном контексте мы можем констатировать следующее. Для «Ордена Приората Сиона» Мелюзина как тайный символ уже давно подменяет не только Пресвятую Владычицу Богородицу МарИю, через Ея Державную Икону царствующую над Русской землей с 1917 года, но и святую равноапостольную МАрию

Магдалиню, небесную
покровительницу монархии (и
Франции).

Увы, «Священная загадка» это
след не «des pieds lumineux des
Maries» (A.Rimbaud), но влажно-
крылатого хвоста «женщины-
змеи»...

И все же дерзнем высказать эту
мысль: онтологическая связь между
Мелюзиной и Марией Магдалиней
есть. Мелюзина имеет в себе те семь
бесов, которые были изгнаны из
Марии Магдалины, и потому эти
«две жены» выступают как некие
близнецы, различить которых почти
невозможно. Быть может, именно
потому трезвенно-целомудренная

Русская Церковь, прекрасно все зная о святой Марии Магдалыне, предпочитала лишний раз не упоминать о ней. Быть может, в этом разгадка истории таинственной новгородской церкви «святой царицы Щетициницы»... Слово — серебро, молчание — золото. А пока что борющиеся линии истории изображаются Тайнозрителем как две жены.

«И знамение велие явися на небеси: жена, облечена в солнце, и луна под ногама ея, и на главе ея венец от звезд двенадесяте: и во чреве имущи, вопиет болящи, и страждущи родити. И явися ино знамение на небеси, и се змий велик

чермен, имея глав седмь и рогов
десять, и на главах его седмь венеч.
И хобот его оторже третию часть
звезд небесных, и положи я в землю,
и змий стояще пред женою хотящею
родити, та егда родит, снестъ чадо ея.
И роди сына мужеска, яже имать
оупасти вся языки жезлом железным,
и восхищено бысть чадо ея к Богу, и
Престолу Его. А жена бежа в
пустыню, идеже име место
оуготовано от Бога» (Откр., 12, 1-6).

«И видех жену сидящу на звере
червлене, исполнением имен
хульных, иже имеяше глав седмь и
рогов десять. И жена бе облечена в
порфиру и червленицу, и позлащена
златом и камением драгим и

бисером, имущи чашу злату в руке своей полну мерзости и скверн любодеяния ея: и на челе ея написано имя, тайна: Вавилон великий, мати блудницам и мерзостем земским» (Откр., 17, 3-5).

Необходимость различения до конца истории «жены, облеченной в солнце» и «жены багряной» есть необходимость различения «тайны благочестия» и «тайны беззакония», которые воплощаются в двух линиях «мессианского наследия» (Messianic Legacy) «Удерживающего теперь», до Страшного Суда Христова, оканчивающего нынешний мировой эон.

Стремление заново создать

«прекрасный новый мир», «царство Мудрецов», «Аркадию» короля Рене Анжуйского имеет совершенно определенные эротико-генетические и генеалогические корни. Об этом хорошо, быть может, слишком хорошо знает замечательная ленинградская поэтесса Елена Шварц:

*Земля, земля, ты ешь людей,
Рождая им взамен
Кастальский ключ, гвоздики луч,
И камень, и сирень.
Земля, ты чавкаешь во тьме
Коснеешь и растешь,
И тихо вертишь на уме,
Что все переживешь.
Ну что же — радуйся! Пои*

*Всех черным молоком.
Ты разлилась в моей крови,
Скрипишь под языком.
О, древняя змея! Траву
Ты кормишь, куст в цвету,
А тем, кто ходит по тебе,
Втираешь тлен в пяту.*

Мы чрезвычайно далеки от моралистической оценки истории, культуры, тайных глубин человеческого бытия. Речь идет совершенно о другом. Запредельные тайны, привносимые на землю «адептами Мелюзины», не есть что-то изначально «отрицательное». Более того, «хотя любовь представляется извращенной, это все

же слабый отблеск Божественной Любви» (Преп. Максим Исповедник). Однако мы знаем, что до окончания седьмого, эллинистического, века, который есть пребывание во времени и может быть окончен только Вторым и Славным Пришествием Христовым, требование различения духов остается непреложным, поскольку в грехопадении человек сам выбрал различение добра и зла. О чем бы ни догадывалась, что бы ни предчувствовала, даже что бы ни знала душа, здесь и сейчас змееловство остается неотъемлемой основой как духовного, так и воинского делания.

Но все это только комментарии к «Священной загадке», но никак не разгадка.

А разгадка, как всякая разгадка, лежит на поверхности: вопреки утверждениям авторов «Священной загадки», Орден Приората Сиона, если, конечно, сущность его адекватна тому, что описано М.Байджендом, Р.Леем и Г.Линкольном, не является легитимным преемником династии Меровингов, которая, вопреки всему, сохраняет свою уникальную и абсолютную легитимность (и духовно-генеалогическую и церковно-каноническую). Как мы показали выше, священное наследие

этой династии в полной мере воспринято Третьим Римом, под которым мы понимаем Русское Православное Царство в его целом, существующее доньше, хотя и прикровенно.

Подтверждением этому являются факты, о которых авторы «Священной загадки», естественно, умалчивают. Жан Робен, однако, приводит такое свидетельство. Отвечая на вопрос о том, почему ведущие банки США (First National Bank of Chicago, Occidental Petroleum) поддерживают сегодняшнюю деятельность «Приората», на первый взгляд столь не соответствующую интересам «мирового капитала», его

Великий Магистр (которого наши авторы отождествляют с «потерянным королем») Пьер Плантар де Сен-Клер ответил очень просто: «В настоящее время отождествлять немедленные задачи Приората Сиона с восстановлением меровингской династии будет большой ошибкой».

Но если это так, то Приорат выполняет лишь «вспомогательную» работу для истинных хозяев последнего века истории, «инкрустируя» здание «нового мирового порядка», порядка антихриста. Причем сегодня на месте королей и дам, рыцарей и поэтов — «скромное обаяние буржуазии». И

происходит это так, как еще в 60-е годы описал советский журналист Валентин Зорин:

«Напоминающие торговые сделки брачные союзы между отдельными династиями некоронованных королей заключаются в деловых кругах, а связывают супругов банковские счета, закладные и купчие. Рынок женихов и невест столь же узок, сколь узок круг элиты большого бизнеса, банковских и промышленных воротил. Несколько десятков семей — вот, пожалуй, и все „...“ Иногда, правда, круг династических браков несколько расширяется, и представители

американской денежной аристократии вступают в брак с носителями громких аристократических фамилий Европы. Так, наследники американского миллионера Астора породнились ни больше, ни меньше, как с нынешней английской королевой Елизаветой. Одна из представительниц американских Асторов стала женой русского князя Сергея Оболенского, дочь миллионера Гумда превратилась в герцогиню де Талейран и т.д. и т.д...».

Жаль, конечно, что Валентин Сергеевич сегодня старается сам о том, что писал когда-то, забыть, и чтобы забыли другие... Правильно

ведь написано... Мне, человеку некоммунистических убеждений, достаточно трудно и горько писать об этом, но есть вещи выше личных симпатий и антипатий каждого из нас. Есть объективная история, над которой не властна даже этика. Она безжалостна и бесчеловечна, точнее вне— и надчеловечна. И если уж говорить все до конца, то не происходило ли то же самое и в России начала XX века, чему помешать оказалась способна лишь Сама Пречистая, властно взяв Царскую власть в Свои руки и остановив сползание Своего Удела на путь противоестественного смешения монархии и процентного

строю, через упразднение и того, и другого?

А теперь вернемся к геополитическому аспекту «Священной загадки». Ее авторы в числе Великих Магистров «Сионского приората» называют Иоганна Валентина Андреа (1613 г.). Этот крупный эзотерик (или те, кто за ним стояли) считается автором трех основных розенкрейцерских манифестов (что само по себе есть особая тема), среди обещаний которых — обещание будущей единой и обновленной Европы, «союз Темзы и Рейна». Нас, однако, здесь интересует другое. Как убедительно показал современный

английский исследователь Френсис Йейтс, этот автор (кто бы он ни был) и все розенкрейцеровское движение было основано на учении Джона Ди и от него исходило. Его считают алхимиком, однако легитимные представители этой науки в XX веке Фулканелли и Канселье не включают это имя в число своих предшественников и мастеров (хотя Канселье высоко отзывался о розенкрейцерах, подчеркивая, однако, что это ни в коем случае не организация). Выражение, бытующее о Джоне Ди, — «елизаветинский маг» — думается, более точно отражает суть деятельности этого человека, имевшего совершенно

определенный геополитический аспект — объединение Европы от Гренландии до славянских стран под властью короны Тюдоров. Прямых сведений, подтверждающих или опровергающих участие Джона Ди в деятельности Приората, не сохранилось, однако его Великий Магистр Исаак Ньютон во многом основывал свои малоизвестные историософские построения на идеях Ди. Иоганн Валентино Андрея, подчеркивая свою преемственность от «елизаветинского мага», изображал «монаду иероглифическую» Джона Ди на всех своих посланиях и сочинениях. Но для нас особый интерес

представляет следующее. В 1586 году Иоанн Грозный приглашал Джона Ди служить при своем дворе с огромным по тем временам окладом в 2000 фунтов. Джон Ди предложения не принял, однако сын его Артур по личному поручению короля Джеймса Тюдора служил придворным лекарем у царя Михаила Феодоровича Романова. Прелюбопытнейший факт. В свое время известный советский историк химии Н.А.Фигуровский опубликовал исследование (на английском языке) об этом «первом русском алхимике» исследования, в частности, Векова К.А. свидетельствуют об обратном — по его мнению, эта наука процветала на

Русской земле уже много веков, задолго до Ди, который, по его мнению, вообще не был алхимиком. В последнее время появились и другие работы на эту тему близких к «вековскому кругу авторов»). Интересно, что исследование Н.А.Фигуровского «The Alchemist and Phisician Arthur Dee (Artemii Ivanovich Dii), на которое ссылаются многочисленные английские авторы, нам в библиотеках обнаружить не удалось. Однако, совершенно очевидно, что английский (а в дальнейшем и англо-американский) след в деятельности „Сионского Приората“ просматривается...

Как это ни печально, но

геополитически крайне сомнительная идея «Приората» о «европейской конфедерации» (в отрыве от евразийского «большого пространства») была высказана в частности и чрезвычайно уважаемым нами генералом де Голлем, связи которого с «Приоратом» известны, как и его монархические убеждения, которых он практически не скрывал и которые у нас не могут не вызывать сочувствия. Но мы вправе и задать вопрос: о какой, собственно, монархии идет речь? По-видимому, само пребывание его и штаб-квартиры его движения в Лондоне во время войны делало его в какой-то степени невольным заложником

англо-американских интересов. И не там ли, не в недрах ли лондонских банков родилась столь восторженно встреченная прогнившим и климактерическим позднесоветским режимом его идея «Европы от Атлантики до Урала» (а не «от Дублина до Владивостока», по значительно более «авангардному» определению Жана Тириара), которая реально означала лишь одно: расчленение России и уничтожение «удерживающего». Между прочим, идея, полностью тождественная «плану Бжезинского», что скорее всего для генерала было неприемлемым. Кстати, Жан Робен упоминает о существовании в 20-е и

30-е годы некоего «общества Альфа-галатов», целью которого было образование некоей конфедерации Англии, Франции и Баварии, и возглавлял «Альфа-галатов» все тот же Пьер Плантар, иронически именуемый Робеном «homme de paille» — букв. — «соломенный человек» (подставная фигура). По утверждению Робена, общество это, хотя и ставило сугубо политические задачи, основано было на теософии и неоспиритуализме, а вовсе не на католической ортодоксии, провозглашаемой официальными документами «Приората».

Попытаемся все-таки ответить на вопрос: чем вызвано появление

книги «Священная загадка» и ее тиражирование на постсоветском пространстве? Будем при этом постоянно помнить, что авторами ее являются представители геополитически враждебного мира. Но кроме геополитики есть еще и эсхатология. Дело в том, что, согласно учению Святых Отцов, препятствием для прихода «человека беззакония» является только «удерживающий теперь», то есть Православный Царь (после 1917 г. царская власть на территории Третьего Рима находится в руках Божьей Матери, но, как свидетельствуют святые подвижники, до времени). Крах и

откровенная пародийность всех «неомонархических проектов» и соответствующих «претендентов» в любом случае не может не указывать на факт существования Истинного Царского Рода, который существует, однако, не как «заговор через века», что тоже было бы пародией, а как неотменимое онтологическое присутствие. Присутствие открытое, без всяких «заговоров», изображавшееся русскими живописцами и строителями (и, по-видимому, не только русскими, ибо подобное же уничтожение статуй имело место и в Кельнском соборе) как древо Иесеево, в которое, входили также и наследники

Иафета,. Более того, мы утверждаем, что все исторические факты геноцида, против кого бы он ни осуществлялся, есть попытка уничтожения «семени жены», повторение Иродова убийства различными группировками «вместовластителей». Ведь именно об этом поведал Любимый Ученик Спасителя в пересказе Откровения, полученного им на Патмосе. Встреча Третьего Рима и его Державного Венценосного Вождя, которого русские святые именуют Последним Царем, а на западе — Великим Монархом, неизбежна. «Священная загадка» предлагает нам своеобразный трюк — или

«лжемеровинга» в случае нашего легковерия, или присоединение к иродову цареборству в случае нашей подозрительности. И то, и другое вполне соответствует замыслам любителей играть с заведомо крапленой колодой и их главной конечной цели — «выиграть» историю любой ценой. Но выиграть ее им все равно невозможно, ибо главный их игрок уже «изгнан вон» (Ин., 12, 31). В эпоху, когда «сбывается вечный Олег», извечному, «упреждающему укусу» древнего змия и «человекоубийцы от начала» можно противостать только молитвой и трезвением. И памятью о том, что у «державы князя Рош» есть,

как любил говорить ее Император Александр III, есть только два союзника — ее армия и ее флот.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ И ПРОКЛЯТИЕ (К МЕТАИСТОРИИ РОДА РОМАНОВЫХ)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Обращаясь к событиям 1613 года
и вспоминая Совет всея земли,
призвавший на Царствование
пятнадцатилетнего Михаила
Феодоровича Романова, историки, в

худшем случае, говорят о некоем историческом общественном «компромиссе», достигнутом условиями и столкнувшимися в годы смуты разнонаправленными силами, в лучшем же ссылаются на неизвестно (с их точки зрения) по каким причинам заключенный некогда брак между Иоанном Грозным и Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, брак первый, то есть единственный, с церковной точки зрения, полноценный и к тому же отмеченный действительно благополучным, хотя и кратким, как и сам этот брак, периодом в истории Московского государства — взятием Казани и Астрахани, Стоглавым

Собором, Собором примирения, «губной и земской реформой», введшей широкое местное самоуправление. При этом подразумевается, что политические успехи (или неуспехи) лежат в основе становления династий. Часто добавляют сюда и неучастие боярина Феодора Никитича Романова в опричнине, что, впрочем, многие современные авторы все более подвергают сомнению, а в последние годы даже просто оспаривают. В этом случае ярость аргументов направляется уже против Романовых и кладется в основу критики их деятельности на протяжении будущих столетий, вплоть до 1917

года. Однако, для полноценного монархического сознания все эти вопросы (включая не только политические установки, но и так называемые «нравственные качества» Династии) второстепенны. Дело в том, что если всякое республиканское мышление делает упор на исторические обстоятельства, политическую выгоду, заслуги или, напротив, преступления того или иного лица, обуславливающие более или менее представительный выбор должностных лиц или политического направления, то для сознания монархического важны не обстоятельства времени, но

«длящаяся вечность», эон. В чем здесь дело? Прежде всего, в метафизической и онтологической установке. «Если Бог живет в вечности, эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности, — писал В.Н. Лосский. — Святой Максим Исповедник подчеркивает, что вечность мира умопостигаемого — вечность тварная: пропорции, истины, неизменяемые структуры космоса, геометрия идей, управляющих тварным миром, сеть математических понятий — это эон, эоническая вечность, имевшая, подобно времени, начало (здесь и

далее выделено нами — В.К.). (Отсюда и название — эон, потому что он берет свое начало „в веке“, и переходит из небытия в бытие), но это вечность не изменяющаяся и подчинена вневременному бытию». Монархическое сознание и есть применительно к государству и праву прежде всего правосознание длящейся вечности.

«В этом смысле, — указывал Лев Александрович Тихомиров, — истинная монархия может быть только одна. Это именно и есть та монархия, в которой одно лицо получает значение верховной власти: не просто влиятельной силы, а власти верховной. Это же может

случиться во вполне чистом виде только при одном условии: когда монарх, вне сомнения для нации и самого себя, является назначенным на государственное управление от Бога. Власть монарха возможна только при народном признании, добровольном и искреннем. Будучи связана с высочайшей силой нравственного содержания, наполняющей веру народа и составляющей его идеал, которым народ желал бы наполнить всю свою жизнь, — монархическая власть является представительницей не собственно народа, а той высшей силы, которая есть источник народного идеала [...] Это

составляет необходимое условие для того, чтобы Единоличная власть перестала быть делегированной от народа и могла стать делегированной от Бога, а потому совершенно независимой от человеческой воли и от каких-либо признаний. При этом единоличная власть становится верховною». Только такая монархия может считаться «истинной монархией», а не ее конституционной подменой, то есть властью, ориентированной вертикально и не подверженной никаким временным изменениям.

Строго говоря, монарх может быть только единожды дарован от Бога и един сам по себе как «образ

одушевлен Самого Царя Небесного» (преп. Максим Грек). Однако, ввиду смертно-временного пребывания человечества в физическом, т.е. падшем, мире единственным возможным путем преодоления временности земной царской власти является династический принцип в его единственно возможном виде — от отца к сыну (так называемое «лествичное право», т.е. переход престола от старшего брата к младшему, не только глубоко неонтологично, но и опасно для государства — оно всегда приводило к гибели монархий, на нем основанных).

«Посредством династии, —

писал Л.А.Тихомиров, —
единоличный носитель верховной
власти становится как бы
безсмертным, вечно живущим с
нацией. [...] Государь является
преемником всего ряда своим
предшественников, он представляет
весь дух верховной власти, тысячу
лет управлявшей нацией, как сами
подданные представляют не свою
личную волю данного поколения, но
весь дух своих предков, царям
служивших. Духовное единство
власти и народа получает тут
величайшее подкрепление. Устраняя
по возможности всякий элемент
„избрания“, „желания“ со стороны
народа и со стороны самого

Государя, династическая идея делает личность Царя живым воплощением того идеала, которого верховенство нация поставила над собой. Государь одновременно и обладает всею властью этого идеала, и сам всецело ему подчинен».

Поэтому, если секулярно-демократическая теория права полагает в основу государственного права так называемое «конституционное право» (сейчас эти понятия вообще употребляют как синонимы), то православно-монархическая оптика высвечивает как ключевую отрасль права право династическое, которое одно только и может лежать в основе т.н.

«правового государства», если таковое понятие вообще не лишено смысла. При этом правовые категории в данном случае являются лишь внешне видимым проявлением совершенно иных закономерностей. Иначе говоря, исходя из изложенного, совершенно ясно, что если не сам Царь (что могло бы быть только в условиях преодоления греха и его последствий — смерти и времени), то, по крайней мере, Царский Род может быть только един; он существует как видимо проявленный собственно при монархии и не проявленный, сокрытый после ее свержения или установления псевдомонархии, «монархии»

узурпированной. Более того, он сокрыто, потенциально пребывает как некое невидимое семя или зерно и в не просвещенных светом Христовым землях, ожидая живительной росы, дабы взойти в известное. Одному Богу время. Потому в своем роде сакральными являются даже и царственные династии дохристианские, а Апостол призывает «читать царя» задолго до того, как преемство царское соединилось в симфонии с преемством апостольским. В некоторых культурах (характерно, что именно в культурах неправославных) сокрытый царский род уподобляется подземной реке

Алфиос — непроявленно-священной: подобные мотивы мы встречаем у Боттичелли, Леонардо да Винчи, Николая Фламелья, Кольриджа...

Совет всея земли 1613 года, призвавший Михаила Феодоровича Романова на Русский престол, как мы полагаем, вряд ли мог руководствоваться какими-либо демократическими (даже в зачаточном виде) соображениями. Лев Тихомиров писал:

«В этом отношении русская монархия представляет собой очень замечательный и поучительный образчик постановки династичности. Как мы видели — у

нас, вследствие господства родового начала, при возникновении государственности, на дело верховного управления был сразу призван целый Род, целая Династия, не один человек, но вместе со своими братьями. С этим правящим Родом русская нация родилась, сложилась, выработала все свои основы, с ним она падала и воскресала, и в конце концов так сжилась, что не представляла себе своей монархии без этой вечной Династии (выделено нами — В.К.)». Более того, именно «протодемократические» черты в виде некоторого (чуть ли не «бесконечно малого»!) правового

ограничения Царской власти предполагал несколько ранее ввести Василий Шуйский и именно из-за этого оказался низвергнут раз и навсегда.

«И вот Михаил Феодорович как бы входит в прежнюю Династию. В этом кроется глубокий смысл и великая сила. Такое постановление всего народа, включительно до „младенцев“ (что фактически и заведомо для всех есть невозможность), это твердое решение есть факт психологический, который не менее реален, чем факт генеалогии, ибо благодаря ему преемственность, действительно, остается духовно-непрерывною [...].

Внешний исторический факт несомненен и заведомо для всех членов земского собора, и для всех местных собораний, с которыми сносились члены земского собора, и вообще для всего русского народа, сходявшегося на эти собрания, состоял в том, что Михаил Феодорович избран на Царство. Могли избрать иного, были и иные кандидаты. Но грамота об избрании Михаила Феодоровича составлена представителями народа так, чтобы в ней было возможно меньше элемента избирательного, зависящего от народных желаний, и как можно больше преемственного, связующего Царя и народ со всей прошлой

историей. Грамота, проходя совершенно вскользь по вопросу о степени родства Михаила Феодоровича с Рюриковичами, подробно перечисляет зато всех наших Великих Князей и Царей, даже ранее Владимира Святого», — разъяснял Л.А.Тихомиров.

Правда, само наличие «выборных» на Совете 1613 года все же дает основание сомневаться в полной правомочности его решений с точки зрения строго монархического правосознания, что позднее послужило основанием для сомнений в легитимности Романовых. Именно это, а также и подлинный текст грамоты Совета

всёя земли 1613 года,
опубликованный в первом томе
сборника «Россия перед Вторым
Пришествием», и, несомненно,
обнаруживший, что часто
воспроизводящаяся Клятва Дому
Романовых на вечные времена и под
страхом отлучения от Святой Троицы
оказалась позднейшего
происхождения, подвигли нас на
более подробные исследования,
связанные, прежде всего, с
происхождением Романовых.

Не скроем, наводит на
размышления и соображение Льва
Тихомирова, для него несомненно
положительное как для приверженца
скорее последовательно

психологического, нежели пневматологического, что, впрочем, вполне резонно в духе XIX века, подхода, но для нас весьма спорное:

«Исторически тут нужно привнести немало критики. В грамоте упоминается даже „прекрасноцветущий и пресветлый корень Августа Кесаря“, от которого при прежних царях легендарно производили Рюрика. Дойдя, наконец, до Феодора Иоанновича, грамота не скрывает, что Михаил Феодорович только „сородич“ его, но делает это в такой форме, что получается впечатление очень прямой наследственности (выделено нами — В.К.). Так вот, наша цель —

понять, является ли такого рода „восыновление“ не психологически (что есть обман наподобие масонского трюка 1825 года о „Константине и Конституции“), но духовно легитимным. То есть, идет ли речь о действительной преемственности или об узурпации? Иными словами, целью наших исследований является попытка выяснить — принадлежат ли Романовы к той подземной реке Царского Рода, о которой было сказано в нашей работе „Русь Мироеева“ и к которой со всею очевидностью принадлежал Рюрик Старорусский и Новгородский. Следует иметь в виду, что в рамках

данного исследования мы не собираемся касаться вопроса об исторической роли Романовых, пытаться ее оценивать с точки зрения политической и даже церковно-исторической. Более того, мы считаем, что подмена проблематики сакральности Рода обсуждением его деяний вольно или невольно является уступкой демократическому эгалитаризму и доктрине „конституционного права“. Нас интересует происхождение и бытие Династии только с точки зрения последовательно монархического правосознания.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ИОАННА IV

О предыстории призвания на Царство Михаила Феодоровича Романова сохранились любопытные сведения, приводимые московским родословом XVIII века иноком Ювеналием (Воейковым):

«Царь ФЕОДОР ИОАННОВИЧ при кончине своей благословил Царице Супруге своей пойти в монастырь. Патриарх ИОВ и БОЯРЕ прощались с ним в слезах. Они спрашивали, не соизволит ли

ГОСУДАРЬ назначить по себе
Преемника Престола. Но он
ответствовал им тихим голосом: Во
всем Моем Царстве и в вас волен
создавый нас БОГ, како Ему угодно,
так и будет. А князь Хилков и прочие
согласно пишут, что ЦАРЬ по себе
волен Престол и Державу
Царственную передать племяннику
матери своей Царицы АНАСТАСИИ
РОМАНОВНЫ братню Ея сыну
ФЕОДОРУ НИКИТИЧУ
РОМАНОВУ».

Почему умирающий Царь (а он
был бездетен) не упоминает ни
одной из боковых ветвей Рюрикова
Дома, тех же Шуйских? В конце
концов никого из высоко чтимых

потомков ордынских царевичей? Почему и речи не ведет ни о каких «советах всея земли», не обращается даже к авторитету Церкви? Наконец, откуда такое внезапное возвышение женской линии в условиях абсолютно патриархального московского быта и права? Допустим даже, что «семидесятилетний старец Ювеналий», как и князь Хилков, что-то «присочинил», но ведь в конце концов так решил и Совет всея земли 1613 года, и, наконец, святой Патриарх Московский Ермоген? В любом случае обоснование нового Царского избрания было основано на признании прав единственно Царицы-родоначальницы Анастасии

Романовны. Значит, и умирающий Царь, и Освященный собор, благословивший выбор «земского собора», и, наконец, Патриарх знали нечто, о чем не знали (или умалчивали) и современники, и позднейшие историки? Полагаем, что дело здесь весьма серьезно и непосредственно связано с династической проблемой самого Иоанна Васильевича Грозного. Еще раз оговоримся, что не собираемся оценивать царствование и этого Государя также, тем более с позиций современной политической борьбы; нас в данном случае не интересует, был ли он «создателем прогрессивного войска опричников»,

злодеем-тираном или праведным истребителем ереси жидовствующих. Действия Государя мы не собираемся ни «осуждать», ни «оправдывать». Речь идет исключительно о династическом аспекте. Конкретно, об особой династической миссии Анастасии Романовны в сохранении Царского Рода, все о той же «подземной реке».

Некоторое время назад в приложении к «Независимой газете» была опубликована статья Олега Мраморнова «Неистребимый призрак русской истории»; статья, написанная в целом с либерально-интеллигентских позиций, для нас неприемлемых. Однако автору,

который известен как человек добросовестный, удалось обозначить и обобщить данные большинства историков о происхождении Грозного Царя. Позволим себе привести цитату из его обобщения, выделив интересующие нас аспекты, заранее принося читателю свои извинения за «либеральную лексику» г.Мраморнова:

«Двадцатилетний брак Василия Ш с Соломонией Сабуровой был бездетен. Винить в этом только Соломонию нет достаточных оснований. Известный оппонент Ивана Грозного, первый русский эмигрант-литератор князь Курбский имел смелость писать о том, что

отец его врага Василий искал
знахарок и колдунов, которые
помогли бы ему обрести мужскую
силу. В конце концов Великому
Князю с помощью митрополита
Даниила и угодливой части
духовенства удалось спровадить
законную жену в монастырь против
ее воли — на горизонте маячил
обворожительный облик юной
литовской княжны Елены
Глинской... Свадьба состоялась в
1526 году. Наследник Иван родился в
1530-м. Промежуток в три с
половиной года доставил
стареющему Князю немало хлопот. В
этот период он снова лечится [...]
Наследник родился. Но от кого?

После смерти Василия Ш Елена в открытую жила с князем Овчиной Телепневым-Оболенским. А до кончины Князя Василия была ли такая альковная связь? Ее вероятность не исключена. В мамках у Елены была сестра князя Овчины [...] У Ивана Васильевича была тяжелая наследственность. [...] В роду Телепневых-Оболенских наследственные душевные болезни не были редкостью [...] Одна из самых ранних расправ Ивана Васильевича приходится на 1547 год — ему было всего 17 лет, и он только готовился стать царем. Летописец сообщает, что „велел Князь Великий казнити князя Федора княж Иванова

сына Овчины Оболенского“.

В этом случае получается, что на Московском престоле оказывается в лучшем случае князь Оболенский: в нарушение благословения святого Митрополита Алексия на Московский престол только прямого потомства Рюриковичей-Даниловичей. О чем Иоанн IV, естественно, знал или догадывался.

Существует также и иная версия, также ставящая под сомнение строгую легитимность Иоанна IV.

«В обстоятельствах вокруг появления на свет Ивана Васильевича есть и еще один, и даже более интригующий момент. Его прежде знали по „Запискам о

московских делах“ Сигизмунда Герберштейна, но особенного значения не придавали, полагая, что заезжий иностранец что-то напутал или приврал. Не так давно писатель и историк Андрей Никитин развил этот сюжет более детально. У заточенной в суздальском Покровском монастыре Соломонии Сабуровой — инокини Софии — рождается сын — Георгий, Юрий. Соломония в принципе могла забеременеть накануне своего насильственного пострижения, дабы отести от себя нависшую угрозу (тоже лечилась?). В таком случае именно рожденный Соломонией Сабуровой мальчик и был законным

наследником престола Великих Московских Князей».

О.Мраморнов полагает, что стремление уничтожить этого законного наследника и было главной причиной опричнины, но он сам же ссылается на раскопки А.Варганова, обнаружившего в предполагаемом месте захоронения тряпичную куклу, что доказывает отсутствие какого-либо потомства Соломонии. Но, если это потомство было, и было от Василия Ш, то Иоанн IV никаких прав на Престол как рожденный во втором браке не имел. Так или иначе, приходится признать справедливость вывода, «что в подлинности

Великокняжеского происхождения
Ивана IV нельзя быть однозначно
уверенным».

Напомним, что Иван Тимофеев в
своем «Временнике» различает
Царей «первосущих, истиннейших и
природных» и Царей «чрез подобство
(выделено нами — В.К.)
наскакающих на царство». «Ни
узурпация престола, ни даже
законное в обрядовом отношении
поставление на Престол (венчание
на Царство) (выделено нами — В.К.)
еще не делает человека Царем [...]
иначе говоря, различаются
безусловный и условный
(конвенциональный) смыслы слова
Царь („самоцарь“), — пишет

Б.А.Успенский. Совершенно очевидно, что именно „самоцарь“ стремится любым путем утвердить свои Царские прерогативы, ищет внешнего их подтверждения. Точно так же в Европе первое королевское помазание от руки Папы (в отличие от нерукотворного помазания Хлодвига) вводит узурпатор Пипин Короткий. В Древней Церкви существовало мнение, что Цари миропомазуются на Царство во чреве матери, а помазание церковное — внешне-видимое подтверждение помазания от Бога. Этот взгляд был воспринят и Русью. В „Сказании“ Авраамия Палицына Царь Михаил Феодорович — „прежде рождения

его от Бога избранный и из чрева
матерня помазанный“. Само же
поставление Царя на Царство, если
уподоблять его таинству,
соответствует браковенчанию,
которое не включает в себя
миропомазания, но носит
последовательно евхаристическую
природу — в древности жених и
невеста причащались из одной Чаши.
В „священнотайнственном венчании
Царей на Царство“ введение особого
миропомазания, возможно, также
объективно оказалось (вольно или
невольно) оттенением главного
Таинства Церкви — Таинства
Святого Тела и Святой Крови. И в
этом, к сожалению, Византия

следовала за Римом, всегда
уменьшавшим кровь за счет помазания.
В случае же „рода русого“ и на
Западе, и на Востоке изначально
было иначе, и до XVI века об этом
помнили. Иоанн IV, хотя уже вполне
осознававший свое именно
византийское преемство, в то же
время имел вполне определенное
мнение о достаточности права крови.
„Что касается королевского титула, —
рассказывает историк-иезуит
П.О.Пирлинг, — то бояре не
замедлили ответить, что Иван,
благодарение Богу, получил свою
власть по наследству, от отцов,
владеет неоспоримыми на нее
правами и не нуждается ни в какой

конфирмации“. Вспомним, именно конфирмации власти добивались (и добились!) от Ватикана Каролинги! Здесь можно возразить, что речь шла только лишь о неприятии католического миропомазания „на королевство“. Это, разумеется, верно, и именно эту сторону обычно принято подчеркивать, что весьма понятно. Но характерно вот что: Иоанн III не вступает с папским послом, в отличие от Иоанна IV, в „прения о вере“ — он и так уже однозначно засвидетельствовал свое Православие и верность византийским канонам, женившись на Софии Палеолог и осудив новгородских еретиков-

жидовствующим. В данном случае Иоанн III акцентирует именно неоспоримое природное право на власть, наследие предков, право по крови.

То же самое право крови прямыми словами провозглашает сын Иоанна III, Василий III, быть может, последний правящий кровный Рюрикович Знаменитый Сигизмунд Герберштейн приводит его портрет и надпись: *Russorum Rex Dominus sum, iure paterni Sanguinis* (выделено нами — В.К.): *imperij titulos a nomine, quanis Mercatus prece, velprecio: nec legibus villis Subditus alterius, sed Christo credulus vini, Emendicatus aliis aspernor honores* = Я, Русский Царь и

Господин, по праву Крови отцов: имперских титулов и имен не покупал ни у кого ни за какую цену: не подчинен никаким законам иной Верховной власти, но, веруя во Единого Христа, не нуждаюсь в чести от иных исходящей. Если сравнить это с Европой, то подобная идея власти более соответствует гибеллинской, нежели гвельфской. Кстати, так рассуждала в то время и Церковь. В Послании на Угру архиепископа Ростовского Вассиана о татрском хане говорится, что «не царь сый, ни от рода царьска», в отличие от Иоанна Ш, «Великаго Русьских стран хрестьянскаго Царя» (вне зависимости от принятия власти

из рук епископа).

А теперь вспомним: сын Иоанна IV в связи с прервавшейся линией престолонаследия называет (кстати, впервые в русской истории, раньше это было немыслимо!) женскую линию, причем именно в связи со своим отцом. Глубокий молитвенник, ведущий жизнь на грани юродства, мистик Феодор Иоаннович не мог не знать о том, что присутствие царской крови в жилах его великого, но и несчастного отца, сомнительно. Святой Царевич Димитрий, своею мученическою кончиной искупивший грехи отца, хотя по официальному признаку и мог наследовать Престол, также,

возможно, нес в себе кровь иную, не царскую. Это нисколько не ставит под сомнение его святость, но святость и принадлежность к Царскому роду — вещи разные, по крайней мере, в земном проявлении. Учитывая нецарское родословие Марии Нагой, можно сказать так: святой Царевич Димитрий мог бы стать Царем только при одном условии — если сам Грозный царь был Грозным Царем.

Напомним: период брачного жительства Иоанна с Анастасией был периодом подлинного расцвета Московского государства — военные победы, «собор примирения», введение местного

самоуправления... Умерла она очень рано, Царь и Царица прожила всего несколько лет...

Значит, если даже простое свойство по Анастасии Романовне давало в глазах прозорливого Феодора Иоанновича (а вслед за ним и «совета всея земли») несомненные права на Русский Престол, то именно в ней, в самом ее присутствии, в ее крови было нечто, делавшее ее центральной фигурой русской династической истории XVI-XVII веков. Если действительно было...

*Есть женщины сырой земле
родные...*

Если действительно родные, то

есть, по буквальному корнесловию,
рудные, кровные...

ОТ АНДРЕЯ КОБЫЛЫ К ВЕЙДЕВУТУ: РОДОСЛОВИЕ И БАСНОСЛОВИЕ

У всей антимонархической интеллигенции XX столетия на слуху написанные в годы второй смуты строки Максимилиана Волошина о годах первой смуты:

*Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать
привел...*

В недавно опубликованной, хотя

и очень неоднозначной, статье Владимира Микушевича, которая так и называется — «Отродье Кошки и Кобылы», показано, что строки эти, говорящие более о загадке самого Волошина, нежели о Михаиле Феодоровиче Романове, ни в коем случае нельзя принимать как республиканский выпад. При этом, действительно, «Боярин Феодор Кошка, пятый сын Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника Романовых [...] Что же касается Кобылы, то слово это традиционно обозначает древнейший род (отсюда испанское „кабальеро“ и французское „шевалье“»). К «конному» корнесловию мы еще вернемся

подробнее, а пока, временно приняв это за аксиому, обратимся вновь к родословию инокa Ювеналия:

«Известные Родословные книги о происхождении Знатнейших Родов Российских Дворян, с древнейших времен сочиненные, и прочих некоторых от одного праотца происшедшими, коего въезд в Россию то из Варяг, то и Прус, то и Немец (что в старину значило единое отродье) поставляю со времен владения Векликого Князя ИОАННА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ, или при сыне его СИМЕОНЕ ИОАННОВИЧЕ ГОРДОМ. Пишут, что когда приехал к Москве служить ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ муж Честен (Знатен)

АНДРЕЙ ИОАННОВИЧ, прозванный
КОБЫЛА [...] А иные писатели
повествуют, что РОД РОМАНОВЫХ
происходит от первого Короля
Прускаго ВЕДЕВАТА или
ВЕЙДЕВУТА, бывшего с 305 по 378
год по Рождестве ХРИСТОВЕ, и
продолжался через девять степеней
до Князя ГЛАНДАЛА, почитаемого
братом Прускаго Князя, пришедшаго
в Россию в исходе XIII столетия и
принявшего Святое Крещение в 1287
году, в коем дано ему имя ИОАНН, а
у него был сын АНДРЕЙ
ИВАНОВИЧ, прозванный КОБЫЛА
и так далее».

Что же рассказывают нам
летописи, хроники и предания о

предках и потомках «мужа честна и знатна» Андрея Кобылы и о нем самом?

Инок Ювеналий не одинок: ему вторят и авторы гораздо более ранние. Прежде всего (мы к этому еще вернемся) следует отметить, что от Андрея Ивановича Кобылы, помимо Романовых, пошли несколько знатнейших и знаменитейших русских родов, в том числе Шереметевы, Шевлягины, Колычевы, Мотовиловы, и потому именно из родовых архивов этих семейств черпали историографы сведения как о самом Андрее Ивановиче (у некоторых авторов — Михайловиче) Кобыле, так и о его

прапредках — Вейдевуте и его наследниках.

Прежде всего отметим, что все без исключения именуют Вейдевута Королем Литовским и Прусским или просто королем Прусским. Напомним, что Прусы — это те же самые Русы, или Росы — князья Рош — то есть царско-воинское сословие гиперборейско-троянского происхождения, о которой мы уже рассказывали. Однако, здесь немаловажная (как увидим ниже) языковая, а, следовательно, и сущностная разница: некоторые авторы Царский род Прусской земли и Балтии вообще именуют не Рош, а Реш. Так, о прародителях

Шереметевых князь Андрей Михайлович Курбский писал (имея в виду отца Андрея Кобылы): «Муж светлый и знаменитый, от немецкия земли выехал [...] глаголют его быти с роду княжат Решских». По мнению многих летописцев, «это те же Норманы и избраны в VIII веке (речь идет о призвании рода в целом, с которого началось воссоздание Новгорода, бывшего Словенска — В.К.) [...] Конечно, все это лишь догадки, но догадки более вероятные, нежели древняя Пруско-Литовская история, как она многими изображена. По этим догадкам Род Романовых первоначально произошел от тех же Варягов, или

Норманцев, от которых произошли и Рюриковичи». Хотя, по-видимому, это иная ветвь: Рош — Реш.

Литвой же именовали тех же самых Русов, только принявших латинскую письменность (а затем и латинство в целом): это название появляется уже значительно позже, в XIII-XIV веках, хотя выходцев из западных русских земель, даже применительно ко временам более ранним, летописцы именуют Литвой или Русью Литовской. Не случайно Ф.И.Тютчев произнес: «Над Русской Вильной стародавней / родные высятся кресты...». Собственно же этноним (и самоназвание) нынешних литовцев и латышей — жмудь — это

такое же чисто племенное имя, как вятичи, древляне, поляне и т.д. В некотором смысле, как показывают лингвистические исследования, жмудский язык был даже ближе к санскриту, чем язык так называемых «славянских» племен. Все это, однако, не входит в предмет нашего рассмотрения и необходимо лишь как присловье к изложению имеющихся у нас сведений о Вейдевуте — князе (царе) Решском.

Неизданная рукопись архива графов Шереметевых (№ 597) в том виде, в каком ее упоминает уже цитированный нами Сборник Костромской губернской ученой архивной комиссии 1901 г., имеет

следующее надписание:

«Сия книга глаголемая, собранная из разных летописцев и подлинных разрядных родословцев о потомках Прусского и Оленского (sic?! — В.К.) короля Ведевита от четвертого сына его Недрона, от потомственного его наследника Андрея Ивановича Камбилы, глаголемаго Гляндуса, происшедших от него нижеобъявленных в сей истории влекущихся родов, которую тщанием конфирмовал Геролтмейстер, ближний стольник Степан Андреевич Колычев, как был в управлении указом Его Императорского Величества у Геролтмейстерских дел, в 722 году. А

сия книга дому капитана Ивана Иванова сына Колычева».

Мы отдаем себе отчет, что дата 722 вместо вероятного 1722 может являться аргументом в пользу «новой хронологии» академика А.Т.Фоменко. Разбор данной проблемы увел бы нас чрезвычайно далеко от темы данного исследования — по нашему мнению, речь может идти лишь о том, что сама история, как и «частица-волна» в современной физике, начинает сегодня вести себя в зависимости от «положения наблюдателя». Прошрое оказывается «обратимым», время теряет свою линейную, «евклидову» природу. Сами по себе открытия

академика Фоменко и его школы являются «знамением времени» и свидетельствуют о стремительном его сокращении и «свертывании» в преддверии конца нынешнего эона и Второго и Славного Пришествия Христова. Однако признание это вовсе не обязательно должно вести к признанию историософии данной школы. Возможно, к этому вопросу придется вернуться отдельно, мы надеемся когда-нибудь это сделать. Пока что единственным возможным для нас путем является анализ наличных письменных источников на основе общепринятой хронологии при трезвом осознании ее условности.

начинается с (П) Русского царя Прутено, который «в 373 г. по Р.Х. для старости своей отдал в вечное владение свое Прусское королевство брату своему Вейдевуту, а сам определился в идолослужение первым жрецом в городе Романове, идеже ныне немецкое местечко Гейлингенбейль. Романове, или Ромове находилось на берегах Дубиссы и Невяжи. При слиянии этих двух рек, на обширной равнине, находился священный вечнозеленый дуб, необыкновенной толщины и высоты».

Отметим, что балтские верховные жрецы времен

идолослужения именовались Криво-Кривейте, что, по-видимому, происходит от этусско-пеласгского, то есть троянского слова криа, крийа, кривь. «К(Р)ИЙА-КРИЯ — печень (согласно литературным данным, практика гадания на внутренностях животных существовала у народов едва ли не всего древнего мира — от Индии на востоке до Лузитании и Галлии на западе)... Дошедшие до нас модели восточных гадательных печеней и соответствующие литературные описания свидетельствуют о проведении постоянных наблюдений с целью установить связь между изменениями в обществе и природе с

формой печени жертвенных животных. У этрусков существовал целый „институт“ гаруспиков — гадателей по внутренностям животных. Kru — „кровь“ (ср. авест. „kru“), сохранившееся в древнепольском kru, полаб. k(a)roi и др.слав. (совр. слово kri) (Мейе); Кривь — кровь (Срезневский)».

Более того, то, чем занимались Криво-Кривейте, прямо было «повынесено» из Трои:

«Многие боги, которым приносили жертвы римляне, были богами этрусков. Этрусское происхождение имела и влиятельная коллегия римских жрецов-гадателей по внутренностям животных —

гаруспиков. Без их советов и заключений римляне не начинали ни одного сражения, не приступали к обсуждению государственных дел. Собрание правил и поучений гаруспиков римляне называли „этрусской дисциплиной“ и для ее усвоения богатые римские патриции посылали своих детей в Этрурию».

В предыдущих наших работах (следуя за европейскими авторами Грасе д'Орсе, Мигелем Серрано, Фулканелли, Эженом Канселье и др.) мы указывали на то, что древняя арийская (троянская) кабала не имеет ничего общего с раввинской каббалой. Дело здесь, разумеется, не в апологетике тех или иных

проявлений «лжеименного знания», а в исследовании. Здесь все должно быть предельно ясно. Речь идет, конечно, о вполне определенной идольской жертве, являющейся для христианина такой же мерзостью и проявлением «тайны беззакония». С другой стороны, понимание древних, дохристианских аспектов сакральной царско-жреческой власти открывает путь к пониманию того особого мистического ведения, с которым пришел на службу к Московским князьям род княжат Решских, о чем мы будем особо говорить далее в связи с именами его представителей, имея в виду, разумеется, коренное преобразование этого древнего

ведения в Православной Крещении: «язык птиц», «язык полконей», «кабала» меняет знак и освящается Пятидесятницей — онтологическое противоположение здесь такое же, как между блудом и браком, убийством и подвигом воина, языческой жертвой и Евхаристией...

Далее, по рассказу Колычева, Вейдевут, в свою очередь, перед концом жизни разделил Прусскую землю между двенадцатью сыновьями — между прочим, по древнему троянскому (если судить по Младшей Эдде) праву. Из этих сыновей четвертый, Недрон, получил удел на берегу реки Прегеля. В XII веке, при князе Димвоне, потомке

Недрона в девятом колене (разумеется, по общепринятой хронологии) «крыжаки (т.е. орден меченосцев) край земель Недровских мечом и огнем лютее паче прочих разорили и города Недровских князей, потомков ныне писанного Недрона, до основания истожили и разрушили». В 1280 г. старший сын Дивона, князь Руссинген (sic!), «не имея силы отечества своего край от крыжаков боронити», принимает Римо-католическое крещение «с младшим братом своим Камбилою, нареченным Гландою или Гландусом. А какое им в крещении дано имя, того в летописцах не написано, разве в их крыжацких метриках

обретаются». Этот, по Колычеву, «Гландос Камбилы Дивонов сын, из дому Недрона Ведевитовича» вскоре после католического крещения бежал во Псков и был «перекрещен из Веры Римской в Греческую».

Несколько иначе рассказывает о Вейдеуте барон Балтазар Кампенгаузен, считающий Рюрика и Вейдевута родичами и на этом основании говорящий о единой Рюрико-Романовской династии, составившей два рода — Рюрико-Романовский и Романово-Рюриковский (с 1613 г.). Иными словами: князя Рош — княжата Реш, а затем князя Реш — княжата Рош. Версия о Вейдеуте, излагаемая

бароном Кампенгаузенем, такова:

«Аланы, говорят, жили прежде в соседстве с землею Пруссов. В союзе с Вандалами и Свевами ходили они к Рейну и за Рейн в Галлию, вторглись потом в Испанию, но здесь вытеснили их Вестготы. Также и на Рейне, против них восстали Сикабры и почти их уничтожили. Остатки их, под предводительством их военачальника Литталана (вероятно, от него литовцы) бежали в соседние земли их родины — в земли Пруссов и там осели. Одно время они жили в мире и согласии с местными хозяевами, но затем пошли с ними на разоры. И вот, богатый Алан Вейдевуд, или

Войдевод, посоветовал обоим племенам избрать себе общего предводителя или князя. Совет был принят, и выбор в 305 г. пал на самого Вейдевода. Он сделался самым первым князем, или королем Литовско-Прусской земли или по крайней мере первым главой из Аланской династии... Далее особо рассказывается о введении Вейдевудом медоварения в Прусско-Литовской земле. Вспомним об особой символике пчелы и меда у древних сакральных династий Царского рода, а также в Старшей и Младшей Эддах — В.К.). Постоянное среди мира владычество его продолжалось 74 года, законченное в

379 году на 116 году от рождения, вследствие отречения от престола, причем он сделался верховным жрецом своего народа — Криво-Кривейте — вследствие чего и водворился в дубовой роще близ Романова».

Если так, «сочетание несочетаемого» поразительно: прадед Романовых отрекся от престола, став жрецом крови, последний Царь из именовавших себя Романовыми также в 1905 году желает отречься от Престола, став Патриархом, а в 1917 г. реально отрекается, принеся себя самого в кровавую жертву, предстательствуя перед Богом за свой народ.

Однако, продолжим изложение барона Кампенгаузена:

«Есть и еще другое сказание о том, что Вейдевуд был не первым Литовско-Прусским королем из своего рода, а лишь преемником своего брата Прутена (от имени которого Пруссы и Пруссия получили свое именование), тоже под старость лет сделавшегося векорховным жрецом и сдавшего правление народом младшему своему брату Войдеводу».

Далее все оказывается так же, как излагается в Сборнике Костромской губернской ученой архивной комиссии: страна была поделена на двенадцать частей, из

которых Саймо-Самогития досталась
князю Недро. При этом, по-
видимому, считает ученый барон, все
преемники Войдевода под старость
слагали с себя княжеский сан и
принимали сан Криво-Кривейте.
Барон Компенгаузен приводит в
связи с этим анонимное
старофранцузское стихотворение,
относя его — именно
старофранцузское! — именно к роду
Вейдевутовичей!

*C'est ainsi que dans tous les
temps*

*Pour parvenir au bonheur de leur
plaire,*

On a bercé la vanité des Grands

Avec des contes de Grand 'Mere.

Тако в любое время земли

Дабы сверхсущей достигнуть

ласки,

Знатных гордыню баюкать

могли

Только Великой Матери сказки.

Заметим, речь идет о женском начале в древнем царско-жреческом служении.

Если же говорить собственно об аланах, то это древнейшее арийское племя, вполне тождественное венедам, а, следовательно, тем же русам (роксоланы — Кат-Алауния — Каталония = Гот-алания, об этих

местностях мы рассказывали). Имя Вейдевута здесь вполне может быть произносимо как Вендевут или Вендевод (Вендевождь, Воевода), созвучное одному из имен Мировея как Венделика, что, впрочем, вполне может быть просто догадкой или совпадением, в наличие которых, мы, впрочем, не верим, особенно если речь идет о промыслительном устройтельстве Царского Рода. Да и вообще — язык един. Но в любом случае справедливы слова о венедах, или винетах, французского исследователя Жана Робена:

«В противоположность кельтам, для которых море было враждебно, Венеты были царями-

мореплавателями (rois de la navigation) в Атлантике и Ла Манше и имели отношение к Британскому острову, движению Цезаря на который они препятствовали [...] И не были ли венеты хозяевами как Адриатики, так и Океана, сами далекими островитянами из-за пределов морей (d'au de la mers)? [...] Жан Маркаль в своем исследовании весьма ценно указывает: „Фианы (les Fiana) и их царь Финн (Finn), Венедоты Гвинельдские (на северо-западе Галлии), Венеты Венские (Гвенеды), Венецианты из Венеции — имеют одно общее родовое имя, которое мы встречаем как у реки

Вандеи (Vende), так и у богини Венеры“. Все это разнообразие сводится к общему качеству, весьма значимому: белой (blanc) или бледной (blond) — полумифическое имя blond-venetien неожиданно обнаруживает свое происхождение. А ведь оно еще означает „прекрасный“ (beau), „чистокровный, благородный“ (race) и, наконец, „священный“ (sacre). Искаженное понимание такой красоты, которое мы встречаем у Платона, связано с женскими воздействиями Клиты, „Прекрасной“, „Высочайшей“ супруги Посейдона, стоявшей у истоков Атлантиды — встречается в традиции Кшатриев (то есть именно царей — В.К.), конного

сословия (caste chevaleresque — здесь выделено нами, почему — увидим ниже — В.К.), унаследовавшего атлантическое наследие в обоих его аспектах, благословенного (benefique) и проклятого (malefique), как об этом говорит Генон".

Между прочим (какие бы аспекты в данном случае ни подчеркивал французский исследователь), Датские короли в XV в. именовались Венедскими или Венедитскими.

Жан Робен скорее склонен подчеркивать негативную сторону алаано-венедского наследия в Европе, которое он считает символической

иерогамией Клито и Посейдона, изначально не морского божества, но стихийного начала ветров, бурь (tempetes), землетрясений (ср. с именем Буревоя-Бравлина!). Итак, Белая Дама и стихийное существо земли — не та же ли это королева и не то же ли самый Китоврас, то есть не отголоски ли меровингского мифа? По крайней мере на уровне символики. Догадку нашу подтверждает наличие в средневековом Русско-Литовском государстве древнего княжеского (царского?) рода Китоврасов, о котором много говорено в летописях:

«И взявши с собою одного остронома, и пошли в кораблем

морем по заходу солнца, хотечи собе
знайти на земли месцо слушное, иде
бысь мели поселити а мешкати с
покоем. А с теми шляхты чомри были
рожаи наивысшими (т.е. высочайшие
роды, выделено нами — В.К.),
именем Китоврасы, Колюмны, Рожи,
Ургы [...] Князь пан Кернус не имел
сынов, только одну дочку именем
Пояту. А будучи он в старости своей
а не хотечи паннства своего от дочки
своея отдалити, и принял до ее зятем
собе с Китоврасу именем Кгируса, а
сам умре. А по нем начати княжити
на земли Литовской. А тот зять его с
Китоврасу именем Кгирус, а Кгибнут
на Жомотиской земли. И пануючи
Кгибнуту на Жомоити, умре, а сына

своего Монтивила (с этим именем мы еще встретимся и не раз! — В.К.) оставить на Жомоитском князьстве».

В любом случае перед нами все те же Русь-Варяги. Тем более учитывая символическую связь Китоврасов с Меровингами (тем более, что летопись прямо называет их «высочайшим родом»), на которую мы неоднократно указывали в предыдущих работах.

Существовала ли прямая связь между родом Китоврасов и Ведевудом? В данный момент мы не можем дать на этот вопрос ни утвердительного, ни отрицательного ответа. С подобной

неопределенностью мы и дальше столкнемся в отношении потомков Вейдевута — Романовых, чью высшую легитимность оспаривали на протяжении всего их Царствования, о чем мы уже говорили. Но сейчас речь идет не о собственно Романовых, а об их предках, упоминаемых в русско-литовских летописях. Дело в том, что одни и те же князья и цари по-славянорусски носят одни имена, по-«литовски» (жмудски или жемайтски) — другие. Мы можем, по-видимому, также сказать, что некоторые косвенные данные все же позволяют допустить возможность параллели Китоврас-Вейдевут.

Латышский эпос Niedrishu Widewuts (в 24-х песнях), с которым мы по причине незнания языка смогли познакомиться только по французскому изданию, подробно рассказывает об этом полубаснословном царе. Согласно этим сказаниям, собранным приват-доцентом Юрьевского университета Лаутенбахом, «латышский» царь и жрец Ниедришу Видевут происходил от дела Виссикука и женского «божества» Кальды. Указание это весьма «тревожно»: ведь имя арийской «богини» Кали явно просматривается сквозь летописные наслоения... Не останавливаясь на этом подробно, мы вынуждены

констатировать, что, как писал знаток данной проблематики барон Юлиус Эвола, это «течение несомненно имеет „экзогенные“, архаические истоки, восходящие к субстрату автохтонной традиции, имеющему множество явных параллелей с протоисторической традицией пеласгийского (выделено нами — В.К.) и протоэллинского средиземноморского типа». Во всяком случае, такие выводы приходится сделать из одного из сказаний. По другим (песни 1-я и 2-я) отца Видувута звали Радагансом-Стирансом, а мать — Гнединою, одною из дочерей языческого «божества» Перкуна (в славянском

варианте, естественно, Перуна). Помимо указания опять-таки на «конное» имя матери прапредка Романовых, для нас небезынтересна «сверхъестественная» природа именно женской линии этого рода — и здесь нам приходится констатировать противоположность друидско-жреческого, матриархального закона салическому (т.е. меровингскому) праву, настаивавшему на сакральности мужского пола царя (короля). В то же время именно жена (Анастасия Романовна) положила начало «второй расе» Русских царей. Это поразительно подтверждает не только указанное у Жана Робена, но

и вообще акцентирование женского начала мировправления у некоторых авторов-традиционалистов (вне зависимости от оценок данного факта).

В четвертой песне о Видувуте рассказывается, как по удалении Гнедины Радаганс-Стииранс с сыном своим Ниедришем Видевустом и тремя великанами (в славянском прочтении — волотами), прежде побежденными Ниедришем, — Коукаравейсом, Кальнустуменсом и Гарбарджисом — предпринимает поход в южные страны.

Здесь начинается нечто, весьма для нас интересное. На обратном пути возле острова Рюгена, который,

как известно, был родовым владением Руси = Дома Рюрикова, с Ниедришем Видевустом случается кораблекрушение; он, однако, спасается и получает приют у царя Рюгена — Одина и царицы Смаедины. В предыдущей работе «Русь Мироеева» мы, ссылаясь на Младшую Эдду, указывали на полумифического царя Одина троянского рода, превращенного затем человеческой памятью в языческое божество (тождественно, кстати, Перуну-Перкуну, Видевустову баснословному прародителю), как на деда Рерира, правителя Страны Франков, а потому останавливаться на этом подробно мы здесь не будем.

В имени же Смаедины явно звучит название баснословной реки Смородины или слова смарагд (изумруд). Образ древнейший и имеющий прямое отношение к истокам царского чина. «Принцесса царского рода, — истолковывал Эжен Канселье „Сказки матушки Гусыни“, — наделенная необычайными достоинствами, облачается в ослиную шкуру, скрывая изначальную доброту (beaute), и только будущий супруг ее, т.е. царевич, опознает существо, сродное себе, по украшенному изумрудом, смарагдом, колечку, спрятанному в испеченном царевной слоеном пироге. Отзвуком этой истории

является другая, о хрустальной (de verre), зеленоватой туфельке Золушки — Cendrillion — которую зовут иногда Луция — Cuscendron — и обозначают греческим Χ (кси) как луч в золе [...] Смарагд мудрецов драгоценен именно зеленым цветом — цветом всеобщей души. Бесконечно важно, что указание именно на этот цвет содержится в самом названии Изумрудной Скрижали (Table Smaragdine) [...] Напомним также, что Виктор Гюго в своем романе о Соборе Владычицы нашей в Париже [...] делает юную и соблазнительную Эсмеральду (Смрагдовую) объектом любовной страсти конного (chevalier) Феба

(Phebus)».

Совершенно очевидно, что, описывая пребывание Видевуста у Одина и Смаедины после кораблекрушения, безымянный писатель предания повествует о некоем особом царском посвящении, хотя сегодня нам крайне трудно понять, в чем именно оно заключалась. Разумеется, нам скорее поведают о том, как Видевуст рассказывал Одину о их совместном с отцом путешествии в Рим (!), о том, как в походе этом умер отец Ниедриша Видевуста, после чего мореплаватели приблизились, потерпев кораблекрушение, к отрову Рюгену (песнь 6-я). Песни с 7 по 17

рассказывают о многочисленных приключениях в духе сренедневековой словесности вплоть до поисков исчезающей царской жены в подземном царстве (орфический миф!). В конечном счете Видевуст объединяет латышские роды в одно государство и становится первым балтским царем. Четвертый сын его Надравс получает в удел земли между реками Байкою и Руссою: в пределах этих земель находилось савященное место Ромова, или Ромава, исконное местопребывание Криво-Кривейте (песнь 23-я). Достигнув возраста 116 лет и родив двенадцать сыновей, Видевуст передает свое царство

брату Прутено (по другим родословиям, вспомим, Прутено был братом Пруса, Рюрикова предка, точнее, одного из предков) и сжигает себя в Ромове пред священным дубом (тем самым). Пепел его был зарыт на горе в Перкуоне, под камнем-великаном, посвященном идолу Перкуна (того самого Одина). Так заканчивается песнь 24-я и с нею вместе баснословное жизнеописание предка Романовых. Между прочим, гораздо более сложное и вызывающее больше недоумений и сомнений, нежели все, известное нам о Рюрике. Во всяком случае, приходится сделать очень важный вывод: если Рюриковичи («Рош») были

воплощением мужского, «солнечного» начала в династической истории Русской монархии, то предки Романовых («Реш») задают совершенно иную, «женственно-лунную» матрицу, связанную с фигурой не столько Царя, сколько Царицы. Царицы, пытавшейся поднять на себе непосильную для женских плеч, мужскую, Имперскую, ношу...

ИМЯ И ЖРЕБИЙ. НЕТИ И ТЕНИ

Весной 1347 года для постепенно приходящей в себя после уобиц северо-восточной Руси наступает важное событие — замирение между Москвой и Тверью.

«Тое же весны оженись Князь Великий: приведоша ему со Тфери Княжну Марию, дчерь Александрову Михайловича Тферского Князя; а ездили по ней Андрей Кобыла (родоначальник Захарьиных-Романовых) да Алексей Босоволков... Тое же зимы Князю Великому родися сын Данило. Дек.

15... Сент. 7 (в 1349 году) Великому Князю родись сын, и крести его Митрополит, и нарече имя ему Михаил... Тое же зимы (в 1350 г.) Князю Великому родись сын Иван... Февр. 3 родись ему сын Семен».

Тогда же положил Московский Великий Князь, с благословения святителя Алексия, грамоту детям:

«Слушали бы есте (вы братья) Владыки Олексея, тако же старых Бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам. А пишу вам се слово того дея, чтобы не перестала память родителей наших с наша, и свеча бы не угасла».

С той грамоты начинается окончательное истребление в Доме

младших Рюриковичей
(Даниловичей) губительного для него
и для страны в целом лествичного
права и воссоздание древнего
порядка наследования от отца к
сыну, как это было при «старых
князьях» (царях). Заслуги в этом
святителя Алексия признаны
историей, и не только церковной. Но
мало кто обращал внимание, что у
самых истоков восстановления
древнего династического права стоит
не кто иной, как «муж честен
(знатен)» Андрей Кобыла, бывший
одновременно великокняжеским
сватом и деятельным устроителем
московско-тверского замирения.
Причем он не «подвернулся под

руку» (так в те времена быть не могло), а именно приехал для этого из Новгорода и, по-видимому, специально. Любое непредвзятое размышление на эту тему неизбежно наводит на мысль: Андрей Иванович Кобыла из «княжат Решских» появляется при московском дворе (князе Рош) в решающее для Руси время, А решается не больше и не меньше, как главный вопрос государственного бытия — быть Русскому государству наследственной монархией, способной исполнять миссию Третьего Рима (Империя Ромеев уже клонится к упадку) или нет. Вне зависимости от того, являлся ли

Вейдевут родичем Рюрика, но так или иначе устройство Рюриковой династии (пусть младшей, московской ее ветви — другой быть уже тогда не могло) вручается именно потомку Вейдевута, прибывающему из древнего, сакрального Новгорода-Словенска в молодую послеордынскую Москву. Кем же был Андрей Кобыла в это время в Новгороде? Исследователь новгородских древностей Василий Передольский рассказывает, что во многих грамотах XII-XIII веков упоминается некий Князь Куний Гость, или, по-литовски, Куни-гаса, что в переводе означает Конный гость. Он же и расшифровывает имя

этого высокородного «гостя»:

«Из числа немецких выходцев, селившихся в Новгороде, следует назвать потомка латышского царя Видевута, сын которого или внук (здесь мы опять встречаемся с путаницей в хронологии, однако в древние и средние века под сыном или внуком часто понимали потомство вообще — В.К.), Андрей, по прозванию Кобыла, был, по преданию, родоначальником бояр Захарьиных и Романовых; прибытие потомка Видевута в Новгород относится к 1287 г. Некоторым подтверждением этого предания может служить древнее родовое имя Захарьиных-Обольяниновых,

село Захарьино. О сохранившейся в саду барского дома древней церкви, служащей усыпальницей Захарьиных, говорят, что основателем ее был тот вышеназванный Путята, который насильственно крестил Новгородцев, и что Захарьины ведут род свой от него. (Мы уже касались вопроса о долетописном Православии Новгорода и так называемых „крещальных походах“ IX в., говоря, правда, не о Путяте, а о Добрыне — В.К.). В Новгороде была улица Кобылья, упомянутая в летописи всего один раз, под 1394 г., по случаю пожара, начавшегося у Спаса на этой улице и истребившего „каменный град Детинец весь и Владычень двор,

и у св.Софии верх полатный и
Неревской конец до Борковой улицы,
а церковей 12“. Ни один из
исследователей расположения
Новгорода не знает этой улицы. Судя
по порядку перечисления погоревших
мест, позволительно указать для нее
пространство на юго-западе от
Детинца; там, близ Волховского
берега, около откоса рва,
охватывающего Детинец, стояла
церковь Нерукотворного образа...
Таким же поселком могли быть дома
и хозяйственные постройки потомка
царя Видевута Андрея Кобылы, с его
слугами из немцев, не знавших
нашего языка и говоривших так же
невнятно для русских, как

однообразно-тоскливое завывание кукушки. Церковь Нерукотворного образа была недалеко от Кукуевой башни».

Нам представляется, однако, что с Кукуевой башней все обстоит сложнее — дело тут вовсе не в «завывании кукушки», непонятном «немецком» языке или чем-то подобном. Все здесь пронизано средневековой символикой, в которой, возможно, и сокрыт ключ к загадке «Конного Гостя» и его башни. Некоторые авторы, в частности, Грасе д'Орсе, а вслед за ним современный русский исследователь А.Г.Дугин считают историю средневековой Европы

противостоянием т.н. «менестрелей Мурсии», носителей «солнечной», теократической тенденции, и «менестрелей Морвана» — «лунной», гибеллинской. Иначе эти авторы именуют их «квартой» и «квинтой». Если это так, то речь идет, все-таки, скорее не об особых «орденах», но о сохранившихся после принятия христианства более древних «стихийно-пространственных ориентациях» (определение наше), причем ни то, ни другое, по крайней мере формально, не противоречило христианской догматике. Мы полагаем, что Православие, будучи мистически полным выражением

Христианства, в принципе призвано «снять» подобные противостояния, однако это происходит тогда, когда их представители становятся действительно и до конца православными. Однако, поскольку совершенство даруется только Самим Богом и только святым Его, то в человеческом мире оно может сохраняться и оказывать влияние на историю вплоть до «конспирологии». Так или иначе, «менестрелей Мурсии» Гресе д'Орсе связывает с горожанами или сельскими жителями в противовес аристократам, живущим в замках, «башнях» (связь слова tour и taureau — бык). Между прочим, здесь

приходит на память и «башня Магдалы». Если мы вспомним параллельно о Рюриковом городище, о сугубо мужском наследовании у Рюриковичей и о решающей роли женского начала у стоящих у истоков собственно династии Романовых Кобыличей, то определенные соответствия действительно возникают и выстраиваются. Сугубый аристократ, наследник Венедского («Венерианского»!) царя-жреца, «вещего» Вейдевута, более того, самого Криве-Кривейте, Андрей Кобыла не мог не владеть неким особым древним ведением, хотя во многом и «лжеименным», но так или иначе израстающем из

остатков ведения райского (т.н. «примордиальной традиции»), сохраненного не благодаря, а вопреки идолопоклонству язычества.

«В различных традициях, — писал Рене Генон, — часто упоминается о таинственном наречии, именуемом „язык птиц“: название явно символично, так как само значение, придаваемое знанию этого наречия как прерогативе высокого посвящения, не позволяет понимать его буквально [...] Кроме того, мы видим, что герои-победители дракона, как, например, Зигфрид нордического предания, также понимали язык птиц; и это позволяет легко понять символику, о

которой идет речь. В самом деле, победа над драконом своим следствием имеет тотчас же даруемое бессмертие, символизируемое каким-нибудь предметом, доступ к которому сторожил дракон [...] Именно эта связь олицетворяется способностью понимать язык птиц; и действительно, птицы часто выступают символами ангелов, то есть именно высших состояний [...] В средневековом символе Peredixion (испорченное Paradision) можно видеть птиц на ветвях дерева и дракона у его подножия. В исследовании символики „райской птицы“ (Le Rayonnement intellectuel.

Май-июнь 1930) М.Л.Шарбонно-Лассей воспроизводит скульптурное изображение этой птицы в виде головы с крыльями, то есть именно в той форме, в какой часто изображаются ангелы [...] А птицы таким образом играли роль „вестников“, аналогичную той, что обычно приписывается ангелам (откуда и само их имя, потому что именно таков смысл греческого слова *angelos*), хотя и рассматриваемым в очень низком аспекте».

Вплоть до беззаконной жертвы, приносимой Криве-Кривейте под занменитым «романовским» дубом, а, может быть, даже и в «Кукуевой башне»... О чем здесь может идти

речь? Исследователь язычества Ю.П.Миролюбов говорит о «птичьем молоке», секретом изготовления которого владели славяне Западной Пруссии и балтийского побережья.

«В сказках достаточно часто речь идет о Птичьем Молоке; то его надо доставать, чтобы вылечить больную Царевну, то пресыщенный всякой снедью Царю, желая сделать невозможный подвиг, приказывает Ивану Царевичу привезти Птичьего Молока, то Царские Сыновья, поехавшие за диковинками, привозят один то, другой другое, а третий Птичье Молоко».

По—видимому, речь идет о том, что в средневековом естествознании

именовалось *materia prima* или субъект философов, владение которым и давало понимание «языка птиц» (отсюда и название Кукуевой башни) и «дар язычен», собственно, и породивший именование «Ведевутова внука» Кобылой. Речь идет, конечно, о средневековой Кабале - не путать с каббалой! — общей для всей аристократии того времени.

«Всецело фонетическая по своей природе, — писал Эжен Канселье, — кабала образует тайный язык, завексу над которым приподнял Грасе д'Орсе, а затем и Фулканелли в двух своих трудах. Основанный на более или менее совершенной

тождественности звука, этот язык соотнесим со всеми язчками мира благодаря их связи с языками материнскими».

Еще раз необходимо указать на «ключ к уразумению», который не только поможет «различению духов», но и откроет двери «царска дворца затверста».

Эжен Канселье писал:

При этом не следует путать нашу кабалу (cabale) и чисто гебраическую каббалу (Kabbale); дабы различить их, достаточно указать на различие корнесловия этих понятий: первое происходит от греческого kaballes, то есть конь (фр. cheval, исп. caballo и т.д. — В.К.), в

то время как второе — от еврейского kabbal'ha — традиция. Правила и обычаи, духовные и мирские, древнего рыцарства (кавалерии, конного строя) имеют прямое отношение к кабале, использовавшейся часто при герметическом воспевании родового герба».

Становится совершенно понятно, почему Кобылу (то есть Кабальеро или Шевалье) называют мужем честным и знатным. «Чести» означает не только соблюдать правила, но и чтить, почитать, то есть быть человеком книжным, любомудром, философом (в средневековом смысле), то есть

знатным — знающим, владеющим знанием, переходящим из рода в род, как это было у наследников Вейдывута. Характерно и весьма значимо при этом, что принять латинство они отказались и оборонялись от «крыжаков», а в Православие перешли с легкостью. Почему? Выскажем догадку. Потомки жрецов, имевших вполне реальное, более того, личное отношение к принесению жертвы, могли отказаться от нее, только поверив в Жертву Истинную. Укажем на аналогичный эпизод с обращением в Христианство иудея-врача из Жития Василия Великого. Иначе говоря, они могли принять

Христианство, только опытно познав, что безкровная жертва победила приносимую ими. В латинской мессе они не опознали жертву предвечную. Архимандрит Киприан (Керн) писал:

"Католическая церковь, как известно, учит, что молитвы призывания Св.Духа не нужно для освящения евхаристических элементов. Священник, по их учению, является совершителем таинства, «*minister sacramenti*»; он как «*vice-Christus*», как «*Stellvertreter Christi*», обладает полнотою благодати, как и Сам Христос; и как Христу Спасителю нет необходимости призывать

нераздельного от Него Св.Духа, так и Его заместителю, полномочному совершителю таинства, этого призвания также не необходимо. С известного времени римская практика выбрасывает из мессы эту молитву или, точнее, так ее скрывает к контексте своих молитв, что она теряет свое значение и характер освячительной молитвы».

Но мы также можем указать и на то, что потомки жрецов, сохранившие остатки воспоминаний об «адамическом», «примордиальном» ведении, опознали его полноту именно в Православии. И им не было нужды, принимая новые имена, отказываться

от своих старых до той поры, пока они не противоречили догматике Церкви. При этом очень важно и то, что «конное» имя носил вовсе не один из приехавших на Москву Вейдевутичей, но, по сути, все. Во-первых, родным братом Андрея Кобылы был Феодор Иванович Шевляга, что не требует расшифровки — Кобыла и Шевляга просто одно фамильное прозвание. Далее, по списку Синодальной библиотеки, «у Андрея Ивановича у Кобылина было пять сынов: большой сын Семен Жеребец, другой сын Александр Елка, третий сын Василий Ивантей, четвертый сын Гаврило Гавша (Чавша), пятой же Федор

Кошка. А у Федора Ивановича, у Шевляги, три сына: большой Тимофей Мотовило, другой Кирило Ворба, третей Нестер Деревль; и от Тимофея появились Мотовилы и Грабежовы, а от Кирилла Воробины и Трусовы, а Нестер Деревль был бездетен».

Однако, почему именно конь, кобыла, кабала? Отчасти мы уже касались этого вопроса в предыдущих работах, продолжением которых является все, о чем мы здесь говорим. Вновь в поле нашего зрения появляется полубаснословный Китоврас. В уже цитированной нами статье Владимира Микушевича «Отродье Кошки и Кобылы»

содержится мифопоэтическая история «Кобыльего рода», как бы сведенная воедино. Конечно, следует иметь в виду, что эта история именно мифопоэтическая. Но...

«Согласно русскому книжнику Ефросину, царь Соломон знал, что зверь Китоврас — его родной брат, сын Давидов. Когда царь Давид слагал псалмы, ему мешало кваканье жаб в соседнем болоте, и царь Давид распорядился перебить их, но на свитке своих псалмов увидел жабу, и она сказала ему человеческим языком: „Почему ты запрещаешь нам прославлять Господа по-своему, как ты сам Его прославляешь?“ И Давид сказал в ответ: „Всякое дыхание да

славит (в славянском тексте „хвалит“ — В.К.) Господа“. Эту вещь жабу на Руси называли Василисой Премудрой. Василиса же значит „Царственная“. Царь Давид узнал ее в женщине, купающейся в пруду. Царь послал на смерть ее мужа, чтобы взять ее в жены, и она родила ему Соломона, но первенец ее, по преданию, умер, и если Китоврас — родной брат Соломона, он мог быть только этим первенцем, о котором сказали, что он умер, так как он родился зверем за родительский грех. Имя „Китоврас“ происходит от греческого „кентаврас“, родственного индийскому „гандхарва“. У кентавра человеческая голова и человеческий

торс, он человек до пояса, но у него конский круп и ноги с копытами (выделено нами; кстати, отсюда сказочный Полкан = полконь — В.К.). Таким родился сын океаниды Филюры и бога Крона мудрый кентавр Хирон. В западных легендах повествуется: после Рождества Христова кентавры выходили из лесов, просили христианских отшельников крестить их, и иотшельники не отказывали им. Апостол Павел писал: Ибо мы знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только они, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего (Рим. 8, 22-

23). В этих словах апостола нетрудно распознать слово царя Давида: „Всякое дыхание да славит (хвалит) Господа“. В имени „Китоврас“ распознается также „кит“: водная стихия океаниды Фелюры и царевны-лягушки. Некое чудище обняло однажды царевну, купающуюся в море, и от этой царевны происходит единственный в мире истинный царский род, ведущийся от семени Давидова. (Здесь мы вынуждены внести серьезнейшую поправку. Согласно данному мифу, на который мы неоднократно ссылались, „чудище“, точнее, „диво“, (monstre) не „обнимало“, а преследовало, и не царевну, следовательно,

девственницу, а королеву, супругу короля Клодио, причем уже беременную. По сути речь идет иносказательно о царском помазании во чреве матери и потому плод этого чрева — „дважды рожденный“, а не единожды, как следует из изложения Микушевича, в котором, к сожалению, можно усмотреть и иной аспект — искусственное привнесение семени в лоно девственницы, что, по учению Святых Отцов, является образом зачатия антихриста — В.К.). Из этого рода происходил Рюрик, предок русских царей. Максимилиан Волошин назвал Романовых „отродье Кошки и Кобылы“ в стихотворении

„Китеж“, а в слове „Китеж“ слышится „кит“ и, стало быть, Китоврас, Боярин Федор Кошка, пятый сын Андрея Ивановича Кобылы — родоначальник Романовых».

Наше замечание по поводу изложения Микушевича и его ненамеренной неточности не умаляет ценности этого изложения в целом, позволяющего нам перейти к рассмотрению имен рода, так или иначе восходящих к «языку птиц», «языку полконей», начав с имени Федора Кошки. Ясно, что речь идет не о животном. Кошъ (кошь) — корзина, короб, с другой стороны — жребий, судьба. Изображения

корзины, короба с рыбой и бутылью красного вина (короб — также и рыба, и кораль) часто встречается в римских катакомбах, а в средневековой Европе так изображалась святая Грааль — Чаша с Кровью Христовой, поиски которой и есть судьба, жребий странствующего рыцаря, то есть конного, *caballero* или *chevalier*. В слове «жребий» мы опять слышим «жеребя» (жеребенок) и «жеребец» — имя «большого сына» Семена Жеребца, дяди Федора Кошки. С другой стороны, Кошка — это Кощей — «тот, кто ведает лошадьми в дружине князя, кто ведет запасную лошадь (выделено нами — В.К.) для

князя». Это особенно важно для нас, проливая свет на династическую преемственность. Феодор (Божий Дар) Кошка приводит запасного коня, то есть «запасной» Род Царей, «дополняющий» первый, Рюриков, и при оскудении последнего способный засиять его отраженным, «лунным», «Женским» светом. При том, что «жребий» этого Второго Рода изначально проблематичен, двойственен — ведь в нем совершенно очевидно присутствуют также кощунуны лжеименного знания, которые преодолимы только при строжайшем соблюдении Царским Рдом всех канонических правил и требований Православной Церкви.

Отсюда особая роль Патриарха Филарета — родного отца Царя Михаила Феодоровича Романова (Феодора Никитича). Отсюда настоятельнейшие требования кружка «боголюбцев», в первый период объединявшего и будущих старообрядцев (протопопов Иоанна Неронова и Аввакума Петрова), и будущего Патриарха, а тогда архиепископа Новгородского Никона о необходимости соблюдения Царем Алексеем Михайловичем всего Номоканона до буквы. Это требование было вопросом жизни и смерти Династии потомков древних жрецов и, значит, вверенной этой Династии державы.

С именем Александра Елки мы также не можем отождествить только лишь распространенное дерево наших лесов, ибо произношение такое (через Е) было усвоено ему лишь в прошлом столетии — прежде говорили просто ель. Електор — через ІЕ — греч. светило, солнце; Еласса -, Эласа — название одной из баснословных птиц, имевших в средневековой натурфилософии мистико-символическое значение: «тетига радуется слнцю, а кольхин росе, саламандра в огни играет, крилом красящися елесаса петелин весел есть». Легко увидеть здесь также значения элк — лось, елень — олень, елага — пиво, и лишь в

последнюю очередь ель как дерево, впрочем, также сакральное на нашем Севере. Эти значения, впрочем, имеют корнем все тот же Солнечный свет, Эль, Иль, восходящий, в том числе, и к библейскому Elohim — Боги. Слышны здесь и воспоминания о Троянской Елене, которую порой толковали как «похищенную», «украденную» Премудрость.

Гавша же, как сказано и в родословном Синодике, переделано из Чавша, то есть просто Чаша, что, по-видимому, не требует пояснений. Строго говоря, Кобыла, Жеребец и Шевляга — одно родовое имя; Кошка, Елка и Гавша (Чавша) — другое, означающее, по сути, также

единую «вещь». Сложнее обстоит дело с Василием Ивантеем. Вообще говоря, перевод этого имени очевиден: Царь Иоанн Бог. Однако, разговор о миссии святого Иоанна Богослова в судьбе, жребии, коше России и Восточном Царстве Пресвитера Иоанна не только славянорусских, но и европейских преданий уведет нас слишком далеко...

Из боковой ветви Андрея Ивановича Кобылы — Шевлягичей — остановимся только на одном из них — старшем его сыне Тимофее Мотовиле, родоначальнике таинственного и отмеченно Свыше рода, из которого произошел

знаменитый ныне «служба Божией Матери и Серафимов» — Николай Александрович Мотовилов (1809-1897). Мы останавливаемся на родословии Мотовиловых, прежде всего, из-за особой миссии преподобного Серафима Саровского и Серафимо-Дивеевской обители в уже бывшем и, чаем, будущем жребии Русского Царства (между прочим, имя «четвертый удел» означает также и «четвертый жребий»).

В Алфавитном указателе первого отделения Министерства юстиции (1853) указано:

«Мотовиловы — дворянский род, происходящий, по сказаниям

древних родословцев, от Федора Ивановича Шевляги, родного брата Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника Царствующего Дома Романовых, а также Шереметевых и др. Один из сыгнелей Федора Шевляги, Тимофей Мотовило, был родоначальником Мотовиловых и Грабежовых. Никита Мотовилов (+1566) был дьяком. В XXII в. многие Мотовилы были стольниками и стряпчими. Род Мотовиловых разделился надве ветви, внесенные в IV и II части родословных книг Ярославской, Саратовской и Симбирской губерний» (М-43).

В указанной книге прослежено все родословие этого обедневшего,

когда-то княжеского, а затем дворянского, рода, многие представители которого отличились во время защиты Москвы в 1612 году. Иван Михайлович Мотовилов (+1774), кстати, был прапрадедом (через сына Николая Михайловича) Анны Андреевны Ахматовой, что позволяет только сейчас начать понимать многие ее строки, особенно из «Поэмы без героя»:

Я не то, что боюсь огласки...

Что мне Гамлетовы подвязки,

*Что мне вихрь Саломеиной
пляски,*

*Что мне поступь Железной
Маски,*

Я еще пожелезней тех...

*Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?*

*Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и
баснословной.*

Николай Александрович
Мотовилов, родившийся от брака
Александра Ивановича Мотовилова
(+1816) и Марии Дурасовой, сам
имел пятерых дочерей и
единственного сына Ивана,
родившегося в 1855 году и женатого
на Раисе Сапожниковой. Дата
кончины неизвестна.

Интересно, что другая ветвь
Мотовиловых породила толстовцев и

марксистов. Как похоже это на судьбы известных нам по сказаниям и сказкам «королевичей, лишенных наследства»...

Одна из последних представительниц этой ветви Софья Михайловна (кстати, сотрудница Н.К.Крупской) писала: «Все они были яркие, независимые люди, но было что-то трагическое во всех них, было это трагическое и в моем отце».

Среди родовых преданий Мотовиловых есть и еще одно, излагаемое известным церковным писателем С.А.Нилусом на основании рассказа вдовы Н.А.Мотовилова Елены Ивановны и

сестер Серафимо-Дивеевской
обители. Текст С.А.Нилуса
полностью воспроизведен в
современном сборнике «Серафимово
послушание», составленном
А.Н.Стрижевым. Нас в данном
случае интересуют отдельные его
части:

«В семье Мотовиловых между
теми, по крайней мере, ее членами,
кто еще до сих пор дорожит
семейными воспоминаниями, в
глубине колыбели ее зарождения
возникло и до сих пор держится
предание, что родоначальником их
был выходец из Литвы князь
Монтвид-Монтвиль. Простой народ
переделал эту фамилию на свой лад

и прозвал чужеземца „Мотовило“, и под таким прозвищем он стал своим, уже русским человеком. От этого корня пошел русский род Мотовиловых [...] Проходя послушание на просфорне [Саровской обители], Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но как-то раз, утомившись от непрерывной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший вореки его намерениям всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича. Едва успел задремать саровский послушник, как вдруг увидел, что в просфорню

входит святитель Николай и говорит: „Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем — он будет нужен Богу. Я — святитель Николай и назначен был покровителем мотовиловского рода. Имя я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвиль, служил в войске Дмитрия Донского. В день куликовской битвы татарский богатырь, поразивший воинов-иноков Пересвета и Ослябю, ринулся было с мечом на самого Великого Князя, но Монвид грудью своей отразил

направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка, и пронзил бы он и самого твоего предка, но я ослабил силу удара и рукой Монвида поразил татарина насмерть“. Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто, и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому было дано имя Николай. Это и был наш Николай Александрович Мотовилов».

Царский потомок, которого

петербургское чиновничество, состоявшее из выслужившихся при Екатерине II «дворян», не допускало до царствующего Императора, объявляло «святошей» и «помешанным»...

Приходится признать, что упоминание князей Монтвида и Монтвиля в летописях не вполне совпадает с московским Тимофеем Мотовилой. Поэтому выявление тождества (или различия) требует также и лингвистической работы, которой мы намечаем здесь лишь первую веху. Важно еще раз напомнить — одни и те люди носят разные имена по-славянорусски, по-жмудско-жемайтски и на

европейских языках, достаточно широко употреблявшихся на русском Северо-Западе. Нам в этом случае не может помочь «фонетическая кабала». Однако, обратимся сперва к летописям. Так, Летописец Великого Князьства Литовского и Жомоицкого (Летопись Красинского) рассказывает о том, как «рожаи (роды) наивышние» разделили меж собою балтийское побережье по смерти князя Кернуса:

«А по нем нача княжити на земли Литовьской тот зять его с Китоврасу именем Кгирус, а Кгинбут на Жомоитской земли. И пануючи Кгибуту на Эмоити, умре, а сына свои Монтвила зоставить на

Жомоитском князьстве. И Монтвил много кнжил на Жомоити, а имел двух сынов, одного Немоноса, а другого Скирмонта [...] И часу панования Кунасова повстав царь Батый пошел на Рускую землю, и все землю Рускую звоевал, и князей русских многих постинал, а иных в полон повел, и столец вседе Руское земли город Киев съжог пуст вчинил [...] А в тот час доведася князь великий Монвил Жомоитский, иже Руская земля спустела и князи рускии разогнаны, и он, давши войско сыну своему Скирмонту, и послал с ним панов своих родных [...] И потом умре князь великий Монтвил, и по нем сел на великом

княжении Жомоитском сын его Немонос. А с панов его 3 Кгровъжа (Рожа) родился Монвид [...] И по нем начнет княжити Кгирус, князь литовский, который вышел с Китоврасу, обема тыми княженъи, Литвою и Жомоитию».

Примерно то же самое рассказывает и параллельная Летопись Рачинского. В это время — а речь идет о периоде на два столетия раньше Куликовской битвы, как мы видим, Монвид (или Монтвид) и Монтвил — разные князья, хотя и происходившие от трех близких «высших» родов, один из коих прямо именуется Китоврасовым. Ко времени же Куликовской битвы

семейства Монтвила и Монтивида вполне могли соединиться (точнее, воссоединиться). Но летописи знают и другого Монтвида — так звали одного из Гедиминовых сыновей, однако в Родословии Великих Князей Литовских прямо сказано, что он был бездетен, а, следовательно, к Тимофею Мотовиле никакого отношения не имел. Значит, речь не идет о Гедиминовичах. Читая Гермогеново Родословие Великих Князей Литовских, можно прийти к выводам, гораздо более интересным:

«В лето 6636 приде на
Полотские Князи на Рогволодичи
Князь Великий Мстислав
Владимирович Манамах

Смоленский и Полотск взял, а
Рогволодичи забежаша в Царьград
(! — В.К.) Литва же в то время дань
даяше Князем Полотским, а владомы
своим Гетманы, а города Литовские
тогда, изъ суть ныне за Кралем
Польским, обладаны Князьми
Киевскими и Черниговскими, а иные
грады Смоленскими и Полотскими
Князьми. И от того времени Вилна
приложися дань даяти Кралю
Угорскому за страхование Великого
Князя Мстислава, и Вилняне из
Царяграда Князя Ростислава
Рогволодовича детей Полотского
Князя Давила да брата его Молковда
Князя, и тот на Вилне первый князь
Давил, Князя Молковда больший

брат; а дети его Вид, его ж людие волком звали, да Князь Ерден [...] А у князя Молковда сын Князь Миндвот (Монтвид — В.К.) А у князя Миндовта — Князь Вышлег (кабалистически это и есть Шевляга или Шевлега) да князь Дамант».

Какие сведения сохранили нам документы о Великих Князьях Полоцких?

«И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, овому Белоозеро. И по тем городом суть находницы варязи, а перьвии насельницы в Полотьски кривичи», — гласит Начальная летопись. Первый известный князь Рогволод (ок.960-980) — один из

ближайших родственников Рюрика и, согласно летописи, «пришел из-за моря». (Напомним, что одно из значений имени Меровинг и означает «пришедший морем», Меровой или Меровех — «морской путь»). В числе ближайших родственников Рюрика он сел на один из крупнейших столов северо-восточной Европы, как, например, Олег, сын Олега Вещего, стал первым Князем Моравским, создателем государства Моравия, которое в средневековых летописях именовалась Меровия. История убийства Рогволода в 980 г., связанная с насильственной женитьбой Владимира Святославича,

(будущего Владимира Святого) на дочери его Рогнеде довольно загадочна. Владимир, двигаясь из Великого Новгорода в Киев, взял Полоцк. Встретив отказ дочери Рогволода Рогнеды, считавшей себя более высокородной, нежели сам Владимир, а, возможно, и по причинам, связанным с неясным происхождением матери его, дочери «Малха Любечанина» («Не хочу разути робичича»), Владимир убивает Рогволода, его жену и двух сыновей, а дочь Рогнеду берет себе в жены. Между прочим, по некоторым сведениям, Рогволода и его семью убил не сам Владимир, а именно «уй» его — дядя по матери, все тот

же знаменитый Добрыня Малхович. Интересно, что дореволюционный автор истории Полоцкого княжества В.Е.Данилевич высказывает осторожное предположение, что Рогнеда была «ревностной христианкой» (в монашестве, после крещения Владимира — Анастасия) еще и до 988 года, что вполне увязывается с тем, что мы говорили выше, — сам Рюрик и многие пришедшие с ним были христианами. В этом случае первоначальный отказ Рогнеды становится еще более понятен. Так или иначе, но за восемь лет у Рогнеды рождаются четверо сыновей-Владимировичей:

Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав. При делении своей земли на двенадцать уделов Владимир отдает Полоцк сыну Изяславу, Русу-Меровингу по двум линиям — Рюриковичей и Рогволодовичей. С тех пор более ста лет, как сказано в Лавреньевской летописи, «меч взимают Роговоложи внуцы противу Ярославлим внуком». Один из них, Всеслав Вещий, упоминаемый в Слове о полку Игореве, строит в Полоцке собор Святой Софии. В советской историографии его представляли обычно как язычника, колдуна-волхва, ссылаясь на его способность «оборачиваться волком». Нам здесь все

представляется сложнее. Древнее Православие, причастное божественным энергиям, зачастую выражало абсолютно христианскую истину в виде таких, например, форм, как средневековый бестиарий. Да и вообще, правильно ли мы понимаем сказанное в «Слове...» о Всеславе:

«Всеслав Князь людем судяше, Князем гряды рядше, а сам в ночь вльком рыскаше; из Киева дорискаше до Кур Тмутороканя; великому Хрсови веком путь прерыскаше».

О «языческом» ли Хорсе здесь речь? Не является ли Хрс простой огласовкой Имени Христова, до сих пор сохраняющейся на наших иконах

в виде ИС ХС? Эта проблема, скорее, для исследователей «Слова». Нам здесь важно другое. В 1127 году Полоцкие князья, потомки Всеслава (все Изяславичи) были отправлены в «почетную ссылку» в Царьград.

"Ссылка Полоцких князей в Царьград является финалом их вековой борьбы с киевскими князьями, — писал В.Е.Данилевич. — Вскоре после этого Мстислав Владимирович (сын Владимира Мономаха) скончался, а его преемники уже не имели возможности заниматься собиранием русских земель [...] Поэтому полоцкие князья, возвратившись из Царьграда, беспрепятственно заняли

свои места». И далее: «Вообще, судьба сосланных князей покрыта мраком неизвестности. Под 1140 г. есть известие, что два полоцких княжича возвратились из Царьграда, но летопись не сообщает их имен».

По— видимому, это и есть переименованные на жмудско-жемайтский лад Давила и Молковд - чистокровные Рюриковичи, славянорусских имен которых мы, увы, не знаем. Таким образом, князь Молковд (Рюрикович и Рогволодович одновременно, то есть прямой потомок «Руси Мироевой») оказывается женатым (опять женская линия!) на некоей царевне из Вейдевутова потомства. В этом

случае Шевляга-Кобыла (это одно фамильное прозвание, хотя об Андрее Кобыле летопись вроде бы не упоминает, но таких «ошибок» в летописях всегда достаточно) сам оказывается Рюриковичем, да еще и Рогволодовичем, но «запасным» (кощеем). Эти кощеи и описаны в официальной Русской летописи (а жемаитско-латышские источники называют их потомками Видвута или Вейдевута). Более того,

«А другой князь Миндовтов сын Князь Домант иде во Псков на другое лето, и княжити нача во Пскове и крестится, и наречен бысть во святом крещении Тимофей».

А ведь это не кто иной, как

святой князь Довмонт (Тимофей) Псковский, один из самых почитаемых в Русской Церкви святых того времени! Учитывая хронологические и номологические ошибки и паутаницу (иногда нарочитую), характерную для летописей, мы также можем (с известной степенью осторожности) предположить, что род Тимофея Мотовила идет и от этого святого Князя.

Обратим внимание (в свете широкого бытования европейских языков в Северо-Западной Руси) на старофранцузский перевод: Montvide — Montville = Широкая Гора — Гора-Град (Город). В свете средневекового

мышления и его символики речь могла идти в данном случае только о баснословной (хотя и вполне реальной) горе Монсальват, хранившей Святую Грааль. Или просто о символической Чаше (Гавше, Коше) с Царской Кровью (Sang Royal или Sang Real = San Graal).

В любом случае, с большой степенью вероятности достоверно предположение, что Кобыличи, то есть Романовы, Колычевы, Мотовиловы, Шереметевы и др. несли в себе как Рюрикову и Рогволодову (то есть троянско-нордическо-меровингскую, восходящую еще и к Святому

Владимиру), так и славяно-литовско-жреческую кровь Криве-Кривейте: солнце и луну, сердце и главу, мужское и женское начала. Вот почему дальний (и боковой) потомок Мотовиловых Анна Ахматова писала: «род мой солнечный (Рюриковичи и Рогволодовичи) и баснословный (Вейдевутовичи-Кобыличи — В.К.)». В любом случае подлинное единство (во всех противоположностях) Рюрико-Романовской династии оказывается вероятным в очень высокой степени. В этом случае знавшие о династической трагедии Иоанна IV просвещенные и посвященные люди («Избранная Рада»), к которой принадлежали

Митрополит Макарий, дворянин Адашев и протопоп Сильвестр, сами приводят молодому правителю прямую наследницу Кошкиных-Захарьиных Анастасию Романовну во исполнение завета Симеона Гордого, сына Иоанна Калиты (чье прозвание также означает Чаша!) сохранять Царский Род, «дабы свеча не погасла». Тогда совершенно ясно, что по смерти Царицы терзаемый ужасом Иоанн Грозный начинает уничтожение не столько предполагаемой родни некоего будто бы существовавшего сына Соломонии Сабуровой, сколько бояр-Кобыличей, из которых наиболее известны и опасны тогда были

Колычевы, в их числе святой митрополит Филипп, замученный с особой жестокостью. Знаменательная нерукотворная символика мученичества святого Филиппа — к нему в яму был брошен специально обученный свирепый медведь, которого через несколько дней обнаружили мирно лежащим у ног Владыки — и Малюта Скуратов умертвил их обоих. «Грозный Царь Иван Васильевич» уничтожал именно Царские Роды, некоторые из которых, как, например, Мотовиловы, уходят в нети, умудряясь сохранить память о своем происхождении только в семейных преданиях и скупых строках

родословцев.

В связи с «уходом в нети» очень интересным представляется истолкование слова нети, предлагаемое А.Г.Дугиным:

«В обычном случае формула конца цикла на санскрите звучит как „нети“, что логически подразумевает „не то, не то“ — „не одно, так другое“, „не то — конец того“. Эсхатологический же аспект выражен, напротив, формулой „нет, нет“, т.е. „ни то, ни то“ („ни одной, ни другое“). И здесь следует заметить, что в реальности за обнаружением апофатического Принципа в конце какого-то цикла мгновенно следует начало нового

цикла, сокрытие этого Принципа».

Мы вынуждены здесь отметить, что предположение академика А.Т.Фоменко (как бы ни относиться к его хронологическим изысканиям) о том, что именно Романовы причастны к уничтожению старинных летописей и фресок Московского Кремля, в частности, Древа Иессеева, нелогичны — у них просто не было в этом нужды. «Темный лик» романовского рода проявился позже — когда второй его представитель, планомерно уничтожая древнее Православие Третьего Рима, отворил затворенное до времени кровавое наследие Криве-Кривейте. Благословение

стало проклятием. А пока что действительно имевшую место «перестройку» мы вынуждены с первой половины XVII века отодвинуть на несколько десятилетий назад — в любом случае и при «глобальной хронологии». Первой попыткой «демократизации» России был поход Добрыни — под видом борьбы за веру! Об этом мы писали в «Руси Мироевовой». Второй попыткой была опричнина. При этом мы настаиваем, что в обоих случаях речь шла именно о демократизации в прямом смысле слова, то есть уничтожении Царского Рода и аристократии, всеуравнивании и «упростительном всесмешении»

(пользуясь терминологией К.Н.Леонтьева). Между прочим, вспомним, что апогеем опричнины был поход Иоанна Грозного на Новгород, почти в точности повторяющий поход Добрыни. В.С.Передольский, рассказывая о разрушенном новгородском дворце Андрея Кобылы, писал:

«Новинкою называлась обширная площадь между Детинцем и земляным меньшим городом, очищенным от построек для сооружения на ней дворца для Ивана Грозного (выделено мною — В.К.), тут оставалась только упомянутая церковь Нерукотворного образа. До сноса построек здесь лежала улица

Добрынина и, предположительно, Кобыля. В сооружении дворца отражается высказанное мнение об улице Кобылей. Если Андрей Кобыла был родоначальником Романовых, то Царь Иван Грозный, породнившись с ними женитьбою на Анастасии, мог считать древнюю усадьбу потомка латышских царей наследственной собственностью жены своей».

Мы полагаем иначе. Ко времени новгородского похода Царицы Анастасии уже не было в живых. Позади были «Избранная Рада», введение земского самоуправления, «собор примирения», «и взятие Казани и Астрахани плен». Память

об истинном (хотя и «запасном», «кощеевом») Царском Роде следовало уничтожить, что и было сделано. Не забудем и того, что другой город, который, как и Новгород, был razoren Иваном Грозным дотла, а жители его почти все уничтожены или переселены, был Полоцк! Совпадений много, слишком много! Что же до дворца, то Иоанн полагал его сломать и воздвигнуть на том же месте новый дворец — для себя. Так рушат дворцы и храмы, чтобы на прежнем месте воздвигнуть новые, часто неотличимые внешне, — дабы стереть память об истинных хозяевах и созидателях и возвысить новых. Читающий да разумеет.

КЛЮЧ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Опубликованная ныне (в том числе в сборнике «Россия перед Вторым пришествием») подлинная Присяга Дому Романовых 1613 года, ограничивающая требование верности конкретной ветви Единого Царского Дома самим Михаилом Феодоровичем и его сыном, позволяют нам считать не запретным возможные отступления от «официозно-романовской» историографии синодального (петербургского) периода и дают большую, чем прежде, свободу для

рассмотрения «Династического вопроса» в самом широком смысле, полагая, однако, незыблемым сам принцип династической легитимности в его целом. Более того, в отличие и от официозно-синодального «юридизма», и, тем более, от конституционно-демократического фетишизма, мы стремимся к возведению династического права (и шире, всей соответствующей философии права) на онтологический уровень. Следуя за Л.А.Тихомировым, мы считаем возможным и необходимым еще более обосновать его выводы, исходя из некоторых не только правовых и исторических, но и онтологических

предпосылок. Мы, по сути, уже говорили о них. Но теперь следует обозначить их кратко и внятно.

Первая. Царь земной есть «образ одушевлен Самого Царя Небесного» (Преп. Максим Грек).

Вторая. Царский Род есть продолжение во времени одного и того же Царя, избранного в Превечном Совете Пресвятой Троицы и дарованного Богом на земле в эоне. Царство земное — проявление эонического Царского предызбрания. Вселенский Патриарх Антоний писал к Великому Князю Московскому Василию Димитриевичу так:

«Нет ничего хорошего, если ты

говоришь: мы имеем Церковь, а не Царя. Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя. Ибо Царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга. Послушай верховного апостола Петра, говорящего в первом соборном послании: Бога бойтесь, царя чтите, не сказал „царей“, чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но „царя“, указывая на то, что один только Царь во вселенной».

Царский Род и есть этот «один только Царь», длящийся во времени; верность этому Роду не может зависеть от человеческих качеств и

политики как бы сменяющих друг друга его членов.

Религии, строго разделяющие Творца и Творения (то есть иконоборческие или иконоотрицающие), такие, как ислам и талмудический иудаизм, в принципе делают Царство невозможным. Единственно легитимным в рамках этих религий могут быть только радикальное государствоотрицание или же теократия в республиканской форме. Причем ислам и иудаизм находятся в совершенно разном бытийном положении. Исламская республика типа современного Ирана, государство абсолютно легитимное

sui generis. В то же время ожидаемый талмудистами «машиах», мыслимый как царь, невозможен в принципе, если подходить к нему с точки зрения самого иудаизма: потому-то его приходится рассматривать исключительно в христианской оптике как антихриста, «вместохриста». В свою очередь, в языческом мире, основанном на признании некоей «предбожественной реальности», возможны только «цари» как физические потомки богов — проявлений этой «предсущностной бездны». Православное христианство, основанное на единстве обоих Заветов, — Первого и

Нового — исходит из совершенно
иных, вечных, но и вечно новых
проявлений божественных энергий.
Царь есть Божий Возлюбленный
(именно так переводится имя
царепророка Давыда) и как
Возлюбленный потенциально
бессмертен в единстве с Любящим.
При этом сами основы Царского
Чина и Царского Рода укоренены в
недрах Пресвятой Троицы как
первообразы того Божественного
Эроса, который в славяно-русском
(т.е. Богоцарском) языке объемлется
словом любви (во множественном
числе).

Согласно Священному Писанию
и Преданию, первочеловек

(«гласоимный», или MEROIS) Адам, до падения нарицающий имена «всей твари», и есть Первоцарь и первообраз Царя Царей. Падение его и проистекающие из этого падения смерть и время соделывают необходимым земное царство как образ Царствия вечного (Божия) и Царства эонического (Царства первого Адама, нарицающего имена тварей). Святой Григорий Нисский писал:

«Подобно тому, как в этой жизни мастера каждому орудию придают вид соответственно надобности, так и наилучший Мастер сотворил нашу природу как бы сосудом, нужным для

царственной деятельности (энергии),
устроив чтобы и по душевным
преимуществам, и даже по
телесному виду она была такая, как
требуется для царствования [...] Ибо
как принято у людей, чтобы те, кто
пишет образы державных,
воспроизводили бы черты облика и
обозначили бы царское достоинство
облачением в порфиру, так что и
образ обычно называется „царь“, —
так и человеческая природа,
поскольку приуготовлялась
(выделено нами — В.К.) для
начальствования над другими через
подобие Царя всего, стала как бы
одушевленным образом,
приобщенным первообразу и

достоинством, и именем».

Речь идет именно о первоначальном, не падшем естестве человека, которое во времени архетипически и иконографически воспроизводится в природе Царя и Царского рода. Архимандрит Киприан (Керн) задает вопрос и отвечает на него:

«В чем же усматривает с.Григорий тайну Триипостасного Божества в нашей природе? [...] Во-первых, тайна Св.Троицы символически прообразуется в трех прародительских Ипостасях, т.е. в Адаме, Еве и их сыне».

В связи с этим архимандрит Киприан приводит выдержки из

сочинений святого Григория Нисского, чрезвычайно важные в свете нашей проблематики:

«Адам, не имеющий тварной причины и нерожденный, есть пример и образ не имеющего причины Бога Отца, Вседержителя и Причины всего; рожденный сын Адама предначертывает образ рожденного Сына и Слова Божия; а происшедшая от Адама (но не рожденная от него) Евва знаменует исходящую ипостась С.Духа. Потому-то Бог и не вдует ей дыхание жизни, что она является примером (типом) дыхания и жизни Св. Духа, и что она имеет через Св.Духа воспринять Бога, Который есть

истинное дыхание и жизнь всех».

И далее:

«...нерожденный Адам не имел среди людей другого, подобного ему, нерожденного и не имеющего причины; точно так же и нерожденная, а происшедшая Евва, т.к. они истинные примеры нерожденного Отца и Св. Духа; тогда как рожденный сын их имеет среди всех людей настоящих рожденных сынов, братьев, подобных ему, ибо они образ и примерное подобие Христа, рожденного Сына».

В свете изложенного мы легко можем видеть проступающую сквозь раздробленность исторических фактов характерную аналогию,

точнее, «иконологию». Исходя из единства Царского Рода как Руси (изначальной Сурии или Сирии, или державы Рош-Реш) — а мы убедились, что замечания многих авторов о единой Рюрико-Романовской династии, по-видимому, справедливы, — «вторая раса» является как бы отображением царской избранности первой, Рюриковичей, но также и восполнением и исполнением. В княжатах Решских — Кобыличах — присутствует (через линию Полоцких князей, по крайней мере) Рюрикова кровь, то есть оба эти рода единокровны, единопородны, но различны, «раздельно-нераздельны»,

вторая раса как бы исходит из первой, «изводится» из нее.

Эти аналогии простираются еще дальше — если «Рюрик» означает «сокол», то Царицу Анастасию именовали «голубицей», кстати, прежде всего сам Иоанн IV, чьего художественного дара и чуткости к символике отрицать невозможно. Мы обращаем внимание на настойчивую, нерукотворную закономерность: в моменты династической, да и просто исторической неустойчивости, на изломах, «помощь» приходит именно через женскую линию потомков Вейдевута, в дохристианской древности проявлявших отчетливые черты именно женских проявлений,

в то время как Рюриков род — начало сугубо мужское. Между прочим, по сведениям В.С.Передлольского, Криве-Кривейте совершали свои жертвоприношения в женском одеянии (что только подчеркивает их связь с невинно проливаемой жрецами кровью — *menstrui mundi*). Разумеется, речь здесь идет о безднах тайны беззакония, но христианское освящение через Таинства Святой Церкви способно не только смывать следы этой тайны, но и придавать питаемому этой жертвенной кровью бытию совершенно новое измерение. Не случайно преподобный Иосиф Волоцкий писал в «Просветителе»:

«...и как в древности Русская земля всех превзошла своим нечестием так сейчас, словно на золотых крыльях взлетев на небеса, она всех превзошла благочестием». Понятно, что в этом случае древний архетип, сколь бы осуждаем он ни был с точки зрения современной морали, оказывается паримическим, прообразовательным. И в этом смысле «вторая раса» Русских Царей предстает совершенно иначе, чем узурпаторы-Каролинги, «вторая раса» французский королей, разорвавшая династическую цепь, но совсем противоположным образом — как дополняющее мужское, царственное начало вторым,

женским связующим. Здесь поразительно даже совпадение по именам. Далеко не во всем разделяя взгляды В.С.Соловьева, высказанные им в его книге «Россия и Вселенская Церковь» (более того, отвергая его католические симпатии), мы тем не менее позволяем себе привести его толкование на Книгу Бытия, совершенно неожиданно открывающую тайну Имени Царского Рода. Кстати, по духу и смыслу этот отрывок не только не римокатолический, но даже, скорее, антикатолический. Остается лишь удивляться сочетанию церковно-политической «латинофилии» Соловьева и принципиально

«антифилиоквистской» природе его метафизики и онтологии. Речь у философа идет о первом стихе Бытия — "Bereshit bara Elokhim»:

«Берешит — или, вернее, — *in principio, seu potius in capitulo* (в начале, или, вернее, во главе) [...] Таким образом, вечная Премудрость и есть решит, женское начало, или глава всякого существования, как „...“ Элогим, Триединый Бог, есть рош, его активное начало, или глава. Но согласно Книге Бытия, Бог создал небо и землю в этой решит, в Своей существенной Премудрости. Это обозначает, что сказанная Божественная Премудрость представляет не только

существенное и актуальное
всеединство абсолютного существа
или субстанцию Бога, но и содержит
в себе объединяющую мощь
разделенного и раздробленного
мирового бытия. Будучи
завершенным единством всего в Боге,
она становится также и единством
Бога и внебожественного
существования. Она представляет,
таким образом, истинную причину
творения и его цель — принцип, в
котором Бог создал небо и землю.
Если она субстанциально пребывает
в Боге (выделено нами — В.К.), она
действительно осуществляется в
мире, последовательно воплощается
в нем, приводя его к все более и

более совершенному единству. Она
есть решит в начале — плодотворная
идея безусловного единства, единое
могущество, долженствующая
объединить все».

Это написано о миротворении.
Но обратим внимание на имена —
Рош и Решит. Замечательно, что
исследования, основанные на
гебраистике, вполне совпадают
также и с современной
расшифровкой пеласго-этресского
корнесловия, проделанного
современным физиком и лингвистом
Г.С.Гриневичем. «РУ — „красота“
(красивый, прекрасный, красный). К.
с. РУ СЬ — это (СЬ) прекрасно (РУ)!
О чем думал Ф.М.Достоевский, когда

писал, что „красота спасет мир“? РУ
БИ НЪ — изначально (НЪ) двойная
(БИ) красота, т.е. прекрасный и
красного цвета. РЪ — „горение
(гореть — уничтожаться огнем,
сверкать, блестеть, испытывать
высокое чувство; преть или гнить
(разлагаться), нагреваясь — гниль“.
К. с. ГА РЪ (выгоревшее место в
лесу) — площадь, место (ГА)
горения (РЪ); господство (ГА)
уничтожающего огня (РЪ); РЕ —
„редкость (редкий — не густой, не
плотный; редкий — не часто
встречающийся, редкостный)“. К. с.
РЕ ШЕ ТО — то (ТО) высшая оценка
(ШЕ) редкости (РЕ) [...] РЕ —
"рассеивание (рассеянный —

посеянный, расположенный на большой расстоянии, пространстве и т.д.; рассеянный — невнимательный и т.д.) „[...] РО — рост [...], род“. К. с. прасл. „росы“ — самоназвание этрусков; зафиксировано в этруских письменных памятниках (V в. до Р.Х.). РО СЫ — сущие, истинные (СЫ) представители Рода (РО) человеческого; рус. „рой“ — семья пчел (родовой знак Царского Рода, прежде всего Меровингов — В.К.). РО И — Его (т.е. Бога) (И) Род (РО)».

Интересна и расшифровка древних значений этих слов-словов, даваемая Г.С.Гриневичем:

«Рискуя (РИ) Рысичи (РЫ) писали красоту (РУ), Уничтожая (РЪ)

гниль (РЬ) редчайшего (РЕ)
рассеянного (РЕ) все возрастающего
Рода (РО)»

Но ведь именно таково
натурфилосовское взаимодействие
огненного и влажного, солнечного и
лунного, мужского и женского, Рош и
Решит!

А теперь вспомним, что Рош —
это Русь Мироеева, Рюрикрва,
«первая раса», а решит — «княжата
Решские», от которых, по словам
князя Курбского, и произошел
Андрей Кобыла. Сама история
выступает как Теофания, как Икона.
Неожиданный смысл обретают также
замечания о «менестрелях Мурсии» и
«менестрелях Морвана», причем, в

отличие от католической Европы, русско-православный мир находит адекватную формулу из взаимоотношений, вытекающую из образа их ипостасной природы Троического мироустроения. А связующее звено двух родов — Жена, Царица, Воскресшая (Анастасия)... А далее — суровое предупреждение «боголюбцев», которое вполне укладывается в выраженную словами инвективу: если она субстанционально пребывает в Боге, она действительно осуществляется в мире! А если нет? Логика — Православный Царь versus Криве-Кривейте — неумолима: Святая Евхаристия versus кровавая жертва

царского сына. Воскресение versus цареубийство. Мы, действительно, возвращаясь к Жану Робену, сталкиваемся с «венедско-венерианским» наследием «в двух его аспектах — благословенном и проклятом». Характерно, что именно так и воспринимали династию Романовых в русской истории — для одних (синодальных историографов) она изначально благословенна, для других (прежде всего, старообрядцев) — изначально проклята. Следует ясно и недвусмысленно признать, что в данном случае правы и те, и другие. Эта двойственность, текучесть слышна и в самом имени Романовых, таинственно выплывающих из

острова Романове или Ромове: в нем звучит все то же имя Мораны или Марены, Марева, но также и Мора, Мавра — dark side of the moon — но и amor. Огласовка РМНВ зеркально отображает МРВН -Меровинг. Знаменательно, что приходу Романовых на престол предшествовало жестокое убийство «воренка», сына Марины Мнишек (опять кровопролитие и опять царское, ведь Марина, как бы ни относиться к ней, была венчана на царство!). В имяотрицании родовой грех грехом же и попирается, взыска, вопия о покровении его сенью законной, послушанием Церкви, канону и старине.

Исполнение церковного закона во всей его полноте и даже букве для Романовых (что не было для Рюриковичей столь актуально) приобретало совершенно иной смысл, чем для любой другой Царствующей династии. Если Рюриковичи, как писал к ним Киевский митрополит Иларион, (преп. Никон Киево-Печерский), крестясь, уже ходили в благодати, то для «второй расы» требования закона (разумеется, Православного) обретали, также и ввиду эсхатологической природы Династии, как Царствующей, начавшейся (и, быть может, должной окончиться, что отчасти и

исполнилось в 1917 г.) Михаилом, Архангелом Закона, значение большее, нежели простое личное благочестие.

«Живот и смерть пред лицом вашим, благословение и клятву: и избери живот, да живеши ты и семя твое, люби́ти Господа Бога твоего, послушати гласа Его, и прилепитися к Нему: яко сие живот твой, и долгота дней твоих, жити на земли, ею же кля́тся Господь Бог отцем твоим, Аврааму и Исааку и Иакову, дати им» (Втор. 30, 15-20).

Именно это и не исполнил Алексей Михайлович, сначала инициировав губительную церковную реформу, а затем

незаконно отстранив законного (хотя и осуществлявшего реформу) Патриарха. И если на Михаиле Феодоровиче исполнялось благословение Рода, то на сына Алексея Михайловича, Петра Великого, со всею неотменимостью обрушилось проклятие. Это также следует признать ясно и недвусмысленно, одновременно столь же ясно и недвусмысленно признавая все имперостроительные и военные заслуги Петра. Издав свой так называемый Указ о престолонаследии, по которому Царь отказывался от древнейшего, еще салического, закона о переходе Престола от отца к сыну, он сам же

исполнил свой Указ в наиболее радикальной форме, убив собственного сына, Цесаревича Алексея Петровича, при этом не передав Престола никому. Причем царь-цареубийца, исполняя цареубийственный указ, по сути, приносит «строительную жертву» в основание создаваемого им земного града, то есть, архетипически совершает древнее совершавшееся его предками — Криве-Кривейте.

Дерзнем высказать следующее предположение. Военные, хозяйственные, дисциплинарные и прочие преобразования к концу XVII столетия были необходимы, ибо без них Россия разделила бы судьбу

Индии, по-видимому, превратившись в колонию Британской Империи (при этом «бытовое Православие» и московский уклад для «русских аборигенов» мог бы быть и сохранен. Разумеется, дабы избежать этого, следовало делать все, что делал Петр Великий в конкретных областях. Также необходимо было и движение на север и северо-запад, к истокам единого Рюрико-Романовского Рода. Однако (по разным, в том числе и личным, причинам) Петр Великий понял стоявшую перед ним реальность как формулу «или реформы, или Православие», в то время как она выступала на самом деле в виде совершенно

противоположной формулы «и то, и другое» (так в свое время еще при Алексее Михайловиче рассуждал крупнейший дипломат Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин). Также, по-петровски, но только с обратным знаком, рассуждали и противники Преобразователя, вплоть до его собственного сына. Отступление Петра Великого, как и ранее Алексея Михайловича, от исполнения всех Правил и Постановлений Вселенских соборов и заветов святых отцов Церкви привело также и к искажению «геополитической оптики» первого Российского Императора. Место для новой столицы выбрано было

неудачно, более того, глубоко ошибочно. По-видимому, следовало бы не заново строить Петербург, но восстанавливать древний Словенск-Гардарику, хотя и с морским портом на месте нынешнего Петербурга, там, где, собственно, во времена Словенска-Гардарики и размещался морской порт Водин. Более того, именно исходя из природы Романовской ветви Царского Рода («решит»), следовало бы соделать главным храмом Русского Царства Святую Софию Новгородскую, как это и было при первых Рюриковичах. Тем самым Романовы исполнили бы свою изначальную миссию «княжат Решских» — пребывая иконой (как

всякий Царь) соединить в себе «раздельное и раздробленное мировое бытие», создав «единое могущество, долженствующее объединить все». В этом случае Белый Патриарший Клобук вернулся бы в Новгород (Словенск), столицей Царей могла бы стать Русса, а «окно в Европу» «прорублено» через морской порт Водин. Это и стало бы осуществление идеи Третьего Рима как Русско-Царской земли в ее целом.

Между прочим, чрез исполнение закона неотменимо осуществились бы также и чаяния благодати — голубка над куполом Св.Софии Новгородской есть не что иное, как

Символ Святого Духа — Roakh. В этом и заключалась историческая миссия Романовых-«княжат Решских» — сопрячь разрозненные звенья русской истории, открыв путь к ее подлинному обновлению (renovatio) — как духовному, так и государственному. Однако, исполнена она не была — и прежде всего уже на начальном ее этапе (Никон — Алексей Михайлович). А потому вместо восстановления Великого Словенска возник «незрелый плод Славянства — Петербург» (М.Волошин).

Далее, вплоть до Императора Павла, как писал В.О.Ключевский, «никогда в нашей стране, да,

кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии». Что могло означать в этом случае сохранение за новыми, часто просто возводимыми на Престол гвардией Императорами имя Романовых?

Для понимания всей глубины и трагизма «Романовской» проблематики в XVIII-XX веках, во многом определившей и исторические судьбы самой России, нам придется обратиться к философскому наследию инокa Андроника (А.Ф.Лосева), а именно к его изысканиям о имени и сущности.

«О слове мы можем говорить в

отношении любого предмета, — писал инок Андроник, — об имени же — только в отношении или личности, или вообще личностного предмета. Но тогда лучше противопоставлять не имя и личность, а слово и вещь; когда же мы говорим об имени, то его лучше противопоставлять сущности, ибо имя вбирает в себя от именуемого все его личные свойства и оставляет в нем лишь голую субстациональность, лишенную решительно всяких качеств. Итак, диалектика мифа может быть в целях простоты и однозначности сведена к диалектическому взаимоотношению сущности и имени [...] Но главным

образом и по преимуществу здесь будет иметься в виду перво-сущность, то есть та, которая изначала и сама по себе имеет такую диалектическую структуру».

И далее:

«Имя сущности присуще самой сущности по ее природе и существу и неотделимо от нее, будучи ее выразительной энергией и изваянным, явленным ликом. Но сущность сообщает себя инобытию, твари, чистому ничто [...] Тварь создается, то есть получает свое имя, от сущности, то есть от ее имени, и потому имя сущности и имя твари принципиально одно и то же».

Таковы наиболее общие

соображения инока Андроника, на языке «научной» философии выразившего основы учения Православной Церкви о именах, связанные прежде всего с опытом умного делания, исихазма. Рассматривая с этой точки зрения присвоение послепетровскими (может быть, кроме Елизаветы Петровны, которая, впрочем, по допетровскому правовому обычаю не могла наследовать Престола) Императрицами и Императорами инобытийного для них имени Романовых, мы не можем не прийти к выводу, что речь идет о подлинной катастрофе, сопоставимой с расколом, а затем с собором 1666

года и упразднением Патриаршества. Приведем в этой связи еще одно развернутое высказывание инок Андроника, по сути, проливающее свет на происходившее с «новыми Романовыми» — Голштин-Готторпской династией:

«Равным образом механисты никогда не поймут и подлинной природы имени, или слова, и не усвоят той колоссальной роли, которую я отвожу ему в социальной действительности. Что такое имя для позитивиста? Это механически закономерный комплекс звуков. А вот по-моему, имя вовсе не есть звук, имя вещи есть сила самой вещи. Поэтому я прямо утверждаю, что имя

неотделимо от вещи, что оно есть оформление самой вещи в ее объективном существовании (выделено нами — В.К.). Позитивисты и механизм, за которыми всегда кроется, с одной стороны, агностицизм, с другой — субъективизм, понимает имя как субъективно издаваемый звук, а вещь как вещь, в которой имя вовсе не есть момент в ней самой. Получается типичный для всякой абстрактной метафизики дуализм: вещи — сами по себе, без всякого имени, а имена (наши собственные звуки) — сами по себе. Такой дуализм есть удушение всякой социальной действительности, ибо всякая

социальная действительность предполагает, что между вещами, между всяческими субъектами и объектами всегда есть живое и разумное общение. Отрыв имени от вещей есть печальный продукт той ужасающей тьмы и духовной пустоты, которой отличается буржуазная Европа, создавшая один из самых абстрактных и бездушных типов культуры вообще».

Именно на буржуазный, то есть антииерархический, усредняющий, ростовщический характер отрыва имени от сущности указывает иннок-философ, и отсюда делаем вывод: переворот, совершенный в России «голштинцами» им временщиками,

открывшийся убийством последнего истинного Романова по мужской линии, вполне тождественен буржуазным революциям во Франции и Северной Америке. Но этот переворот можно в известном смысле назвать и самоубийством Романовых, по неумолимой логике отступления от Православия, ставшим еще одним жертвоприношением Криве-Кривейте.

Особым подвигом в этой связи приходится признать деяния Императора Павла, действительно начавшего все заново, с нуля. В нашу задачу не входит подробный рассказ об истинных родовых корнях

Императора Павла — это тема будущих исследований, которые мы надеемся провести. В данном случае довлеет упоминания, что Император Павел был воистину прообразом Последнего Царя во образ Мелхиседеков:

«Сей бо Мелхиседек царь Салимский, священник Бога вышняго, иже срете Авраама возвращшыся от сеча царей, и благослови его: емуже и десятину от всех отдели Авраам: первее убо сказуется Царь правды, потом же Царь Салимский, еже есть, царь мира: без отца, без матере, без причта рода, ни начала днем, ни животу конца имея: уподоблен же

Сыну Божию, пребывает священник
выну» (Евр. 7, 1-4).

Нам представляется, что все
Русские Цари после Павла — а их мы
вполне можем именовать Царями-
Павловичами — были Царями «Уже
исполнившихся сроков», Царями-
Искупителями, начиная с Александра
Благословенного — старца Феодора
Кузмича — и кончая Царем-
Мучеником Николаем П
Александровичем и его Семей.
Приняв на себя имя Рода Романовых,
они стали наследникамим всех его
«благословений» и «проклятий».
Пролитая Царем-Искупителем
жертвенная Царская Кровь стала не
только преображением кровавой

жертвы Криве-Кривейте, но и жертвой за всю кривду всех русских, то есть подданных руси, всех «царевых людей»...

В древних греческих книгах Лавры Преподобного Саввы Освященного русским монахом Антонием найдено предсказание, построенное на пророчествах Св.Отцов из греческих текстов:

«Последние времена еще не настали, и совершенно ошибочно считать, что мы у порога ПРИШЕСТВИЯ „антихриста“, потому что еще предстоит один и ПОСЛЕДНИЙ расцвет Православия, на сей раз ВО ВСЕМ МИРЕ — во главе с РОССИЕЙ. Произойдет он

после страшной войны, в которой погибнет не 1/2, не то 2/3 человечества и которая будет остановлена ГОЛОСОМ С НЕБА: „И будет проповедано ЕВАНГЕЛИЕ во всем мире!“ 1) Ибо до сего времени проповедовалось не Христово Евангелие, а Евангелие, искаженное еретиками. 2) Будет период всемирного благоденствия — НО НЕ НАДОЛГО. 3) в России в это время будет ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦАРЬ, которого ГОСПОДЬ явит русскому народу. И после этого мир опять развратится и не будет уже способен к исправлению, ТОГДА ПОПУСТИТ ГОСПОДЬ ВОЦАРЕНИЕ антихриста».

В 1930 году Архиепископ
Феофан Полтавский (1872-1940)
отвечал:

Вы спрашиваете меня о
ближайшем будущем и о последних
временах. Я не сам от себя говорю, а
сообщаю откровение старцев. А они
передали мне следующее:
пришествие антихриста
приближается, и оно очень близко.
Время, отделяющее от него, надо
считать годами и в крайнем случае
несколькими десятилетиями. Но до
пришествия антихриста Россия
должна еще восстановиться, конечно,
на короткое время. И в России
должен быть Царь, предызбранный
Самим Господом. Он будет

человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто. Будем ожидать исполнения открытого. Судя по многим признакам, оно приближается, если только по грехам нашим Господь Бог не отменит и не изменит обещанного. По свидетельству Слова Божия, и это бывает».

В связи с личностью Последнего Царя высказывались и высказываются различные суждения. В наиболее общем виде их обобщил и изложил составитель сборника «Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии» (М. 1994) С.Фомин следующим образом:

«О происхождении последнего Царя высказываются противоречивые суждения. Одни утверждают, что будет он от Рода Романовых, другие обращают внимание на слова владыки Феофана Полтавского — предызбранный Самим Господом».

Сам архиепископ Феофан, бывший духовник и сотаинник Царя-Мученика, уже находясь в изгнании, много раз возвращался к разговору о Последнем Царе, и мы можем, зная о святости его жизни, высокиз дарах и близости к Царскому Дому, доверять его словам (разумеется, с поправкамим на политические позиции их излагающих представителей Зарубежной Церкви,

да и современных органов печати). Не можем не обратить внимания на принадлежащую архиепископу Аверкию запись слов Архиепископа Феофана:

«Владыку Феофана спрашивали: Будет ли последний русский царь Романовым? На что архиепископ от себя уже (выделено нами — В.К.) отвечал: он не будет Романовым, но по матери он будет из Романовых, он восстановит плодородие Сибири...».

Как бы ни относиться к последнему высказыванию Владыки, говорившему в данном случае не от старцев, а от себя, обратим внимание: как только речь заходит о Доме Романовых, таинственным

образом вступает в действие
воскресшая (Анастасия) женская
закваска этого Рода, все
соединяющая, сращивающая и
восполняющая...

«Мы имеем здесь дело с
древнейшим обычаем Царской
семьи, — писал знаменитый
медиевист Дж.М.Уоллес-Хэдрилл, —
семьи столь высокой, что уже
никакой, наивыгоднейший
династический брак не сможет
возвысить ее кровь [...] В его
собственной крови находилась его
сила, и все, кто входил в нее, ее
разделяли».

Обратим, однако, внимание на
вторую часть предсказания,

переданного через архиепископа
Феофана Полтавского, — избранный
Самим Господом. Здесь все
настолько таинственно, что следует,
видимо, умолкнуть. Или
предоставить слово поэзии,
умеющей «говорить, не говоря» и
передавать непередаваемое.

*Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейскою стужей
И в руке его теплота.*

*Гость из будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?*

[...]

*Ты как будто не значишься в
списках,*

*Калиострах, магах, лизисках,-
Полосатой наряжен верстой,
Размалеван пестро и грубо —
Ты...*

*ровесник Мамврийского дуба,
Вековой собеседник луны
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны.*

*Существо это странного нрава
Он не ждет, чтоб подагра и
слава*

*Впоныхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущего вереску,
По пустыням свое торжество.
[...]*

*Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.*

*А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эти струйки крови
Бередит лепесток ланит?*

Анна Ахматова, «Поэма без
Героя»

Глава, из которой взяты эти строки, называется, между прочим, "Le jour de rois». Вот что сама автор

этих строк написала о них же:

«До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях „Поэмы без героя“. И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздерживаюсь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять, ни объяснять ее я не буду.

«Еже писах — писах».

Последуем и мы за той, чей род, по ее собственным словам, — «солнечный и баснословный».

ЦЕНА КРОВИ

Современное потребительское общество выработало понятие «стоимость жизни», куда включается средний прожиточный уровень среднего человека плюс тот якобы необходимый объем удобств и даже роскоши, который позволяет до известной степени не просто существовать и сосуществовать с себе подобными особями, но и испытывать определенную степень довольства земным существованием. Замечательно, что понятие это используется не только западными буржуазными обществами, но и

вошло в позднесоветский оборот отождествлявшей эту «стоимость» с так называемой «потребительской корзиной советского человека». Это было связано с идеологией «экономического материализма», одной стороной которого является либерализм, а другой — марксизм. Осуществление либеральной изнанки экономического материализма выявило, однако, абсолютную химеричность этого, как и других его понятий, и сегодня, гораздо чаще можно встретить другое определение — не стоимость, а цена жизни, причем последнее, в отличие от первого, в соответствии с точным, смыслом выражения. И впрямь, если

понятие стоимости, так сказать, «безопасно» и действительно касается хозяйственного положения «человеческого материала», то, говоря о цене жизни, имеют в виду человеческое существо как таковое, его жизнь и смерть. Иначе говоря, стоимость материальна, цена — экзистенциальна. А как всякая экзистенциальная категория, понятие цены двоятся. Не случайно, согласно словарю Владимира Даля, торг цену строит, но также и Бог цену строит. В этом случае цѣна или цѣнь корнесловно родственно понятию чинь, то есть степень, звание, состояние. При этом понятие бесчинный, в особенности если

посмотреть на него с точки зрения
так называемого «порядочного
человека», то есть леонтьевского
«среднего европейца», в ряду, по ряду
стоящего, несет крайне
отрицательную окраску, а понятие
бесценный, откуда бы на него не
взглянуть, напротив — высшую,
более того, бесконечную
«положительную степень».
Отверженное с точки зрения
порядка, ряда промежуточных,
«человеческих, слишком
человеческих» состояний
оказывается обладающим
бесконечной возможностью, *potentia
absoluta*. "Камень, егоже не в ряду
сотвориша зиждущий, сей бысть во

главу угля, от Господа бысть сие, и есть дивно во очию вашего (Матф, 21, 42).

Но в Евангелии, помимо провозглашения бесценности отверженного, небрегомого, всего, что есть «буге мiра», прямо упоминается и понятие цены, причем упоминается в контексте предельно обоудоостром, «Тогда видеб Иуда предавый Его, раскаявся возврати тридесять сребренники архиереем и старцем, глаголя: согреших предав кровь неповинную. Они же реша что есть нам: он узреши. И поверг сребренники в церкви, отиде, и шед оудавися. Архиерее же приаша сребренники,

реша: недостойно есть вложить их в корвану, понеже цена крови есть» (Матф, 27,3-7) Таким образом цена крови и цена жизни тождественны, причем следует понимать это буквально, ибо кровь — основной субстрат жизни, ее сущность, эссенция, эликсир, раса, роса или роза, в особенности кровь мученическая, невинная. В данном же случае речь идет о сверхкрови, Крови Богочеловека, Крови Распятого, то есть униженного, поставленного в ничто, за ничто принятого, то есть в глазах мира и века сего бесчинного, а, значит, бесценного.

В последнее время часто

приходится слышать, что жизнь катастрофически обесценилась. Действительно, даже услуги «киллера» сегодня стоят баснословно мало. Все больше и больше людей погибают от войн, катастроф, эпидемий, и число это будет, по-видимому, возрастать. Как стремительно возрастает и число серийных убийств и убийц, самим существованием своим доказывающим эти очевидные истины. Причем характерно следующее: чем более открытым и демократическим является общество, чем более оно подвержено идеологии гуманизма и прав человека, тем ниже цена жизни. Война в Югославии —

нагляднейший тому пример. Начатая как война за права человека, она ведет к полному обесцениванию жизни этого самого человека, вне зависимости от его этнической принадлежности.

До сих пор «объем» проливаемой человеческой крови был приблизительно один и тот же. Средневековый мир не только не знал понятия прав человека, в том числе и «права на жизнь», но и совершенно иначе соизмерял соотношение жизни и смерти. Ни в одной главе Добротолюбия мы не найдем морального осуждения не только рабского состояния, но и казней и пыток. Более того — образы

казней, пыток, заточения присутствуют в святоотеческой словесности повсеместно. Мера грехов Ивана Грозного или Жиля де Ре была бездонна, но столь же бездонно было их покаяние. Столь бездонно, что крестьяне плакали, когда «Синюю Бороду» вели на казнь. Не случайно сегодня, даже в церковной среде, совершенно забыта старая пословица «Давидски грешим, Давидски и каемся». В это «мрачное» с точки зрения «цивилизованного человека» время множество человеческих существ гибло от войн и эпидемий, но больше рождалось, а истребление младенцев во чреве почиталось более тяжким

преступлением, нежели простое убийство. В той же Германии, да и у нас в XV-XVII веках оно каралось смертной казнью, в то время как простое убийство — не всегда. Это было связано со знанием о том, что жизнь на земле лишь краткий изгиб жизни бесконечной и вечной, что позволяло смотреть на нее в обратной перспективе, иконописно, или, если угодно, сверхреально, «сюрреально». Убитый взрослый человек, прошедший крещение, не лишается общения ни с Богом, ни со своим убийцей, вступая с последним в своеобразные «брачные» отношения, молясь там о искуплении свершившегося. Душа же младенца,

не прошедшая врата основного христианского таинства, может оказаться во тьме внешней, более того, пополнить собою нежить, небытие. Поэтому в средние века Церковь легче прощала разбойников, кровавых правителей и даже палачей, чем матерей-детоубийц. Сегодня все обстоит строго наоборот — пацифисты и либералы как правило выступают за «репродуктивную свободу», в отличие от фашистов или сталинистов, относящихся к этой свободе (как, впрочем, и ко всем остальным) резко отрицательно. Именно это последнее и было причиной того, что ни Аушвиц, ни Гулаг в целом не изменили «цены

крови» как таковой — и Гитлер и Сталин массовым образом истребляли взрослых, но и в Германии и в СССР под страхом уголовного наказания было запрещено «иродово убийство». Поэтому ни гитлеризм, ни сталинизм, с какими катастрофами бы они ни были связаны, все же не обрушили человечество в последнюю и окончательную бездну. Торжество же либерально-гуманитарных ценностей привело к тому, что самый страшный вид убийства и в Европе и в России стал признаваться за норму, более того, охраняется законом. Убивать, например, журналистов нельзя, а младенцев во

чреве можно — таков один из императивов «открытого общества», Сталин или Милошевич — палачи, цивилизованный врач-гинеколог — нормальный профессионал. И так далее, и тому подобное.

Средневековый мир прекрасно знал о мистической связи цены крови с богатством государства, его золотым запасом. Не случайно знаменитый алхимик XV века Николай Фламель, один из немногих, действительно обретших вещественное золото, помещает изображения из своей Книги Фигур Иероглифических на воротах парижского Кладбища Невинных Младенцев, посвященного жертвам

Царя Ирода. С другой стороны, своего рода Иродом навыворот средневековые почитало Святого Императора Константина. Одна из легенд о его Крещении рассказывает о том, что Император был неизлечимо болен, и врачи прописали ему только одно средство — омовение в невинной детской крови. Для лечения привезли младенцев во множестве со всех концов империи и, когда для царя уже приготовили ванну, он сжалился над слезами матерей и отменил убийство, избрав вместо него Святое Крещение с последующим причащением Тела и Крови Христовых.

Предсказание

исполнилось буквально, но в ином образе, как это бывает со всяким предсказанием. Так или иначе, Святое Тело и Святая Кровь легли в основание Нового Рима — Византии, империи простоявшей ровно тысячу лет.

Кровь невинных младенцев приравнивается Церковью к крови воинов, за веру, царя, и отечество живот положивших. В последовании православной панихиды прошение о упокоении младенцев и воинов идут одно за другим. Именно кровь русских воинов, погибших во второй мировой войне, была мистическим основанием экономического могущества СССР и стран

Восточного блока, основанного на абсолютно произвольно выбранном, ничем не обеспеченным и неконвертируемом рубле. Как это не невероятно звучит для позитивистского сознания, но подлинной причиной краха великой державы, в том числе и превращение «неотмирного» сталинского рубля в брежневский «деревянный» стало изменение цены крови — дозволение детоубийства во чреве после смерти вождя.

Как бы там ни было в XX веке, но гипотетически возможно положение, когда цена крови столь высока (потенциально — бесценна), что золотого запаса государства

вообще может не понадобится. И самое интересное, что так было, причем в нашей отечественной истории. Речь идет о «безмонетном периоде» XI-XIII веков, когда на Руси... вообще не было денег! Историки строят самые разные предположения о причинах этого — от идеи о всеобщем натуральном обмене до ошибок «глобальной хронологии». Так или иначе, но никто не может отрицать, что в ту пору не было и речи об «отсталости» Русского государства, ни о его изоляции — европейские династии считали за честь породниться с Домом Рюриковичей-Мономаховичей, а Новгород был

местом, где укрывались от многочисленных узурпаций иноземные государи — от Олафа Святого Норвежского до венгерских принцев. Отсутствие денег в таком государстве могло быть связано только с одним — бесценностью крови самих князей Рюриковичей, не требующей обеспечения «золотым запасом». Этот высочайший род сам был золотым запасом Руси, точнее самой Русью — ведь одно из значений слова Русь, Рус — золото или солнце. Поразительный свет на данную проблему проливают работы современного русского историка Романа Багдасарова, исследовавшего иконографический документ

царского родословия Руси — так называемое «древо Иесеево» Архангельского собора Московского Кремля. Оказывается, что русские князья и цари — Рюриковичи состояли в духовно-генеалогическом родстве с царями Давидом, Соломоном и Самим Спасителем, а также и с «внешними мудрецами» — Гермесом Трисмегистом, Пифагором, Зороастром, Орфеем. Но это и есть священная, бесценная царская кровь, Sang Royal, Sang Real, Святая Грааль (именно так, в женском роде даже еще в XIX веке именует Святую Чашу «Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь»),

которую стремятся взыскать (quester) на западе герои Готье Мапа, Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха. Замалчивание этого, открыто признаваемого в средневековье, факта в Синодальный период, равно как и более ранние (одни историки утверждают, что при Иоанне Грозном, другие — что при первых Романовых) заштукатуривание «Древа Иессеева» создало в России как династический, так и финансовый тупик (а они, как оказывается, неразрывно связаны), который пытались преодолеть сначала Император Павел Указом о престолонаследии и введением серебряного рубля, а затем, Царь-

Мученик — золотого. Но даже обеспечение национального богатства металлическим золотом решает проблему только отчасти, хотя это все-таки лучше, чем абсолютно нечестивый банковский процент, обеспеченный «воздухом». И тогда становится понятным и то, что отсутствие этого «обеспечения бесценным» и было главной причиной краха всех попыток создания «магической автаркии» от буржуазного мира, как в Германии, так и в СССР. Они были неудачны в той же степени и мере, в какой любая магия (и алхимия) несоизмеримы с Евхаристией.

Так или иначе в двадцать первый

век мы вступаем на фоне катастрофически падающей цены крови — сверх-геометрически возрастающего уничтожения взрослых людей (во имя все тех же «прав человека») плюс абсолютная свобода всех видов умерщвления во чреве. Иродова суть либерализма сегодня очевидна для всех, в том числе самих либералов. Крушение доллара и евро так же неизбежно, как и крушение «деревянного» рубля. Просто одно произошло раньше, а другое произойдет позже. Электронные деньги, о которых так много сегодня пишут и говорят, вообще не будут обеспечены ничем, то есть тьмой кромешной. Именно

тогда и появится лженаследник Христа, «фальсификатор крови», ставящий свою печать признавшим его за такового. Однако эта последняя фальсификация приведет и к последнему экономическому краху. Когда голодные придут к узурпатору и потребуют хлеба, он скажет им: «Чего вы хотите от меня? У меня нет хлеба для вас».

Тогда цена жизни, цена крови упадет до нуля. Как говорил Преподобный Серафим Саровский «ангелы не будут успевать принимать души». Но ноль тождественен бесконечности. Бесчинное бесценному. «Камень, егоже небрегоша зиждущие сей бысть во

главу угла». «Это и будет (а на самом деле уже есть) Второе Пришествие Царя Царей и Господа Господствующих, сверхтрансмутация Святой Крови в золото Нового Иерусалима.

РОДОСЛОВИЕ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

К сказкам нашим мы привыкли и считаем их обычно «пережитками язычества», к которым даже и недавно ставшие таковыми «новоязычники» относятся не очень серьезно. Но если язычество, по крайней мере, в привычном смысле этого слова, то есть поклонение рукотворным идолам, не столь уж древне и традиционно, и, быть может, хронологически даже совпадает с распространением

христианства, то не можем ли мы взглянуть на сказки, хотя бы на некоторые, в обратной перспективе, как на некие следы событий, связанных с участниками евангельского благовестия, в «языческом» сознании? Но тогда все они обретают для нас абсолютно неожиданный, более того, актуальный смысл, оборачиваются не в прошлое, а в будущее.

«Смерть моя — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц в железном сундуке сидит, сундук на крепкий замок закрыт и закопан под самым большим дубом на острове Буяне, посреди моря-океяна», — рассказывает в одной из основных

редакций знаменитой нашей сказки
Кощей Марье Моревне, упорно не
желающей быть ему женою.
Повествование это, влагаемое в уста
зеленого старика, освобожденного
Иваном Царевичем из огня в
железном котле, указывает на его
совечность земному, тварному миру,
на его перво материальность. «На
Буяне острове, — писал А. Н.
Афанасьев, — сосредотачивались все
творческие силы природы, как в
вечно полном и неисчерпаемом
источнике. Он лежал на океане,
матери всех морей, из которого
вышла земля. Буян потому и остров,
что находится среди беспредельного
океана. Как и когда создался Буян-

остров, предания молчат». (А. Афанасьев. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. Изд-во «Индрик», М., 1996, с. 24). Между прочим, на этом вневременном острове действительно, как в сказке о Кощее, растет «дуб мокрецкий», который «ни наг, ни одет», то есть и засохший, и живой, с отпрысками, не развившийся, а ветры из «тутошнего», проявленно-тварного мира, приносят под этот дуб семена, зародыши, остающиеся «от суровости нечистой силы мороза — для новой жизни» (там же, с. 24 и 28). Что это за семена на острове — не «всякой ли твари по паре», взятые

Ноем в спасительный ковчег — тоже остров? Но что же тогда есть смерть Кощеева? Яйцо — это семя, бросаемое в землю, которую средневековые химические философы называли и красною глиной, и торфом, и «чернью чернее черной черни» (*nigro nigrius nigrum*). Онтологически земля эта тождественна воде, точнее, это и есть сама вода, но только единосущная земле и предшествующая библейскому «разделению вод». Но во всех вариантах сказки Кощей именуется «царем», а в некоторых редакциях это царь, владеющий золотом: «там царь Кощей над златом чахнет»...

Французский исследователь XIX столетия Фабр д'Оливе в своей уникальнейшей книге «Восстановленный Гебраический Язык» указывает на то, что слово *malach*, *melech*, *moloch* (царь) с изменением огласовки начинает обозначать «божественную эманацию», «вечную сущность», «эон», или даже «ангела» (Fabre d'Olivet. *La Langue Hebraique Restituee*. Lausanne, 1985. p. 19-20). Естественно, равносущна и обратная инверсия, не от царя к ангелу, но от ангела к царю. Само же слово эон имеет двойной смысл: с одной стороны — это исторический цикл, с другой — «вечное время» или

«неподвижное движение», то есть состояние «между» временем и вечностью, в котором, согласно православным представлениям, пребывают как ангелы, так и души в ожидании Суда, Кризиса, только уже не водного, а огненного. Эонически неподвижным пребывает и «остров Буян» с его «мокрецким дубом», то есть райским деревом, раздваивающимся на древо жизни и древо ведения только уже в раздвоенном сознании раздвоившегося (на мужа и жену) человека. Там, под этим еще единым деревом покоится и яйцо, в котором «смерть Кощеева», а следовательно, и его рождение, и, между прочим, и

его родословие: яйцо — утка — заяц — сундук = замок, то есть яйцо — птица — зверь — замок. Тот же самый Фабр д'Оливе рассказывает, что гебраическое корнесловие «рая на востоке» тождественно «неразмыкаемой оболочке» или «чреву беременной» (ibid. p.75). Но кто же тогда этот самый зеленый старик из котла, об истоках которого «предания молчат»?

Обратимся к истории уже русской. Предок Дома Романовых, а точнее, давшего России Романовых рода Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых, носил имя Федора Кошки. Кошь (кошь) — корзина, короб, а с другой стороны — жребий, судьба.

Изображения корзины, короба с рыбой и бутылью красного вина (короб также и рыба и корабль) часто встречаются в римских катакомбах, а в средневековой Европе так изображалась святая Грааль — Чаша с Кровью Христовой. А у кельтов та же самая чаша — это котел, наполненный то жертвенной пищей, то огнем. Между прочим, у героя нашей сказки где-то в соседнем царстве есть «брат Кош», к которому Кощей Бессмертный ездит «на крестины». С другой стороны, на средневековом русском языке кощей — тот, кто ведает лошадьми в дружине князя, кто ведет запасную лошадь для князя (Словарь русского

языка XI-XII вв. М., «Наука», 1980, с. 398). Но Федор Кошка — сын знаменитого Андрея Кобылы, родоначальника не только Романовых, но и Колычевых, Мотовиловых, Шереметевых... А ведь «исполнение имени» совершилось с поразительной точностью: после брака Иоанна Грозного с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой родовая линия последней прямо становится «запасным родом», а в 1613 году восходит на престол как вторая, «вместо» Рюриковичей династия Московского царства. Почему? Вспомним, что именно Андрей Кобыла, приехав в Москву из

Великого Новгорода, устраивает династический брак Симеона Ивановича Гордого с тверской княжной Марией Александровной, тем самым замиряя два враждующих княжества. Подобными же делами занимается и сын его Федор Кошка в Золотой Орде. Но быть брачно-династическим стряпчим в те времена могло только лицо той же, если не более высокой крови, нежели жених и невеста. Но так оно и было! Мы знаем, что Андрей Кобыла — бежавший от Тевтонского ордена на Русь и принявший Православие потомок литовско-прусского (=русского) царя-жреца Вейдевута, посвященный также и в ведение

своих прямых предков, близкого к (если не тождественного) друидическому.

Итак, «русский Мерлин»? А почему нет? В те времена Русская Церковь, строившаяся не только греками, но и варягами, связанными с кельто-ирландским духовенством, также долгое время отвергавшим диктат Рима, еще не пережила новгородско-московского разделения XV века, не была «подморожена» (по выражению К. Леонтьева) беспощадною, «авраамической» правотою Стоглава. Интересно, что британский исследователь Роберт Грейвс упоминает в связи с кельто-ирландскими королевскими

преданиями Caer VEDIWID — «замок совершеннейших» и Caer VANDWY, — «замок высочайшего» (см. Robert Graves. The White Goddess. New York, 1958. p. 103). Но так ли далеко от «совершеннейшего» и «высочайшего» до «бессмертного»? Здесь есть над чем подумать. Замечательно, что сам Вейдевут (имя которого часто писали как Ведивит или Вендивит, почти как у Грейвса!), живший, по преданиям, в III веке по Р.Х., приносил жертвы под сохранявшимся до середины XIX века вечнозеленым (цвет Кощея!) дубом на равнине Романове или Ромово при слиянии рек Дубиссы и Невяжи. (см. в т.ч. Сборник материалов по истории предков царя

Михаила Феодоровича Романова. Изд. Костромской губернской ученой архивной комиссии. Ч. 1.СПб., с. 52). Итак, «зеленый старик», сказочный Кощей Бессмертный — предок русских царей? Или, по крайней мере, их «метапредок»? Не более и не менее.

Более. Сказка наша раскрывает иные пласты, еще более загадочные, где христианское предание соприкасается с доязыческим первоначальным. Кроме самого Спасителя, оба они знают только одного истинного царя-священника, «без имени, без родословия», предшествующего Аврааму и соответственно всей авраамической

религиозной ветви, более того, первичного по отношению к ней и к присущему ей морально-социальному и правовому пафосу, создавшему многовековую цивилизацию, как, впрочем, и к идолопоклонству «язычества». Это Мелхиседек. Царь вне цивилизации, вне «смерти и времени», «царящих на земле» (Вл. Соловьев). Тот самый истинный царь *melekh*, эонически пребывающий в мироздании, совечный ему, тот самый, по чину которого, согласно Апостолу Павлу и всей православной традиции, священствует Сам Спаситель.

Фольклористика XIX-XX веков разъясняет нам, что Кощей — это

зима, а смерть его — торжество новой жизни, юной любви, которую тще ищет Кощей... Что ж, отчасти это верно... Ведь в древности праздник солнца приходился именно на зимнее солнцестояние и именно в этот день, день Sol Invictus постановил святой Константин праздновать Рождество Солнца Правды, Которому поклонились цари-волхвы, цари Востока, цари от царя Мелхиседека, цари «Кощеева посвящения».

Но царство Мелхиседека, в частности, в русской народной книжности, накладывается на царство пресвитера Иоанна, баснословное Беловодье, которое

искали калики перехожие, странники, староверы. Но и сам «пресвитер Иоанн» — это тот любимый ученик, который, согласно каноническому евангельскому корпусу, не умрет до окончания земного века (Ин. 21.22), сам Иоанн Богослов. Если это так, то в этом случае нам известны только очень поздние редакции сказки о Кощее. Но даже из них ясно, что вроде бы убивающий Кощея Иван-царевич это тот же самый Кощей, его другой, друг, а вражда и даже смерть — только иной облик любви. «Любите врази ваша»... Не случайно Кощей бессмертен (a-mors), и перед нами таинственный смысл самозаклания

царя-священника по образу предвечной жертвы Сына Божия. Кстати, гниение плоти Кощея, источающей отвратительный запах, сожжение ее в огне и превращение в пепел — точное описание стадий «Великого Делания» средневековых философов, в котором Мастер и Камень суть одно. Смерть Кощея оказывается условной, он был и остается Бессмертным. Раздвоение же Ивана-Кощея и наделение одной из его половин "отрицательными смыслом вполне естественно, неизбежно и исторически необходимо: цари-жрецы, кроме «благодатного остатка» в лице евангельских трех царей,

вырождались чрез принесение «жертвы кровавой, человеческой». И вот уже внеисторический Иван-царевич из Иоанна Богослова, любимого ученика Христова, исторически неизбежно превращается, помимо своей воли, в воинствующего насадителя «доктрины» Добрыню Малховича (тоже, кстати, «царевича»), но и предшественника Вассиана Топоркова, Малюты Скуратова и Феофана Прокоповича, творцов «концентрационной вселенной», в которой «умное золото» Кощея Бессмертного будет в конце концов заменено материальным золотом, закатной, как бы христианской

цивилизации, вселенской пародии.

Но не менее таинственна (таинственна!) и Марья Моревна. Ведь простой перевод ее имени означает: Мария Морская. Кто это? Вспомним — равноапостольная Мария Магдалина, просветительница Галлии, согласно «Золотой легенде», своего рода Четье-Минее средневекового Запада, высадилась близ Марсея, в Сен-Мари-де-ла-Мер, и с тех пор в Европе (потаенной, не «среднего европейца» буржуазной Европы!) ее считают покровительницей моря, матерью моря (mere de la mer), не только моря моряков, но и «моря философов», Stella Maris. «Иногда рассказывается,

что Мария Магдалина была невестой Иоанна Богослова, отвергшего брак с ней из любви к девственности и ради полного служения Христу», — пишет С.С. Аверинцев в Энциклопедии «Мифы народов мира» (М... 1988, т.П. с. 117). Легенда эта лукава, как и многие из легенд, призраками бродивших по Европе, но она вполне могла дойти и до Руси, бывшей до ордынско-московского перелома, особенно на севере, ее частью. Но если это так, то еще более ясно, что разделение Кощея и Ивана — позднее и мнимое. Как и смерть Кощея. А русское предание гласит, что по морскому пути «на запад солнца» Мария Магдалина побывала

в Риме и вручила императору Тиберию яйцо, ставшее в руках кесаря огненно-красным. Кощеево яйцо. Царское яйцо. Свидетельство о Воскресении Царя и Иерея по чину Мелхиседекову.

Недавно был опубликован второй том документов и материалов, посвященных Федору Ивановичу Тютчеву, предки которого, кстати, служили при московском дворе вместе с боярами Кобыличами (Захария Тютчев упоминается в летописях как дипломат). Замечателен рассказ знаменитой фрейлины Смирновой о похоронах Николая Первого. На слова ее о том, что Царству Русскому приходит

конец, Тютчев произнес одно слово:
Мелхиседек.

**«ПОДСТУПАЛ Я
ВНОВЬ К МОСКВЕ
СО СЛАВОЙ»**

**К МЕТАФИЗИКЕ
САМОЗВАНЧЕСТВА**

Всех нас долго и упорно учили будто бы история «не имеет сослагательного наклонения». «Все идет по плану», и одна формация неотменимо сменяет другую, в жесткую хронологию намертво впечатаны эпохи и царствования. Их,

конечно, можно по-разному толковать — быть марксистом, позитивистом, биологистом, идеалистом или моралистом — суть дела от этого не изменится. Человечество движется вперед во времени, пути назад нет. На этом же фундаменте стоит и историческая наука на западе. В чем здесь дело? Откуда эти представления о едином, единожды заведенном процессе? Корни их, впрочем, можно легко увидеть в кальвинизме с его доктриной предопределения, но, конечно же, тянутся они значительно глубже, в более ранние времена. На это указывал Фридрих Ницше, когда писал о разрушительности феномена

Сократа для древнейшей, хтонико-органической культуры. Но Сократ был только началом. Вся «формационная» линия историософии — вплоть до Маркса, Поппера и Фукуямы изначально исходит из жесткой хронологической схемы, закреплённой в позднем средневековье римо-католической, а затем кальвинистской теологией. Появление в конце XIX-первой половине XX веков «цивилизационного» подхода к истории, связанного с именами Шпенглера, Данилевского, Тойнби, русских евразийцев было лишь первым толчком, поколебавшим сократо-кальвинистскую модель

исторического космоса. Но и это было только началом. Последнее десятилетие отмечено уже землетрясением девяти балльным. Под вопрос поставлена (и вовсе не бездоказательно, а на основе точнейших астрономических исследований) сама хронология и соответственно существование большинства исторических цивилизаций как таковых. Отвергшие календари Скалигера-Петавиуса, ученики «шлиссельбургского затворника» Николая Морозова вынуждены приходить к выводам о «наложении» цивилизаций, причем картины «наложения» часто оказываются абсолютно

противоположными — от «восточнической» (у Фоменко и Носовского) до «западнической» (у Калюжного и Валянского). Но здесь не место анализировать феномен «новой хронологии» — к нему мы еще надеемся вернуться. В первом приближении попытаемся констатировать, что история в принципе подчиняется тем же законам, что и физические науки. Квантовая физика XX века утверждает, что квант ведет себя противоположным, взаимно исключающим образом — как частица и как волна, причем само ее поведение неотменимо искажается позицией наблюдателя (принцип

неопределенности). Но совершенно то же самое проявляется и в макром мире, надо только уметь примечать. Всякому, например, грибнику известен «феномен белого гриба» — если на это «лесное золото» раз посмотреть, гриб перестает расти и гниет. В целом на этих же принципах (центрической позиции мастера-наблюдателя) основана и средневековая алхимия и ее современное прочтение (школа Фулканелли-Канселье). Но если это так, то почему то же самое не применить к истории? Почему историй не может быть столь же много (потенциально — до бесконечности), сколь и состояний

«элементарной» частицы или «философского субъекта»?

Почему в конце концов, наблюдатель истории не оказывает на нее обратного воздействия, буквально не реализуя знаменитую формулу о «политике, обращенной в прошлое»? Более того, в этом случае все «варианты поведения» истории оказываются в одинаковой степени верны и подтверждаемы, в том числе и археологически. Так, ту же самую знаменитую библиотеку Ивана Грозного можно искать (и найти!) и в Москве, и в Ярославле, и в Новгороде! Когда Патриарх Никон строил свой Новый Иерусалим в семидесяти километрах от столицы,

это был тот же самый Иерусалим, что и в отдаленной Палестине! Да и нынешний конфликт по поводу Царских останков в этом контексте лишается всякого смысла, поскольку истинное значение имеет не их физическое нахождение на Урале, в Брюсселе или в Ленинграде, но метафизический акт веры в святость Царственных мучеников (то есть все та же «позиция наблюдателя»).

Интересные соображения в связи с «поведением истории» высказал современный философ Александр Дугин в своей статье «Время Ляпунова», опубликованной в его книге «Тамплиеры пролетариата» (М., Арктогея, 1997).

Дугин утверждает, что в некий момент, в некоей точке, события начинают происходить принципиально «неправильно» (разумеется, с точки зрения обыденной «правильности») в связи с начавшимся изменением структуры самого времени. Тогда «отменяются» все устойчивые правила, законом становится аномия. Самого Дугина интересует прежде всего метафизика революции, но замечания его о «времени Ляпунова» в истории оказываются гораздо более широко применимы. Впрочем, тема «метафизики самозванчества» от «метафизики революции» вовсе не далека. Если развивать посылки

Дугина дальше, легко прийти к выводу, что эта точка, собственно, находится не где-то на линии предыдущего (не «ляпуновского») времени, а всюду, везде, и, разумеется (что одно и то же), нигде. Собственно говоря, «правильного» развития событий нет и быть не может, существует лишь «сад расходящихся тропок» (Хорхе Луис Борхес). По сути, речь идет о той самой множественности состояний бытия, о которой в XX веке писали такие разные авторы, как Рене Генон, Джон Данн, тот же Борхес.

Противоречит ли это христианской картине мироздания? Если под христианством понимать

западное, линейно-историческое, морально-триумфалистское прочтение Библии, совпадающее, по сути, с теорией «прогресса», то, разумеется — да, противоречит. Но является ли оно действительно христианским, то есть православным, право славящим Бога и Его творение? В Никео-Цареградском Символе веры есть лишь одно указание историко-хронологического свойства — «распятого же за ны при Понтийстем Пилате». Да, если принять за основу хронологии Скалигера и Петавиуса (а мы, в отличие от Фоменко и Носовского, не отвергаем ее, а принимаем как одну из бесконечных,

наряду, разумеется, с «новой», то мы с полным основанием можем утверждать, что речь идет именно о 33-м годе от Р.Х. (с соответствующей поправкой на 7 лет), и будем на сто процентов правы, как столь же правы эту хронологию отрицающие. Но для православного христианина Тайная Вечеря, смерть и Воскресение Христовы образуют центрическую точку истории и космоса. Эта точка искупительной жертвы Богочеловека и есть та самая основная метафизическая точка, беспрерывно рождающая бесконечную множественность состояний бытия, все тот же самый «сад расходящихся тропок». Об этой жертве Апостол

говорит, что человек искуплен «честною кровию яко агнца непорочна и пречиста Христа, предведеннаго оубо прежде сложения міра, являшагося же в последняя лета вас ради» (1 Петра, 19-20). Если точку Жертвы Апостол именует и доміровой и последней во времени, то совершенно очевидно, что она и есть нигде — и повсюду сущая альфа и омега, приснорождающая все «множественные состояния». Но даже на видимом уровне она не может быть единственной: ведь непрерывно, а вовсе не единожды совершаемая Божественная литургия есть не образ этой Предвечной Жертвы, как у протестантов, и не ее

магическое повторение, как у католиков (где отсутствие призывания Святого Духа делает священника «превращателем» вина и хлеба), но сама эта Жертва при Понтийском Пилате, в одинаковой степени привязанная и не привязанная к исторической Палестине, как, впрочем, и вообще к любому историческому времени. Именно об этом и повествует знаменитая «Новая Скрижаль», по которой русский человек XVI века познавал основы веры. Но если точка Жертвы всегда и везде, то именно из нее истекает «время Ляпунова», буре мiра", всякое юродство и всякое Царство. «У Бога всего много» — это

народное присловье оказывается «томов премногих тяжелей», даже если эти тома написаны «в защиту родной истории».

Здесь, собственно, и начинается главная тема нашего разговора. Ведь проблема множественности состояний бытия прямым образом связана с проблемой метемпсихоза (т.н. «переселения душ»), последняя же имеет самое непосредственное отношение к самозванчеству, то есть принятию на себя себе не принадлежащего, в данном случае, Царского имени и родословия. Часто, ссылаясь на осуждение Пятым Вселенским Собором учения о метемпсихозе и соответственно

(вполне справедливо) не принимая для себя дальневосточных толкований переселения душ, тем более в их «нью-эйджевском» варианте, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что же именно было отвергнуто Церковью в связи с теорией «переселения». А ведь ответ здесь более чем прост: представление о линейности времени, а, следовательно, о прогрессе и эволюции в любом толковании — как позитивном, так и оккультном. Но если нет линейного времени, то тогда множественность состояний бытия (а, следовательно, и одного из его параметров, временного) становится очевидной

со всей непреложностью. Дабы пояснить то, о чем мы здесь говорим, придется прибегнуть к достаточно обширной цитате из Тайноводства (Мистагогии) преп. Максима Исповедника: «Таким образом, когда душа становится единовидной, соединившись сама с собой и с Богом и когда она увенчивается первым, единым и единственным Словом и Богом, то перестанет существовать и разум, в [своем] помышлении разделяющий ее на многие части, ибо в этом Слове, как в Творце и Создателе сущего, единообразно существуют и пребывают, в соответствии с единой и непостижимой простотой, все

логосы сущего... И опять же, согласно
обычному сравнению, [старец]
уподобил весь мір, состоящий из
видимых и невидимых [существ]
человеку, а человека, состоящего из
тела и души, называл міром...
Сообразно этому родству
[осуществляется] всеобщий и единый
способ незримого и неведомого
присутствия в сущих всесодержащей
Причины, разнообразно
наличествующей во всех и делающей
их несмешанными и неразделимыми
как в самих себе, так и относительно
друг друга, показывая, что эти сущие,
согласно единообразующей связи,
принадлежат скорее друг другу,
нежели себе». (Творения преп.

Максима Исповедника. Кн. 1. М.,
Мартис, 1993. С.165-168). Несколько
иными словами это же
сформулировал русский философ
Борис Вышеславцев: «Всякий,
однако, имеет свое место в вечной,
или абсолютной памяти, в царстве
духа, в идеальном царстве, где ничто
принципиально не пропадает — ни
один образ, ни одна ценность, ни
одна идея, ни одна
индивидуальность. Такое
взаимопроникновение душ,
несомненно, существует, но не есть
„перевоплощение“ одной
индивидуальности в другую, которое
просто невозможно, ибо
индивидуальность есть эта

индивидуальность, а не другая. Оно есть нечто гораздо более чудесное, именно жизнь и действие одной индивидуальности в другой и через другую в силу взаимной проницаемости духов». (Б. Вышеславцев. Бессмертие, перевоплощение и воскресение. В сб. «Переселение душ». М., 1994).

В этом случае мы вынуждены признавать, что всякий при определенных условиях может обнаруживать себя во всяком ином субъекте совершенно реально, без всяких «прошлых рождений», и, притом, не только перспективно, «из прошлого в будущее», но и ретроспективно, из настоящего в

прошлое, двигаясь во времени совершенно свободно. Но тогда всякий «сумасшедший», утверждающий, будто бы он есть Наполеон или Александр Македонский, оказывается прав, и общество имеет основание держать его под замком только постольку, поскольку оно само является воплощением «концентрационной вселенной» (Мигель Серрано). Но это особые случаи. Почему, некто (допустим, в рамках «нормы») как бы вдруг начинает остро чувствовать события прошедших веков или даже просто одной человеческой судьбы или судьбы некоего рода, например, царского? Кто он? Самозванец? Или

тот же безумец? Для человека западной культуры существует наследование биологическое, для дальневосточного — наследование кармическое, через «переселение». Значит либо иллюзорен дух, либо плоть. Но мы чаем не освобождения от плоти, а ее Воскресения, а, значит, для нас одинаково важны как земное, так и «логосно-семенное» рождение, на что ясно и непреложно указывает различие родословий Спасителя в канонических Евангелиях. Речь идет в данном случае о некоем реально существующем преемстве, не совпадающем или не всегда совпадающем с генетической связью, о сакральной генетике, идея которой

остро пронизывает, в частности, средневековый корпус преданий о Святой Граали (хотя царями Граали оказывались как раз те, в ком биологическое и сакральное совпадало). Собственно основную формулу сакральной генетики, то есть «родства всеобщего и единого способа незримого и неведомого присутствия согласно единообразующей связи» и проводит в своей «Мистагогии» преподобный Максим. Важно то, что такая сакральная генетика, в отличие от дальневосточных учений о метемпсихозе, может обращаться как в будущее, так и в прошлое. Но в отличие от гностическо-

манихейского подхода, Православие как учение о Боговоплощении отвергает гнушение плотью и потому не может отвергать генетику биологическую, рождение по плоти и крови, не может, ссылаясь на «благодать», отвергать «закон». Одно дополняет другое, и когда они совпадают, рождается Царский род, «священнокнязи», 'Heerkonige'. Если же сакральная генетика расходится, не совпадает с биологической, мы имеем в «обыденной» жизни «наполеона», в истории — самозванца.

«Позитивная история» чаще всего связывает самозванчество с теми или иными политическими

интересами, заговорами, тайными обществами и разведками. Все это, разумеется, и так тоже, и к этому придется вернуться. Но главное совсем в ином. В том, что самозванчество метафизически не имеет никакого отношения к обману. Вспомним. Мария Нагая, мать святого царевича Димитрия, узнает своего сына в так называемом Григории Отрепьеве. При этом, кем «реально» был этот человек — или не (совсем) человек, не так важно. Дело вовсе не в том, что мать святого царевича Димитрия кто-то «заставил» опознать самозванца — она действительно узнает своего сына, оставаясь верной этому

знанию до смерти, что бы потом ее ни заставляли говорить. Но именно тут отворяется «время Ляпунова», когда законом становится аномия, и события развиваются по неотменимой логике «вырвавшейся из пазов» сакральной генетики, оторванной от генетики биологической, по логике «развоплощенного духа». Лучше, чем об этом написал Максимилиан Волошин в стихотворении «Demetrius Imperator» трудно:

*Тут тогда меня уж стало
много:*

*Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,*

Из Оскала, Ливен из Москвы...

Понапрасну в обличенье вора

Царь Василий, не стыдясь

позора,

Детский труп из Углича опять

Вез в Москву — народу

показать,

Чтобы я на Царском на призоре

Почивал в архангельском

Соборе,

Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала

И меня живого обнимала,

И, собрав неслыханную рать,

Подступал я вновь к Москве со

славой...

А потом лежал в снегу —

безглавый

*В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и
Жмудью...*

*А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой,
И, кружась по-над Москвою, в
гневе*

*Воскрешая новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...*

Совершенно аналогично
развиваются события и после
загадочной смерти Петра III,
совершенно реальные черты которого
обнаруживают и сербский вождь
Стефан Малый, и Емельян Пугачев, и
знаменитый скопец Кондратий

Селиванов. Советский исследователь
А.С. МЫЛЬНИКОВ в
добросовестнейшем и вполне
позитивистском исследовании
«Искушение чудом. „Русский
принц“, его прототипы и двойники-
самозванцы» (Л., 1991) писал:

«То были своего рода
переменные члены уравнения, в
котором константой была вера в
„чудесное“ спасение Петра III,
вместо которого умер или убит кто-
то другой. Теперь это же объяснение
вполне закономерно переносилось
на самозванцев, выступавших под его
именем. Да, поймали какого-то
Колченко, какого-то Кремнева,
какого-то Рябова и даже казака

Пугачева, но „настоящий“ Петр III спасся. Оттого и реальные эпизоды биографии предыдущего самозванца могли включаться в биографию последующего (так поступил Е.П. Пугачев с историей ареста Ф.И. Богомолова). А сторонники одного из самозванцев после его задержания могли примкнуть к другому и даже подтвердить его тождество с прежним: ведь тот и другой были для остальных „Петром III“ (так поступили приверженцы разбойничьего атамана Г. Рябова, признав за него Пугачева). Образ „народного царя“ цементировал легенду, а эстафетный характер обеспечивал ее живучесть до тех пор,

пока развитие шло на подъем» (с. 239).

Похожее происходило и в традиционно монархической Франции. 15 января 1816 года некоему Тома Мартену, известному в дальнейшем как Мартен де Галлардон, явился некто и потребовал, чтобы крестьянин предупредил Короля Людовика XVII об опасности. Посещение повторялось двадцать пять раз, после чего Мартена отправили в знаменитую парижскую тюрьму Шарантон, где он был признан совершенно здоровым. Вскоре вернувшегося Мартена посетили члены некоего общества под

названием «Спасители Людовика XVII», которые сообщили, что дофин вскоре появится. Вскоре, однако, дофинов появилось около сорока, из которых наиболее известными были Матушки Брюно и Жан-Мари Эрваго. В 1830 году к Мартену приехал личный представитель Карла X Огюст де ла Рош-Жаклен с вопросом о том, как вести себя Королю в условиях начавшейся революции. Визионер ответил, что Карлу X лучше всего покинуть Францию, что тот и сделал. Вскоре после бегства Карла X в Париж прибыл плохо говоривший по-французски Карл-Вильгельм Наундорф, в котором не только Мартен (по собственным

видениям), но и знаменитая гувернантка Дофина мадам де Рамбо опознала Людовика XVII, сына казненного во время революции Короля. Заметим, кстати, что малолетний дофин был сыном Марии Антуанетты Австрийской, то есть не только Бурбон-Капетинг, но и Габсбург, исконный наследник Лотарингского дома, что для более или менее знакомого с «династической картой» Европы полностью меняет картину революции 1789 года и всех последующих событий.

В 1834 году, вскоре после встречи с Наундорфом, Мартен скончался, а сам Наундорф

неожиданно начал пророчествовать, опубликовав эсхатологический труд в духе учения о Renovatio, «Эре Параклета» Иоахима Флорского... Интересно, что современные французские историки признают физическую тождественность Наундорфа и погибшего Дофина. В частности, об этом пишет в своей книге «Людовик XVII» де Рош (X. De Roch. Louis XVII. Paris, 1987). Обстоятельный обзор литературы по вопросам французского «сюрвивантизма» опубликовал в своей работе «Революция и возвращение Великого Монарха» Франсис Бертен (она была напечатана в парижском журнале

Politica Hermetica в нашем переводе в московском альманахе «Волшебная гора» 1996, №5).

Но почему именно цареубийство порождает «отворение времени» в наш «сад расходящихся тропок», во «время Ляпунова»? Дело в том, что Крестная Жертва Христа есть также и главное сакральное Цареубийство истории. Бог воплощается не в образе священника или ремесленника, но именно в образе Царя из единственно подлинно легитимной династии, изображая тем самым верховное господство установленного Им Самим монархического принципа устройства Вселенной. Пролитая на Кресте и

приносимая на каждой
Православной Литургии Святая
Кровь открывает всем и каждому
потенциальную возможность
обожения, то есть реального
становления Христом по благодати,
по «семенному логосу» сакральной
генетики. Есть совершенно
потрясающий рассказ преподобного
Симеона Нового Богослова о том, как
после причащения Святых Тайн он
видел свои руки как руки
Спасителя...

Но если так, и если всякий царь
есть «образ одушевлен Самого Царя
Небесного» (преп. Максим Грек), то
и всякая царская жертва есть образ
жертвы искупительной, есть «точка

міровой литургии». Об этом, кстати, предвосхитительно знали древние культуры — вспомним хотя бы знаменитого «царя Нимейского леса». Много лет изучавший «дело Наундорфа» Леон Блуа в своей книге «Сын Людовика XVI» (L. Bloy. Le Fils de Louis XVI. Paris, 1900), кажется, коснулся этой отворяющей время «метафизической точки» цареубийства и «самозванчества»: кем физически был Наундорф для писателя не так важно. Важно иное: король, принесенный в жертву, — не только король-призрак, не только «очертание отсутствия» — он возвышается до уровня Самого Распятого Христа. Этот Король есть

униженный, безымянный и бездомный Король: «Невозможно даже помыслить, не то, чтобы выговорить — у него нет ни куска хлеба, ни крыши над головой; без родства, без имени, без родины, настолько затерянный в толпе, что последний негодяй может его оскорбить; он все равно останется тем, кто он есть и будет, — Королем Франции» (pp.23-24). Все это так, но логика смыслов дает нам возможность двигаться далее, чем двигается Блуа, — бездомный Король разделит время, точнее, отворил два его потока — в одном потоке пребывает бездомный, в другом — Король. Дофин стал субъектом

разных историй. Следовательно, царская жертва и самозванчество это и есть непрерывное сослагательное наклонение в истории, когда (=никогда) все (=ничто) всегда возможно (=невозможно). Это встреча временных разрезов — от двух — далее везде. Тот, кто оказывается самозванцем в одной истории, может оказаться царем в другой, более того, не только царь в «прошлом» может стать самозванцем в настоящем или будущем. Но и царь в настоящем может быть самозванцем в прошедшем и так до приближения к бесконечности, за несуществующим пределом которой, за ее абсолют — Царь

царствующих и Господь
господствующих. «Самозванец» как
существо внеисторическое
исторической, а тем более
моральной, оценке не подлежит.
«Это „существо“ одновременно
включает в себя и абсолютную
полноту, и абсолютную лишенность,
и волю к „смерти“, и бессмертие, и
вечную самосохранность и риск
самоуничтожения, и абсолютный
нарциссизм и попытку выйти за
Себя, и Бога, и „Анти-Бога“ — это
„существо“ подлинный парадокс
парадоксов, и даже сам факт его
существования может быть как бы
поставлен под вопрос, ибо в своем
важнейшем аспекте оно выходит за

пределы Реальности, за пределы мира Абсолюта» (Юрий Мамлеев).

Однако, лишая и так всего лишённого «самозванца» исторической и тем более моральной оценки, акцентируя наше рассуждение на метафизике истории, мы все же обязаны вернуться и к ее физике, туда, где имеет место «различение», где объективно существуют ответы «да-да» — «нет-нет». Да, это уже не метафизика истории, это ее физика, но она тоже есть, как есть плоть, движение, пол, государственность и так далее. В этом разрезе бытия необходимость не развоплотиться, «претерпеть до конца», до апокалиптической

перемены зона, диктует закон. В данном случае это династическое право, принцип легитимности. Если от него отступить, физическая история подвергнется физическим манипуляциям физических сил — «бред разведок, ужас чрезвычайек»... Во «времени Ляпунова» можно быть соработником Божиим, но можно и ловить рыбку в мутной воде. История «операции Трест», когда замкнутая, самодовлеющая корпорация «поставила» сразу на две карты — монархию и революцию — с готовностью принести в жертву побежденного и править самодостаточно — наглядный урок. Здесь мы обязаны констатировать: в

настоящее время все так называемые «претенденты» на Русский Престол являются пассивным орудием этих вполне физических сил, ориентация каждой из которых не имеет принципиального значения. Это тем более будет так, если некто (в шапке ли Мономаха, в «партийной ли кепке») явится как чаемый «спаситель народа». И, конечно же, за всенародной поддержкой дело не станет. Но на вопрос «откуда дровишки?» есть всегда столь же простой ответ — «из леса, вестимо...».

В 50—е годы нашего века в Сухуми тихо доживало свой век семейство Березкиных, о котором

много рассказывали и писали в первые годы «перестройки». И дело было даже не в поразительном физическом сходстве всех членов этой семьи с семьей Царя-Искупителя Николая II и поразительной, немыслимой для этих людей «памятью на детали», но и в том, что их посещал и окормлял один из наиболее известных в то время православных старцев, славных на всю Россию. История эта не имеет ничего общего ни со скандально известными «Анастасиями», ни с новоявленными сотрудниками спецслужб. Березкины, по-видимому, следуя советам старца, категорически

отказывались выступать в качестве «субъектов физической истории», избрав для себя «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте». Внутренняя же жизнь этих людей осталась для нас тайной...

Когда А.С. Пушкин, по прямому заданию Императора Николая I занимался историей Пугачевского бунта, он встретил некоего старика, «сердито», по словам поэта-историографа, ответившего ему: «Он для тебя Пугачев... а для меня он был великий государь Петр Федорович» (Полн. собр. соч. М., 1957-59. Т. 9. С. 373). И, в конце концов, кто знает, не был ли этот старик прав?

Но горе народу, когда он

оказывается прав.